Татьяна Юрьевна Чеснокова

Путин после майдана. Психология осажденной крепости

Вступление

Путин и пустота

События 2014 года показывают, что мы в России в очередной раз отстроили систему, в которой верховное лицо единолично творит историю исходя из собственных соображений. Такие институты, как политические партии, правительство, Совет Федерации и Госдума, а также целая вереница других организаций, комитетов, комиссий и подкомиссий оказались чистой воды бутафорией, картонными конструкциями. Все они наполняются жизнью и движением исключительно по воле одного человека.

Ни в одном из этих системообразующих блоков не нашлось людей, способных не волочиться за ситуацией, а проявить инициативу и настоять на обсуждении внезапно начавшего резко меняться политического курса страны. Вместо этого – склоненные головы и стопроцентный одобрямс на всех уровнях: право народа Украины на свержение коррумпированного и неумелого президента не признаем, новое украинское руководство ни во что не ставим, Крым забираем в состав России, украинцев из братского народа превращаем в «фашистов» и «бандеровцев», Запад объявляем врагом и готовимся свернуть с ним сотрудничество.

Выстроенные в одну цепочку, эти действия кажутся совершенно невозможными и даже безумными. Представить такое развитие событий еще в конце 2013 года было бы весьма трудно. Казалось, худо-бедно Россией и странами Запада созданы международные механизмы сотрудничества и стабилизации, которые в критических ситуациях должны включаться и помогать разрешить конфликты. Однако воля одного человека оказалась более существенным фактором, чем все эти механизмы, вместе взятые.

За несколько месяцев российское общественное сознание откатилось на десятки лет назад, вернувшись к психологии осажденной крепости и жесткому дихотомическому делению на «своих» и «чужих». Враги народа, национал-предатели, пятая колонна – все эти только-только начинавшие плесневеть выражения опять вошли в употребление.

Почему это произошло – вопрос риторический.

А вот не риторический вопрос: как чувствует себя в сложившейся ситуации российская политическая элита? Думать, что все эти люди, владеющие многочисленными активами за рубежом и отправляющие своих детей учиться в лучшие заграничные вузы, искренне радуются новому курсу, было бы абсурдно. Они давно уже проросли корнями в западное общество, связаны с ним бизнесом, приблизились к нему по менталитету. Они – своего рода скрепа России и Запада, существование которой очень важно для мировой стабильности. Но эти люди молчат и демонстрируют тихое испуганное согласие с новой политикой. Каким образом удалось осуществить такую селекцию, при которой в политической элите нет ни одного человека со своим собственным голосом, – это тоже вопрос к руководителю государства. Он как-то сумел. И теперь все существуют в реальности, созданной одним человеком. Собственно говоря, это и есть власть в чистом виде: субъект власти свое видение делает видением всех своих подопечных. Методы, которыми это достигается, становятся все более эффективными от века к веку. Апелляция к исторически сложившимся архетипам врагов, манипуляции общественными страхами и предрассудками – уж сколько раз в истории это было!

Можно предположить, что в направлении конфронтации с Западом Путина подтолкнули сразу несколько факторов. Во-первых, его окружение оказывалось все больше привязано к Европе – и материально, и ментально. Вполне лояльные олигархи превратились в людей мира. Их интересы давно уже носят глобальный характер, а отнюдь не замкнуты на Россию – хотя они и откликались с готовностью на все запросы власти. Аналогичный процесс шел среди чиновников и политиков: личные интересы и связи приобретали скорее глобалистский, чем национальный характер. Легко допустить, что главу государства, пытающегося сконцентрироваться на внутренних вопросах, начала тревожить и раздражать перспектива утратить контроль над элитой. Тем более что главным источником всех материальных достижений своего окружения президент, скорее всего, (и небезосновательно) полагает себя самого.

Другой существенный фактор – антипутинская кампания, которая действительно интенсивно велась в западных медиа, особенно в преддверии Олимпиады в Сочи. Ничего удивительного в этом нет. Когда человек на многое претендует в мировом масштабе и начинает осуществлять свои планы, он естественным образом сталкивается с нарастающим «сопротивлением среды». Это не столько социальный, сколько биологический закон. Чем больше ты хочешь выбиваться из ряда, тем сильнее на тебя будет давить общественный пресс. Возможно, «олимпийский фактор», на фоне которого развивались украинские события, вообще послужил триггером всей смены курса. Путин не мог активно вмешаться в ситуацию на Украине, пока не закончилась Олимпиада, и должен был максимально сдерживать себя. Накапливалось напряжение. А потом – выплеснулось. Система власти, заточенная под одного человека, тем и плоха, что все его персональные проблемы выливаются в реакции вселенского масштаба.

Единственной политической силой, которая пытается хоть как-то противостоять «новому курсу», в России являются либералы. Принимая на себя плевки и пинки со стороны так называемой «патриотически настроенной общественности», они представляют альтернативное мнение. Другое дело, что сам по себе «российский либерализм» в его нынешних форме и составе – весьма малоперспективное политическое течение. Проблема в том, что представляющие его люди не любят не столько сложившуюся систему власти и ее носителей, сколько Россию в целом – с ее драматической и извилистой историей, противоречивым менталитетом, несбалансированностью высоких смыслов и бытовой приниженности. Им бы хотелось видеть на этом месте какую-то другую страну и другой народ. Россия для них – это Мордор, населенный орками, гоблинами и лишь отчасти людьми, Запад же – светоносный Лориэн, где прекрасные эльфы в золотых одеждах порхают с дерева на дерево, неся

миру мудрость и высшие ценности.

Наши либералы поклоняются Западу как иконе, как божеству, сомневаться в непогрешимости которого невозможно. Сложно вообразить, чтобы в какой-либо ситуации они поддержали российскую, а не западную позицию. Запад для них априори прав – в силу своей лориэновской сущности. Можно представить себе, чтобы в конфликте орков и эльфов правда была на стороне орков? Это невозможно по определению. Или, если перейти с публицистического языка на научный: идентифицируя себя с одной из конфликтующих сторон, люди становятся слепы к аргументам другой стороны, искренне их не замечая, не считая существенными. В английском языке для этого есть отличное выражение – «tunnel vision». Либералы идентифицируют себя с Западом, поэтому Россия для них может быть хорошей, только если она идет по пути подражания Западу.

Люди с подобным видением вряд ли могут рассчитывать на какую-то более-менее широкую общественную поддержку. Подобная поддержка означала бы, что Россия потеряла свою субъектность и из страны с уникальной историей и менталитетом превратилась просто в территорию, населенную разными людьми. Такие территории неизбежно и очень быстро растаскиваются соседями, сохранившими субъектность.

Россия (точнее – Путин) встала на путь нарастающего противостояния с Западом. Насколько это безвозвратно? Некоторым кажется, что уже ничего не поделаешь, и сама логика развития ситуации будет тянуть Россию все дальше и дальше – от Запада к Востоку. Но это мнимая безвозвратность. Компромиссы возможны по любому вопросу. Крым? Можно договориться о проведении повторного референдума под международным надзором спустя, скажем, три года, и дать гарантии, что население полуострова сможет свободно решить свою судьбу еще раз. Донецкое ополчение? Россия может предоставить всем желающим российское гражданство, поскольку несет за них определенную ответственность, и бросить этих людей на произвол судьбы было бы аморально. Неразрешимых вопросов не бывает. Бывают лишь люди, которые не хотят их разрешать.

Нам остро необходимы новые политические игроки. Лучший вариант – если бы представители истеблишмента нашли в себе силы стать новой оппозиционной силой нашего общества и публично декларировали, что конфронтация с Западом и дрейф на Восток не нравятся огромному количеству людей в нашей стране. Что Россия была, есть и хочет быть частью Европы и европейской цивилизации; что значительная часть образованных, продвинутых и активных россиян не хочет, чтобы их страна в очередной раз накрылась железным колпаком. Нет сомнений, что думающих таким образом людей много и в правительстве, и в Госдуме, и в Совете Федерации, и в администрации президента. Вопрос лишь в том, есть ли среди них те, кто не боится проявить политическую волю и обладает достаточным запасом прочности, чтобы не дать себя смять общественной машине. Понятно, что они будут ошельмованы, лишены постов и изгнаны из политической элиты. Но это будет лишь тактическое поражение, которое сменится стратегической победой.

За 14 лет стояния у российского руля Владимир Путин совершил немало крутых поворотов и вот – сюрприз – привел корабль к исходной точке. Россия, которая, казалось бы, бесповоротно двигалась в сторону европейской интеграции и сотрудничества с Западом в поисках общего будущего, снова легла на старый курс. У Путина хватило сил и энергии не дать стране развалиться и стать поживой для соседей, но не оказалось запаса идей для построения новой реальности. Мы не сумели творчески переработать накопленный уникальный общественно-политический опыт, не сумели взять все лучшее из социалистического прошлого, обогатить схематичный капитализм и идти дальше. Меж тем то, что общество перепотребления и перепроизводства идет к концу, совершенно очевидно, проглядывают и первые контуры новой системы смыслов и ценностей. А мы опять возвращаемся назад. Почему так получилось? Какие наши черты и особенности тянут нас в старую колею?

Ответы на эти вопросы читатель найдёт в данной книге.

Кроме того, в ней представлены идеи, проекты, которые могут стать связующим звеном между сегодняшней и завтрашней Россией.

И еще немного об идеологической платформе автора. Мои читатели в интернете часто недоумевают, как же так – вчера она критиковала позицию, занятую «либералами», а сегодня не согласна с «государственниками». Действительно, это странно для нашего разделенного и ожесточенного общества – как можно писать на общественно-политические темы и не чувствовать себя приписанной ни к одной из этих групп?

На мой взгляд, и у либералов, и у государственников есть одна общая доминирующая черта – крайняя нетерпимость и даже ненависть к оппонентам. Энергия ненависти – эффективное, но чрезвычайно токсичное топливо, отходами которого и так отравлена наша страна. Нам нужен лидер, который научит нас использовать энергию добра и любви, единственную способную преобразовать Россию в считанные годы. И это не высокопарная фраза, а вполне рациональный запрос, адресованный новому поколению.

Бремя сбывшейся мечты

Все больше людей готовы пожалеть о собственной недальновидности, о том, что, как дети, «повелись» на капиталистическую сказку. Красивые лозунги обернулись развалом, бандитизмом и коррупцией. А мы все, выходившие на улицы, верившие на стыке 80-х и 90-х в новую свободную Россию, – очередное поколение лохов, которых объегорили, объехали на кривой козе.

Чем дальше, тем больше мифов об СССР. Вплоть до того, что это была практически земля обетованная: люди добры, возвышенны и работящи, заводы и фабрики день и ночь производят нужную добротную продукцию, ученые решают задачи мировой важности, молодежь уважает старших, пенсионеры счастливы на заслуженном и хорошо оплачиваемом отдыхе… И вдруг заокеанский черт нас попутал разрушить этот ясный и добрый мир, променяв его на пустышку в яркой обертке. В результате – горькое разочарование.

В одном из интервью Андрей Кончаловский рассказал, как они с Андреем Тарковским «обломались», выехав на Запад. В СССР их, талантливых творцов, ограничивали пошлыми рамками социалистической догмы, не давали самореализоваться. Запад казался глотком свободы. Но оказалось, что там никому не нужны талантливые творцы с жаждой самореализации, а нужны профессионалы, умеющие делать на кино деньги. И никаких тебе высоких смыслов свободного человечества. Они-то думали, что Запад – это как СССР, только лучше! А Запад – это совсем другое кино.

Так и мы все думали, что наши плюсы даны нам от рождения и не имеют отношения к прогнившему строю. Но мы ошибались. Убрав рамки социалистической догмы, мы получили другой народ, лишившийся многих своих приятных особенностей и неожиданно обретший неприятные. Оказалось, что рамки догмы сдерживали проявление многих отрицательных черт российского менталитета.

Главное достижение за 20 лет – теперь мы лучше себя знаем. Мы боролись за свободу – мы ее добились. Мы решили задачу, которую перед собой ставили.

Бремя сбывшейся мечты оказалось довольно тяжелым? Но так всегда бывает с мечтами. И, что бы кто ни говорил, возможностей сегодня у любого человека намного больше, чем было 25 лет назад.

Другое дело, что самыми востребованными оказались отнюдь не возможности самосовершенствования и расширения кругозора… Обнаружилось, что мы плохо умеем брать от свободы хорошее, но к нам чрезвычайно быстро прилипает плохое.

Как вода при одной температуре превращается в лед, при другой – в желеобразную кашу, а при третьей – испаряется, так и народ проявляет разные свойства в разных условиях. Теперь есть с чем сравнивать. Мы посмотрели на себя в разных состояниях. И это – главная отправная точка для дальнейшего движения. В какую сторону – это уже определять нынешнему молодому поколению. У него больше исходного материала для принятия оптимального решения, чем было у нас в середине 80-х.

«Мачо», «ботаник» и другие типажи власти

В течение XX века Россией руководили самые разнообразные социальные персонажи: «мямля», «фанатик», «диктатор», «свой парень», «сибарит», «технократ» (очень недолго). Теперь вот дожили до «мачо».

Владимир Путин пришел в политику в образе скромного и сдержанного агента спецслужб, человека с неброской внешностью, который носит серый плащ и велюровую шляпу, глубоко надвинутую на глаза… Но в процессе своей карьеры в качестве главы государства он вдруг превратился в мачо. Обнаружилось, что Владимир Владимирович не против попозировать обнаженным по пояс, а также позволить запечатлеть себя за рулем, за штурвалом, на склонах гор, в волнах… Да и на совещаниях он демонстрирует натуральный мачизм, хмуря брови и бросая угрожающие и уничижающие реплики трепещущему окружению. Неотъемлемый признак мачо – позерство – Путин освоил на наших глазах.

Дмитрий Медведев попробовал перенять некоторые успешные приемчики предшественника – посадку головы, интонации, манеру общения. Хотя сам Дмитрий Анатольевич – типичный ботаник. Президент совершенно напрасно пытается походить на премьер-министра, вырабатывая твердость в голосе и катаясь на лыжах. Получается неорганично, и все его попытки демонстрировать мачизм пугают народ. Делал бы акцент на приверженность семье, фотографировался с женой и сыном, играл в шахматы и побил всех в «Angry birds» – тут у него было бы больше шансов отличиться в лучшую сторону.

Впрочем, как показывают научные исследования, у политиков-ботаников есть шансы только в государствах с высоким уровнем правовой и социальной защищенности граждан. В странах, где люди постоянно чувствуют угрозу произвола и агрессии, предпочитают сильного вождя. Да и нет смысла давать советы Медведеву, когда уже очевидно, что впереди Россию ждет двенадцатилетка Путина. Актуальный вопрос: в кого может эволюционировать мачо-президент?

Во-первых, надо думать, скажутся четыре года, которые Путин вынужден был сдерживаться и стараться вести себя, как второе лицо после президента. Предполагаю, что давалось ему это непросто, и накопился значительный потенциал, который ВВП продемонстрирует, почувствовав себя наконец вернувшимся на законное первое место. Хотелось бы верить, что слишком далеко дело не зайдет, и он во время сумеет взять себя в руки.

Поскольку реформы в России возможны только сверху и по воле главного лица, то небезынтересно, есть ли в его планах реформы. Вообще, Путин производит впечатление человека достаточно амбициозного. Денег у него, судя по всему, достаточно, так что теоретически он может попытаться самореализоваться в другой сфере – стать главой государства, который изменил судьбу и менталитет России, сделал ее правовым просвещенным государством с высоким уровнем жизни. Однако тут есть одно «но».

Вне всякого сомнения, картина жизни в России, складывающаяся у главы государства, очень далека от того, как все видится рядовым гражданам. Можно смело предполагать, что до него не доходит 99 % критической информации. Наверняка он совершенно не представляет себе душащую, бестолковую государственно-чиновничью машину, реальную степень коррумпированности судов, полиции и т. д. Его соратники заинтересованы в том, чтобы подобная информация до «главного» не дошла – ведь эти «вотчины» в зоне их ответственности. А заподозрить их в желании послужить родному народу достаточно трудно.

Вообще, Путин сумел выбрать себе в окружение людей, которые совершенно не имеют собственных лиц и лишь оттеняют его самого. Наверное, это происходит непроизвольно – с такими ему удобно. Беда в том, что это лишает страну возможности появления молодых лидеров, которые не включены в коррумпированную систему власти слишком глубоко и могли бы постепенно внедрять новые методы управления, построенные на праве и законе. Такие люди наверху просто не нужны – более того, они воспринимаются как угроза «общему делу».

Что же до взяткоемкости сложившейся сейчас вокруг премьера группы лиц… Люди его склада обычно смотрят на мир цинично – все воруют, все коррумпированы, так уж лучше пусть воруют мои люди, а не чужие.

В целом ситуация с кадрами напоминает времена начала XX века, когда на «безлюдье» сетовала вся элита, начиная с Николая Второго и заканчивая крупнейшими легальными оппозиционерами абсолютистской монархии вроде московского городского головы князя Владимира Голицына (лидера прогрессистов). «Мало того, что события не выдвинули ни одного вождя, ни одного громкого имени, но и нет людей для определенных задач, для занятия мест, должностей и прочего. Что же тут удивительного, когда многолетний режим воспитывал целые поколения на почве фаворитизма, произвола и карьеризма, и создались на этом хамы и держиморды – с одной стороны, утописты – с другой?» – писал князь 31 августа 1917 года.

Такое ощущение, что дело так и не сдвинулось с мертвой точки. У нас по-прежнему невеселый выбор между держимордами и утопистами – потенциальными фанатиками, вреда от которых зачастую еще больше, чем от держиморд. В частности, утопистами являются наши прозападные оппозиционеры. Все их попытки внедрить в России то одни, то другие элементы западного общества – типичный дилетантский утопизм. Один из примеров – так называемые СРО (саморегулируемые организации). Без учета реалий бюрократической системы и менталитета народа СРО превратились в очередную часть коррупционной системы, еще больше усилив ее. Они бодро торгуют лицензиями вместо того, чтобы следить за качеством работы своих членов… И ведь это можно было предвидеть!

Когда-то Советская Россия быстро преодолела кадровый дефицит, нашла эффективных управленцев из необразованных простых людей. Но это были люди, способные тиражировать только неправовые методы управления, в рамках которых сформировались

они сами. И тут хочется процитировать еще одну мысль Голицына, записанную им в том же 1917 году: «…мы свергли иго проклятого режима и завоевали свободу, но по уши увязли в революционной анархии, обманывая или теша себя громким словом "свобода", а многие из тех, кто осознает это, кто сокрушается о "разрухе" всякого рода и втайне мечтает о восстановлении порядка, очень склонны видеть этот порядок в образе городового, государственная и общественная роль которого состоит только в том, чтобы "тащить и не пущать"». Князь приходит к выводу, что диктатура и революция – две стороны одной медали – неспособности к справедливому правовому регулированию жизни общества. Когда люди не могут построить и соблюдать правовой порядок, то их болтает от диктатуры к революции… Размышляя о том, почему не удалось в России построить правовое государство, Голицын в итоге разочаровался в русском народе, припечатав его жестокими и горькими словами.

Не такую ли же ситуацию мы видим и сегодня – почти век спустя?

Нашей политической и общественной жизни остро не хватает людей, имеющих опыт жизни в правовом пространстве. Желая или не желая того, наши лидеры тиражируют тоталитарные приемы управления – потому что не умеют по-другому и убеждают себя, что только так в России и возможно. Действительно, менталитет народа таков, что управлять им проще тоталитарными методами. Но менталитет может меняться – если лидеры видят проблемы своего народа и стремятся сделать его лучше. Это, конечно, ставит очень высокую планку требований к лидеру. С одной стороны, он должен обладать широтой мышления, которая позволит ему увидеть свой народ в системе всего человечества, оценить его сильные и слабые стороны. С другой стороны, он должен чувствовать себя частью народа и сочувствовать его проблемам, а не уничтожать хладнокровно и безжалостно всех, кто не вписывается в его идеологему счастья и прогресса, как это делали Петр Первый, Владимир Ленин, Иосиф Сталин…

Откуда взяться такому лидеру? Некоторые надежды дает растущий обмен «человеческим материалом» между Россией и другими странами – потому что увидеть все наши проблемы, не имея опыта жизни в других системах, просто невозможно. Как знать, может, кто-то из российских молодых людей, поживших, поучившихся и поработавших в разных странах, будет готов через тринадцать лет предложить стране и народу новый проект устройства жизни? Но до этого еще надо дожить.

Идеалисты от оппозиции – Каспаров, Удальцов, Навальный

Лидеры основных течений российской оппозиции – Гарри Каспаров, Сергей Удальцов и Алексей Навальный встретились с журналистами в петербургском пресс-центре «Росбалта». Тема встречи не была обозначена, но и так понятна: куда идти дальше после переизбрания Путина на новый срок.

Гарри Каспаров – человек так называемых либеральных взглядов, всей своей жизненной историей во многом ориентированный на Запад и, надо думать, связанный с эмигрировавшим туда капиталом. Хочу сразу сказать, что не вижу в этом ничего плохого. Таких людей в России немало – Запад остается страховочным тросом для очень многих, столкнувшихся с особенностями суверенной демократии. Но надо понимать, с кем имеешь дело, кого представляет тот или иной человек.

Сергей Удальцов – глашатай левого поворота и романтического социализма, восприемник образа жизни, свойственного революционерам-мятежникам. Он убежден, что при свободном выборе страна сдвинется влево, и тогда удастся положить предел разгулу бессовестного частного капитала.

Наконец, главный герой виртуального пространства – Алексей Навальный – идеологически недопроявленный борец со злом и ложью режима. Именно он в максимальной степени отражает настроения политической активной части общества, не заостряющей внимание на какой-либо политико-экономической платформе, а просто выступающий за честность, против вранья и воровства. Навальный, в общем, так и формулировал: «Мы тут не за какой-то определенный путь развития страны, а за то, чтобы выборы проходили честно. Кого народ выберет, тот пусть и будет. Вот у нас разные взгляды, мы между собой и будем соревноваться. Кто окажется убедительнее, сильнее, умнее, ближе интересам людей, тот и победит». Каспаров и с Удальцов в ответ кивали. Причем Каспаров даже высказался в том смысле, что не видит для себя ничего невероятного в том, чтобы проголосовать за Зюганова (сказали бы ему это в 1991 году!).

Навальный кажется человеком абсолютно искренним. И вполне можно его понять, когда он говорит, что нынешние выборы – это уже априори не выборы, а какое-то другое мероприятие. Потому что в стране нет реальных партий, нет свободы политической жизни, нет равного доступа к СМИ и т. д.

Но почему всего этого нет? Потому что Путин запретил? Или по каким-то более глубоким причинам общественно-исторического свойства? В западных странах конкурентная политическая система сложилась на основе постепенно развившейся способности масс людей находить баланс общественных интересов разных групп. Этот баланс немного подправляется государством, но, когда государственный аппарат вдруг временно выходит из строя, как, например, в Бельгии, которая недавно жила без правительства, ничего никуда не смещается, люди поддерживают внутренний порядок автоматически. В России ситуация совершенно иная. У нас такого умения находить баланс еще не выработалось – каждый тянет одеяло на себя, пока не оказывается, что одеяло разорвали в клочья.

По-видимому, умение выстроить внутреннюю структуру жизни тесно связано с психологическими особенностями людей, складывающимися и укореняющимися веками. Выработать такой склад жизни намного проще на небольшой территории с национально-однородным населением, как это и происходило в Европе. России же, в которой сотня с лишним национальностей с разными историческими судьбами живет на огромных территориях, находящихся в совершенно разных природных зонах, научиться находить консенсус архисложно. Декретом людей ладить друг с другом не научишь. В ситуации, когда общество разрознено, остается только два варианта: либо жесткая авторитарная власть, скрепляющая все это хозяйство железными обручами, либо развал государства на части.

Что такое свободные выборы в стране, где нет политической структуры, партий, не удалось построить нормальную правоохранительную систему, судебную власть? Свободные выборы в такой ситуации – это борьба в публичном пространстве тех структур, которые объективно есть, хотя и не на виду. Прежде всего – крупного капитала, который, естественно, захочет получить место во власти, чтобы защитить и укрепить свои позиции. Ну и не в последнюю очередь – криминализированных структур, тесно связанных с так называемыми «силовиками». Вот кто будет бороться на выборах. А вовсе не идеалисты вроде Удальцова с Навальным, которые могут рассуждать о том, о сем, только пока нет реального дележа общественного пространства и имущества. Дальше их либо пристегнут к телеге чьих-то интересов, либо грубо уберут со сцены. Намного грубее, чем это пробуют сделать нынешние власти. Свобода в наших условиях – это неограниченное право сильного.

Если мы хотим изменить общественный и политический уклад страны, надо бороться за создание структуры политических партий, отражающих интересы реально существующих в стране групп, надо работать в этих партиях, надо учиться находить консенсус интересов, и тогда создастся обстановка для проведения относительно свободных выборов. А сейчас проводить выборы в пустом поле российской общественной жизни не просто бессмысленно, но и опасно. Потому что выбирать мы будем котов в мешке. По-хорошему, выборы вообще должны начинаться снизу: в районах, поселках, городах кандидаты должны проходить жесткую школу работы с людьми, поиска баланса интересов, проходить проверку на честность, на готовность работать без «левака», на деловую хватку, умение выстраивать административную работу, создавать команду.

России развитие институций локальных выборов необходимо как воздух. И моя главная претензия к нынешней власти – в том, что вместо того, чтобы вести эту тяжелую, но необходимую работу, власть пошла по пути бюрократизации и вытеснения нас, «неудобных» граждан, из общественной сферы. В результате бюрократия, почувствовав свою важность для вертикали, окрепла, обнаглела и стала поедать государство изнутри. И сделать с этим что-либо власть, похоже, оказалась неспособна.

Мне кажется, это вообще главный вопрос текущего момента: есть ли еще запас способности к модернизации у нынешней власти. Может ли Путин начать реформировать общественное пространство, внедрять в него элементы реальной выборности и сменяемости чиновников всех рангов и мастей, начать формирование политической структуры. На словах – вроде да, обещает. Но понимает ли он абсолютную необходимость таких действий? Понимает ли, что счет идет на месяцы? Моральная деградация нашего общества зашла слишком далеко.

Если бы оппозиция своим давлением добилась вектора развития государственного строительства в эту сторону – это было бы колоссальное достижение. Провести же сейчас реальные, по-настоящему отражающие интересы большинства выборы Госдумы и президента просто невозможно. Для того, чтобы накопить информацию о реальном качестве тех или иных политиков и партий, нужно время и возможность для них проявиться не в Интернете и не в теледебатах, а в работе.

Выиграет партия Навального выборы мэра Новгорода, поработает там его команда с ним во главе 3–4 года, а партия Удальцова это же время поработает, скажем, во Пскове – вот тогда о чем-то можно будет судить. Может, они и сами после этого идти «во власть» не захотят. А может, напротив, превратят Новгород и Псков во флагманы строительства развитой и честной России, а придя в Кремль – совершат исторический поворот.

Многие гадают, что же произошло с Владимиром Путиным, который когда-то так хорошо начинал. Почему вместо того, чтобы заняться реальной модернизацией страны, он обеспечивал безбедное существование своих соратников. И в результате получил власть коррумпированной олигархической верхушки, тесно переплетенной с силовыми службами.

Часто в жизни так бывает, что человек делает что-то каждый день, а потом через несколько лет обнаруживает, что оказался совсем не там, где собирался. И что делать – непонятно. Возможно, Путин, столкнувшись с сильными и опасными конкурентами во властной среде, не нашел иного пути самосохранения, кроме как наделять своих друзей ресурсами, которые позволяют им укрепляться. Возможно, по его внутренним убеждениям, это единственный возможный источник преданности соратников – отламывать им лакомые куски. Возможно, он вообще видит жизнь в таком сугубо прагматическом свете. Кто знает?

В любом случае, в проведении такой линии администрирования он зашел в тупик. И можно предположить, что некоторые российские столпы общества, зачастую малоизвестные, очень озабочены этим нарастающим ощущением тупика. Думается, где-то в Москве, а возможно, и в Лондоне, уже вовсю идут консультации, кого бы можно было поставить на смену, ничего не меняя по существу. Сильного, жесткого, харизматичного, умеющего заигрывать с народом, особенно с русским.

А некоторые другие силы наверняка ждут смуты, смены элит, чтобы получить возможность поживиться за счет перераспределения финансовых ресурсов путинских друзей, дограбить то, что еще не приватизировано.

Надо думать, рассматриваются оба сценария – и сохранение статус-кво со сменой фронтмена, и поддержка волнений, в тени которых можно будет получить доступ к государственным ресурсам.

В этих условиях начало модернизации общественно-политической жизни России – единственный вариант «выживания» для Владимира Путина.

Элита вывозит детей и деньги

Очередное послание президента РФ Владимира Путина к Федеральному Собранию, то есть, по сути, к государственной элите, было сделано, по случайному совпадению, на следующий день после того, как Global Financial Integrity опубликовала новые данные о масштабах вывоза денег из развивающихся стран в 2011 году. Неожиданная новость – Россия обошла полуторамиллиардный быстро развивающийся Китай! От них уехал $151 млрд, а от нас 191 млрд.

Вся же великолепная десятка выглядит таким образом: 1) Россия – $191,14 млрд, 2) Китай – $151,35 млрд, 3) Индия – $84,93 млрд, 4) Малайзия – $54,18 млрд, 5) Саудовская Аравия – $53,63 млрд, 6) Мексика – $38,09 млрд, 7) Бразилия – $34,10 млрд, 8) Таиланд – $29,11 млрд, 9) Южная Африка – $23,73 млрд, 10) Коста-Рика – $21,11 млрд.

Всего за период с 2002 по 2011 год, по данным Global Financial Integrity, незаконный отток капитала из России составил $880,96 млрд. Еще раньше исследователи организации писали, что ситуация в России развивается, как снежный ком. К незаконным операциям прилипают все новые и новые деньги. По-видимому, чистка банковского сектора, затеянная Эльвирой Набиуллиной, связана именно с попытками остановить этот вал.

Кто же вывозит эти деньги? Воры в законе? Иные криминальные авторитеты?

Нет, мы прекрасно знаем, эти деньги вывозятся лицами, ассоциированными с представителями элиты, которая с почтением внимала президенту, рассуждавшему о деофшоризации и приоритетах развития. Более того, господину президенту весь этот «гамбургский счет» известен лучше, чем кому угодно в стране. Что-что, а службы финансовой разведки у него работают. Тонкие ручейки информации от Алексея Навального о коррупции в верхних эшелонах власти не могут идти ни в какое сравнение с теми бурными потоками фактов финансовых махинаций, которые, вне всякого сомнения, поступают к президенту.

Имеет ли какой-то смысл говорить о стратегических планах, патриотизме и традиционных ценностях, пока ситуация такова, какова она есть – государственная элита «по некоммерческим ценам» скупает в стране все, что можно, перепродает и поспешно выводит средства за рубеж? Вкупе с женами, детьми и порой другими родственниками…

Блестящий ученый и популяризатор науки Джаред Даймонд в свое время прочитал увлекательную лекцию о том, почему приходят в упадок и гибнут цивилизации. Позже он написал на эту тему книгу, но суть вопроса была сформулирована уже в лекции.

Даймонд строил свою матрицу, иллюстрируя ее примерами из жизни погибшей общины гренландских норвежцев – викингов, основавших когда-то в Гренландии успешное многочисленное процветающее сообщество, которое через несколько столетий, отрезанное от Норвегии резким похолоданием, погибло, все до последнего человека.

Задаваясь вопросом, почему общество делало шаг за шагом к гибели, не предпринимая действенных мер по спасению, Даймонд выделил один существенный фактор внутриобщественных отношений.

Общество норвежских викингов было очень конкурентно. Внутри него все время шла борьба между главами кланов за более высокое место в иерархии. Для обеспечения этого более высокого места главы кланов задействовали все больше ресурсов, не думая о долговременных последствиях такого интенсивного хозяйствования. Не думая о том, что ресурсы в конце концов закончатся.

Обществу грозит гибель, подытожил Даймонд, когда краткосрочные интересы элит приходят в жесткое противоречие с долгосрочными интересами общества в целом. Особенно опасно, отмечал он, когда у элит есть возможность избежать последующей расплаты за последствия своих действий.

Это главная мысль, на которую меня навело созерцание Владимира Путина, выступающего перед сплоченными рядами слушателей с очень ответственными постами и лицами.

Мы устал и от жулья

Рассказываю абсолютно достоверный эпизод, происшедший в магазине «Строитель» в Санкт-Петербурге. Стою в очереди в кассу, смотрю по сторонам и вижу молодого человека, плечистого и крепкого, по виду прямо-таки чемпиона в силовых единоборствах, ярко выраженной «кавказской наружности», с дубинкой в руках и надписью на груди «контролер зала». Ему дает наставления пожилой мужчина вполне себе славянской наружности. Наставления такие: ты с ними пожестче, чтобы понимали, что к чему, но, конечно, смотри, что за люди, учитывай… Молодой человек кивает головой, но в глазах и фигуре его никакого понимания не чувствуется: как учитывать, что за люди, и при этом быть пожестче, ему явно непонятно. Остается только приосаниваться, смотреть орлом и ходить, покручивая в руках дубинку. И тут вступают в разговор работницы кассовых аппаратов: «Ты бы ходил тут с кинжалом, вот тогда бы был порядок, они бы тут все присмирели», – советуют они «контролеру зала». Поскольку я уже понимаю, что эти самые «они», которые бы присмирели и с которыми надо пожестче, это мы, покупатели, то я тоже подключаюсь к обмену репликами: «Может, не надо так уж пугать мирных покупателей?». Тут уже на меня ополчаются все сотрудницы магазина, и я узнаю, что покупатели в массе – ворье и жулье, тащат все, любую мелочь, а расплачиваться продавцам.

За день до этого я разговаривала с одним владельцем магазина, который мне в таких же точно выражениях жаловался на продавцов – «жулье, ворье, тащат все, любую мелочь». Стоит покупателю не взять чек, как продавец тут же оформляет возврат, а деньги прикарманивает – и ничего не докажешь! Да что там говорить – видела я товарища, который, работая в одном заведении быстрого питания, умудрялся приходить туда со своим растворимым кофе и делал клиентам напиток из, так сказать, своего сырья – соответственно, и деньги брал себе. За чеками там не особо следили. Продавец считал себя очень креативным человеком, настоящим предпринимателем. Знаю и другой пример, из жизни людей, не пользующихся услугами заведений быстрого питания. Когда представители финансовой элиты, реально богатые люди, решают произвести ремонт и реконструкцию своих дворцов и парков, надзор за работами они, ясное дело, поручают помощникам. А помощники первым делом говорят фирме-подрядчику: «Пятнадцать процентов от контракта – мне, иначе вы у нас работать не будете».

Откаты и взяточничество характерны отнюдь не только для госструктур, ими пронизаны все поры нашего общества, в том числе и частного предпринимательства всех уровней. Это не считается постыдным, это норма жизни, «все так делают». Воровство, обман и жульничество за последние двадцать лет приняли в стране такие масштабы, что найти кого-то, кто бы постоянно не имел дела с жуликами и ворами, просто невозможно. В том или ином качестве с этим соприкасается (а значит, принимает это) каждый россиянин.

Не только ЕР – партия Ж и В, надо брать шире, у нас вся страна – сплошные Ж и В. И нравы так называемой политической элиты целиком и полностью отражают нравы широких народных масс. Различие только в масштабах жульничества. Госчиновники и олигархи воруют миллиарды из бюджета, покупатели – гвозди из магазина, но с точки зрения морали они ничем не отличаются друг от друга.

А ведь еще двадцать лет назад мы были в массе своей довольно добропорядочными людьми – хоть и тащили гвозди с завода, но все же не ящиками. Да и те, кто ничего не тащил, не воспринимались тогда как белые вороны.

Но после того, как мы соскребли облупленную и растрескавшуюся советскую мораль, никакой другой под ней не обнаружилось. Там – пустота. Отдельно взятый человек, какой бы хороший он ни был, не может противостоять отсутствию принятой обществом морали. Увы, жить в обществе и быть свободным от него невозможно. Построить демократию и цивилизованный капитализм в отсутствие общественной морали тоже невозможно. Это краеугольный камень. И речь не о низких моральных устоях народа, это вопрос институциональный. Общество, нация как целостные организмы просто не могут существовать без принимаемых и прочувствованных большинством моральных устоев, которые соблюдаются не потому, что накажут, а из внутренней убежденности, что так жить правильно. Мы в 1990-е разрушили обветшалые и во многом лицемерные социалистические моральные устои, но не задумались о необходимости создания новых. Тогда правительствам экономистов-технократов казалось, что главное – это приватизация и укрепление частной собственности, а мораль и нравственность – это так, фиговые листочки на плодородной ниве капитализма. Теперь очевидно, что они жестоко ошибались.

Как показывают и опросы общественного мнения, и общественные настроения, отражаемые в блогах и на форумах, – люди устали от всеобщего жульничества. Зреет запрос на честную жизнь. Очень симптоматично, что и протестные выступления начались с борьбы против фальсификаций на выборах – некоей квинтэссенции разлитого повсюду жульничества.

Мы стоим перед вызовом создания такой системы, которая будет включать в себя критерии честного и нечестного, справедливого и несправедливого, благородного и подлого. Эти критерии, с одной стороны, должны быть близки традиционным устоям народов нашей страны, а с другой – должны прорастать в повседневную жизнь, определяя кодекс приемлемого и неприемлемого поведения. Пример здесь должна подавать элита (в настоящем смысле этого слова) – и исключительно делом. Она должна начать жить по этому кодексу. До тех пор, пока эта задача не начнет решаться, стратегически улучшить что-либо в нашем государстве не удастся. И никакие модернизации, индустриализации, многопартийности и нанотехнологии не помогут. Проснувшаяся гражданская и политическая активность – здоровая реакция на то, что правящий класс не решает главную задачу – формирования кодекса жизни в России, который был бы принят большинством населения и стал наконец приводить в норму отношения россиян друг к другу.

Если правящий класс не способен выполнять функции настоящей элиты, значит, очень скоро он перестанет быть правящим.

Не в Путине наша проблема

Сколько есть текстов о том, что ничего хорошего нас не ждет. О том, что в стране игрушечная политическая система. О том, что опять застой, и все молодые и прогрессивные уже на чемоданах. И за кого же теперь голосовать нам, продвинутым и мыслящим? Ведь, оказывается, и Медведев-то никакой не либерал, а крепкий едронашевец. И как жить бок о бок с этим бы… извините, большинством, которое демонстрирует свое плебейское поклонение очарованию власти? В общем, сплошные ужасы и явные предпосылки для очередного ухудшения демографической ситуации.

Да не в Путине с Медведевым наша проблема! И не в страшном сером кардинале Владиславе Юрьевиче С. И не в игрушечной политической системе. А исключительно в нас самих. В нашем менталитете, распятом между мечтой об аккуратной красивой цивилизованной жизни и тягой к волюшке-воле, «живем один раз».

У нас не казарменная диктатура, не КНДР с рабочими бригадами, ходящими строем и получающими талон на туфли раз в году. Ткань нашей повседневной жизни определяется не президентом с премьером, а нами самими, тем, как мы работаем, как относимся друг к другу, к «местам отдыха и проживания».

Вот идешь, допустим, в сетевой магазин, покупаешь там фасованные персики. И персики эти с вероятностью в 90 % гнилые. Не все, а, скажем, один из четырех, и еще один – немножко помятый. Садишься в метро, и уже на следующей остановке в вагон вползает человек без ног в камуфляже и проползает по всему вагону, прося милостыню. Выходишь, идешь домой. По тротуару как ни в чем не бывало едут машины – объезжают пробку. Возле киосков, которыми заполонена вся площадь у метро, трутся несчастные бездомные собаки – хромые, косые, облезлые. Надеются на косточку… В парадной соседи выставили на лестничную площадку очередные баулы барахла, которые им в квартире мешают, а выкидывать на помойку лень. Вот она – ткань повседневности.

Это ведь конкретные фасовщицы в магазине – наши с вами согражданки – методически подсовывают гнилье своим покупателям, потому что они так привыкли, потому что «у нас все так делают», «и кто же будет честно работать за такую зарплату». Это какие-то конкретные администраторы метрополитена, наши соседи и родственники, берут мзду за криминальную сеть, рассылающую инвалидов ползать по вагонам, собирая десятки. Это мы с вами, объезжая пробку, ничтоже сумняшеся въезжаем на газон, тротуар, детскую площадку – мы же торопимся домой, нам же надо. Это мы, добрые люди, вышвырнули этих собак на улицы. Мы превращаем парадные и балконы в свалки мусора. Мы выкидываем бутылки из окон машин, мы не пропускаем пешеходов и друг друга на дорогах, да еще громко сигналим и подрезаем друг друга почем зря.

Я часто езжу на такси. Среди таксистов много любителей поговорить с пассажирами за жизнь. И о политике тоже. О чем говорят? Дороги не делают, мосты не строят, переходы не роют – только воруют, воруют, воруют. ОНИ. Ну, допустим. Спрашиваешь: «А ты-то бы сам не стал воровать на ИХ месте?» – «Эх, то-то и оно, что стал бы! Такие уж мы люди! Такая у нас страна! Тут все так живут!»

Если мы сами себе отводим такую роль – что же тут рассуждать о Путине, Медведеве, «ЕдРе» и «Правом деле»! Тут и двадцать ядер ничего не сдвинут. Пока мы сами не решим меняться. А если решим и начнем над этим работать, меняя свое поведение на работе и в быту, так никакие тандемы нам не помешают изменить жизнь страны снизу доверху.

Есть мнение, что элита должна подавать пример образцово-показательной жизни народу. Быть честной, патриотичной, бескорыстной, трудолюбивой, социально-ориентированной, экологически мыслящей и так далее. Кажется, Ортега-и-Гассет сочувствовал славянству, которому не повезло с элитами: какая маленькая голова на этом мощном мускулистом теле, – сокрушался он. Сравнение выразительное, образное, да и вообще приятно и удобно свалить все на НИХ – элиту, истеблишмент, власть. Это ОНИ нам не делают хорошо, поэтому мы такие и есть – гнилые фрукты подсовываем, по тротуарам ездим, взятки по мелочи вымогаем. На самом же деле философ ошибался. Элита – неотъемлемая часть народа, его производная, обладающая всеми его родовыми пятнами. Изменимся мы в своей повседневной жизни, станем честными и ответственными в своей работе и поведении – и элита начнет меняться как по мановению волшебной палочки.

А пока она, глядя на нас, вздыхает, чешет репу – «ну как жить с таким народом» – и выводит в оффшор очередную сотню миллионов.

Последние исследования показывают: для того, чтобы в обществе начались изменения во взглядах, достаточно появления убежденной группы носителей новых взглядов, которые будут составлять от «общей массы» 10 %. Всего лишь. Но эти люди должны быть несгибаемы и последовательны. Только тогда и другие начнут брать с них пример и менять собственные взгляды и поведение. Нам необходимо запускать этот процесс.

Хватит смаковать информацию об оффшорах министров и губернаторов, друзьях Путина по кооперативу «Озеро» и островах Абрамовича. Толку от этого никакого. Даже если мы сейчас проведем национализацию, вернув в страну триллионы долларов, без изменения менталитета, без обретения привычки честно и ответственно работать, уважать других людей, заботиться о чистоте и порядке в наших дворах и парках, в лесах, на реках и озерах, мы спустим эти миллионы в унитаз общественной безответственности и опять окажемся на бобах.

И никакой разницы нет, голосовать ли за ЕР, СР, ЛДПР, КПРФ или еще за какие аббревиатуры. Не в этом наша проблема. А в том, чтобы посмотреть на себя в зеркало и начать менять свою собственную, единственную и неповторимую жизнь.

На кого работают СМИ в России

В СССР телевидение, радио и газеты работали на формирование новой исторической общности – советского народа, а также занимались пропагандой основных социалистических ценностей – труда и творчества во благо общества, повышения образования и культуры населения, утверждения равенства и братства. Попутно СМИ воспевали величие гениальных Маркса-Энгельса-Ленина, коммунистической идеи как таковой, ну и отдельно взятых вождей – то одного, то другого. Но на это никто особого внимания не обращал, шло привычным фоном.

Советский журнализм решал одну из важнейших задач – консолидации общества, превращения его в «одну семью», несмотря ни на какие различия (национальные, интеллектуальные, региональные). Мы – вместе, мы – едины, мы – один народ, притом продвинутый, образованный, самый читающий, самый талантливый… Это было генеральной линией прессы.

Утверждалась эта линия разными средствами. Уделялось много внимания подчеркиванию интернационального характера общества. Выпускались многочисленные сюжеты, в которых узбеки, эстонцы и азербайджанцы вместе работают на комсомольских стройках Сибири, русские преподают в отдаленных казахских аулах, а грузины с армянами осваивают вечную мерзлоту в компании эвенов и бурят… В свободное же время все вместе играют на музыкальных инструментах, в футбол, волейбол и шахматы, причем делают это хорошо и весело. Видели мы также бесчисленных веселых и смышленых школьников – победителей олимпиад и соревнований.

Большую роль в работе по формированию новой исторической общности, безусловно, играл и образ врага – в виде американской военщины, угрожающей миру во всем мире, прогрессивным социалистически ориентированным народам и СССР как их главной надежде и опоре.

К советской прессе можно предъявлять много претензий – по поводу лакировки действительности, тенденциозности, ухода от актуальных проблем и т. д. Тем не менее стратегический смысл существования журналистики в СССР был понятен. Была поставлена четкая задача, которая реализовывалась с разной степенью честности и таланта. СМИ работали на укрепление советского государства и коммунистической идеологии – в меру понимания этих предметов идеологами КПСС.

А теперь попробуем задаться вопросом: какую задачу решают СМИ в нынешней России? На кого работают? Каковы цель, роль, смысл их деятельности?

На мой взгляд, одна из главных функций любой национальной журналистики – способствовать связности нации, формировать общую повестку дня, общую систему ценностей и – представьте себе – сеять доброе и вечное, пробуждать в людях лучшее, а не худшее. Но черно-желтый вал, которым потчуют нас СМИ, ничего общего с этими задачами не имеет. Пять аварий, три убийства, драка на межнациональной почве и пара пожаров с человеческими жертвами – из такого топора никакую съедобную кашу не сваришь. Как ни мешай, получается отрава. Связность может строиться только на позитиве, на тех фактах, которые показывают, что жить в этой стране, среди этих людей – хорошо. А такой информации у нас днем с огнем не сыщешь. Вместо нее популярна рубрика «Куда валить»…

Насколько сознательно российская журналистика «переоделась» в черно-желтые цвета? Причем вся – и так называемая государственная, и принадлежащая отдельно взятым олигархам, и даже вроде как свободная…

Приходилось слышать весьма разные версии на эту тему. В либеральных кругах есть мнение, что чернуха, агрессия и насилие, доминирующие в государственных СМИ, – результат сознательной политики кремлевских идеологов. Таким образом народу показывают, насколько страшна и опасна жизнь и как необходим стране сильный лидер – отец нации, который только и хранит нас от окончательного погружения в хаос. С другой стороны, так называемые либеральные СМИ тоже заинтересованы в демонстрации ужасов жизни в России, поскольку это будет способствовать развалу существующего режима. Таким образом, в решении задачи очернения действительности интересы государственных и либеральных СМИ удивительным образом совпадают.

Есть и другой взгляд на корни сложившейся ситуации. В 1990-е, на волне снятия всех запретов, российская журналистика стала тупо копировать англоязычные таблоиды, построенные на пробуждении «животных» инстинктов. Эта тенденция незаметно захлестнула весь медийный рынок, и читатели приучились жить на таком контенте. Теперь с этой иглы никак не слезть – прямо как с нефтяной или наркотической. Негосударственные СМИ не могут отказаться от «животной» тематики, потому что сразу потеряют рейтинги и рекламу, и им просто не на что будет жить, а государственные – потому что, опять же, потеряют зрителей, пристрастившихся к подглядыванию в замочную скважину, крови и ужасам, и в итоге не смогут обеспечивать продвижение политически правильных идей, ежели им такое поручат.

В результате, если еще не так давно нам показывали совместные танцы и пляски русских, узбеков и грузин, то теперь норовят показать, как они друг друга режут, бьют и насилуют. Если раньше мы видели, какие у нас продвинутые школьники, заботливые мамы, воспитатели и учителя, то теперь на первом плане – алкоголики и деградантны, которые детей бьют, травят и мучают, да и сами дети возникают на экранах исключительно в качестве либо жертв, либо несовершеннолетних отморозков. Если раньше нам без конца втирали про достижения науки и производства, то теперь – исключительно про их развал, гибель и бегство всех специалистов в более благополучные страны. Государственные чиновники и депутаты – все поголовно воры и коррупционеры, плюющие на интересы народа, милиционеры-полицейские – психически неуравновешенные алкоголики и садисты, вымогающие деньги у всего, что движется.

Какие там еще остались недооплеванные светлые образы? Красивые девушки? Тупые алчные дуры. Спортсмены? Сплошь сидят на химии. Ученые? Или выжили из ума от старости, или сбежали в западные научные центры.

Что же касается самих журналистов, то они все чаще предстают агрессивными машинами по созданию шокирующих сюжетов, не имеющими никаких моральных ограничений.

Работать без спущенной сверху повестки дня российской журналистике оказалось не по силам – интеллектуальным и моральным. Ведь свобода свалилась на журналистов так же неожиданно, как и на всех остальных, и, как и все, журналистское профессиональное сообщество оказалось к ней не готово.

В американской или, скажем, британской журналистике существуют очень четкие общественные установки относительно того, что можно, а чего нельзя. Неполиткорректная подача материала по части межнациональных отношений, например, железно не пройдет. Потому что есть понимание: это ведет к расшатыванию основ государства. А наряду с таблоидами прекрасно себя чувствует и журналистика другого качества, на которую тоже есть спрос – и со стороны государства, и со стороны общества.

Тут, конечно, встает вопрос: а не в том ли причина деградации российской журналистики, что наше государство и общество до сих пор не смогли выработать никакой внятной повестки дня, никакого образа будущего?

В чем идеология путинской команды? Какое общество мы строим, на каких базовых ценностях должны воспитываться граждане? Ответа нет. А если даже нам и предлагают формальный ответ, то слишком очевидна его неубедительность, слишком явно само руководство страны находится в состоянии идеологического вакуума. В общем, нет системы ценностей ни вверху, ни внизу.

В этих условиях и журналистика возвращается на круги своя – к животной сущности человеческой натуры. Лишившись одной из своих главнейших составляющих – миссии, журналистика превращается в корабль без руля и ветрил, единственным ориентиром для движения которого оказываются деньги, прибыль. СМИ, которые вообще-то должны давать обществу высокие смыслы, прививать определенную систему ценностей и любовь к своей стране, занимаются тупым зарабатыванием бабла за счет эксплуатации базовых человеческих инстинктов.

Между тем и в США, и в Британии – оплотах и прародителях так называемой свободной прессы – идеология присутствует в огромных дозах, и журналисты ее весьма рьяно защищают. Есть в местных СМИ и положительные герои, и убаюкивающие мифы, и табуированные территории. В общем, позаимствовав с Запада только тематику таблоидов, мы очень сильно примитивизировали свое информационное поле и, главное – целое поколение журналистов, которые вообще не умеют работать на позитив.

А ведь на самом деле в нашей жизни, как и раньше, намешано всякого – и хорошего, и плохого, и злого, и доброго. Вот только травмированная журналистика этого не видит – льдинка в глаз попала, прямо как в сказке про Снежную королеву.

Русские и мигранты

Выдающийся философ Александр Зиновьев как-то посетовал, что «русский народ на роль народа господ не годился и до сих пор не годится». Зиновьев полагал, что СССР не справился с ролью мирового гегемона, потому что «у нас всегда была психология заниженности».

За этими словами кроется горечь от того, что советские люди так легко отказались от роли первопроходцев, от своих достижений, многие из которых были заимствованы капитализмом и помогли превратить его волчий оскал в белозубую улыбку. По мнению Зиновьева, ни англичане, ни немцы ни за что не продали бы свое «право первородства» так дешево.

Да, наломали дров, пока социализм строили, – а что, при строительстве капитализма меньше было наломано? Тем не менее передовые западные страны оказались способны осмыслить свои ошибки и скорректировать изначально безжалостный строй, превратив его в общество, где социальная поддержка и терпимость играют не меньшую роль, нежели конкурентность и погоня за прибылью. Русские же, составлявшие большинство советского народа, вместо того, чтобы творчески развивать и совершенствовать свое общество, построение которого так дорого им обошлось, «за колбасу» согласились пропустить вперед строителей капитализма.

И вот теперь, с наплывом «мигрантов», наше общество начало откатываться еще дальше – к феодализму, а то и к рабству. Причем оказалось, что принять этот архаический откат чрезвычайно просто. Немного демагогии, чуть-чуть страшилок, телегипноза – и готово.

Видели ли вы, как живет абсолютное большинство мигрантов? Переполненные подвалы и сараи, скученность и антисанитария, полная зависимость от «рабовладельцев» и их управляющих. Мы смотрим на это скотское существование сквозь пальцы, еще и вменяя это в вину самим гастарбайтерам, которые портят нам картинку потребительского рая. В общем, в этом нет ничего нового – в рабовладельческом обществе с таким же презрением и брезгливостью относились к рабам, полагая, что такое положение обусловлено их изначально низким развитием и врожденной недочеловечностью. Более того, как показал знаменитый тюремный эксперимент американского психолога Филиппа Зимбардо, если взять группу совершенно нормальных, психологически устойчивых студентов и произвольно разделить их на «заключенных» и «тюремщиков», очень быстро оказывается, что «тюремщики» перестают видеть в «заключенных» своих товарищей по обучению и начинают относиться к ним как к низшим существам, не стоящим сочувствия. И это несмотря на то, что они осознают – это всего лишь эксперимент! Магия социального внушения оказывается сильнее разума.

В России такой тюремный эксперимент поставлен в масштабах всей страны. Слово «мигранты» магическим образом как бы выводит таджиков, киргизов, узбеков из разряда людей. Если бы так попытались содержать и эксплуатировать наших рабочих, это вызвало бы возмущение и было признано недопустимым. А с мигрантами другое дело, они воспринимаются лишь как функция – метлы, лопаты и мастерки.

Выведение из категории «люди» достигается за счет нехитрых приемов. Как-то раз в Ташкенте мне довелось откровенно поговорить с одной уйгурской девушкой из бедного пригорода. Поставив себе цель вырваться из нищеты, русский она выучила отлично и нарисовала мне яркую и жестокую картину жизни простых узбеков, для которых даже чай с хлебом был праздничным ужином. Помимо прочего, им постоянно приходится сталкиваться с тотальным беззаконием и произволом. Думаю, если бы наше телевидение рассказывало правду о жизни простых людей в государствах Средней Азии – показывая их именно как людей, а не статистические единицы, – мы по-другому стали бы относиться к проблеме миграции. Мы бы увидели наших недавних сограждан, оказавшихся в настоящей беде. Но таких передач на нашем телевидении нет. Это никому не надо. Российское руководство не хочет ссориться с местными бонзами. Да и мигрантов ему удобнее держать отдельно от коренного населения. Такая конструкция оставляет много пространства для манипуляций. Если что, всегда можно подлить керосина в межнациональные отношения, и тогда за удушливым дымом скроется правда.

Нас пытаются убедить, что труд мигрантов выгоден всему обществу. Это ложь. Рабский труд выгоден исключительно владельцам и топ-менеджерам компаний, которые, вполне по Марксу, присваивают себе всю прибавочную стоимость, произведенную этим трудом. Для общества в целом элементы рабовладения исключительно вредны – они тянут страну обратно в средневековье. Если мы начинаем смотреть на часть тех, кто живет рядом с нами, как на недолюдей, это значит одно: мы движемся вниз по исторической спирали. Введя одну категорию недолюдей, мы открываем двери для появления новых – по происхождению, внешнему виду, вероисповеданию, сексуальной ориентации, физическому и психическому здоровью, уровню доходов, убеждениям…

Помимо обеспечения сверхприбыли для верхушки нашего общества, мигранты играют еще одну важную роль – они повышают социальный статус самых низких и неуспешных слоев коренного населения. Многим людям именно осознание того, что есть кто-то ниже их, позволят принять существующий порядок. В каком-то смысле, вопреки оценке Александра Зиновьева, русские решили согласиться с ролью нации господ. Но не в борьбе за лидерство с немцами и англичанами, а по отношению к киргизам и таджикам… Какая ирония.

Нет никаких мигрантов. Есть люди, от нищеты и безысходности вынужденные соглашаться на все, чтобы прокормить себя и свои семьи. И если они плохо говорят по-русски, это вовсе не значит, что они не достойны лучшего. Абсолютное большинство наших сограждан тоже не говорит ни на каком языке, кроме родного. Да и изысканными манерами не отличается.

Скотской эксплуатации людей из Средней Азии должен быть положен конец. Нужны работники, но нет желающих? Приглашайте людей из других государств – только обеспечьте им нормальную зарплату и условия проживания, организуйте все необходимое для изучения языка и адаптации. Невыгодно на таких условиях? Значит, надо закрывать бизнес.

Рабство нельзя оправдывать экономическими выгодами. Да и в конечном итоге труд свободных людей оказался производительнее рабского. Элементы рабовладельческого строя ведут в тупик. А те, кто пытается оправдать эту систему, просто не собираются в будущем жить в России.

Пенсия по возрасту – фабрика смерти

Россия готовится к повышению пенсионного возраста. Это неизбежно, ведь средний возраст населения растет с каждым годом. Думая о повышении, мы привычно оглядываемся на Запад и успокоено замечаем: у них пенсионный возраст 65, а то и 67 лет. Ну, значит, и нам можно повышать.

Как это получается, что, без конца твердя об интеллектуальном и творческом потенциале России, мы занимаемся заимствованием устаревающих социальных моделей? Комплекс неполноценности по результатам неудавшегося строительства социализма?

Пенсионерство по возрасту – одна из таких устаревших социальных моделей. Труд – это не проклятие, от которого человек всю жизнь мечтает избавиться, дожив до пенсии. Труд – это содержание жизни и, отстраняя человека от участия в общественном труде, его, по сути, отстраняют от участия в жизни, принуждая к угасанию, деградации и быстрой смерти.

Гуманитарные технологии тоже могут быть прорывными. Хотя они и не «нано», и не графен, и никакого Сколкова для их внедрения строить не надо. Россия, страна с богатейшей гуманитарной историей, интереснейшими философами и психологами, которые остались малоизвестными на Западе, имеет шансы преуспеть именно на гуманитарном фронте. Тем более что именно на этом фронте очевидно назревают глобальные перемены. Смысложизненные ценности, семейные и родительские устои, абрисы рынка труда и пенсионной системы – все это сегодня или уже или в текучем, или в размягченном и собирающемся вот-вот поползти состоянии. Остро требуются новые подходы к социальной реальности: новые ценности, новые границы «прекрасно-отвратительно», новые модели, герои и антигерои. Без всей этой «беллетристики» ни одно общество жить не может. Без этого оно быстро превращается в биомассу – среду, из которой другие, структурированные общества могут черпать новые элементы для своих растущих и усложняющихся систем. Один такой неприятный поворот от структуры к среде Россия уже совершила в 90-е годы. И сегодня мы все испытываем на себе, каково это – быть средой в окружении систем. Утрата смыслов и идеалов оказалась вещью куда более жестокой, чем это представлялось. А когда в ответ говорят – да ведь никто давно не верил в этот бред – коммунистические идеалы, – необходимо пояснить: дело не в том, верили мы в них или нет. Система ценностей, даже вызывая недоверие, неприятие, пренебрежение, оставалась системой координат, отталкиваясь от которой, люди определяли свое местоположение в жизни. Теперь этой системы нет. К европейской системе ценностей мы не пристали, другой – своей – тоже не выработали, соответственно, и оказались в положении распавшейся структуры, из которой окружающие системы вычерпывают сильные фрагменты, присоединяя их к своим системам. Никакой идеологии – чистая химия. Хотим сохраниться как страна – должны заняться созданием новых структурных решеток – новых смыслов, вокруг которых могут расти и развиваться люди, сохраняясь как народ, а не превращаясь в биомассу.

Один из самых болезненных социогуманитарных нарывов всей Европы – старение населения, растущая армия пенсионеров. Это более чем актуально и в России. Как-то даже министр Татьяна Голикова имела опрометчивость обмолвиться, что, мол, к сожалению, число пенсионеров у нас растет. Естественно, ей тут же досталось от блогеров всех мастей. Но это лицемерная реакция, вывернутая наизнанку, чтобы лишний раз припечатать представителя властей. На практике российское общественное мнение вполне консолидировано ужасается росту количества пенсионеров.

Сколько у нас пенсионеров по возрасту? Как ни странно, эта информация не красуется на главных страницах сайтов Пенсионного фонда и Союза пенсионеров. Чтобы найти, надо еще как следует порыться. В результате вырисовывается приблизительная цифра – около 35 миллионов человек из всей 40-миллионной армии пенсионеров вышли на пенсию «по старости», то есть порядка четверти всего населения. Ничего себе! Конечно, тут много путаницы – северные люди со своими другими сроками пенсионирования, работники вредных производств и люди, находившиеся в экстремальных условиях… Но, в общем и целом, где-то так. Более того, есть мнение, что к середине века в России на одного работающего будет приходиться один пенсионер. Конечно, это чистая спекуляция, возникающая из предположения, что пенсионный возраст не будет повышаться. Предположения совершенно абсурдного, которому никак не суждено реализоваться. Однако и нынешние 25 % пенсионеров по возрасту – аморальная и бесчеловечная цифра. Показатель косности и инертности человеческого мышления. Показатель того, что мы – общество – недрогнувшей рукой списали 25 % своих родных, друзей, коллег на социальную помойку. Посмотрим в жестокие глаза правды – что такое пенсионная система «по возрасту»? Это значит, что к определенному возрасту человек считается исчерпанным с точки зрения своего трудового ресурса и списывается в балласт, который больше не интересен обществу. Правда, общество из сострадания и приверженности гуманистическим ценностям, скрепя сердце, вынужденно тратится на этот балласт… При этом, ясное дело, не забывая периодически напоминать балласту, что он – балласт.

А нельзя ли иначе? Может быть, создание самой этой социальной ниши – пенсионеров по возрасту – является исчерпанной, мизантропической по сути идеей, которая ведет к быстрой деградации вполне нормальных, полных сил и интереса к жизни людей? Когда и как сформировались общий абрис и частные критерии требований к трудящимся, когда возникла и при каких обстоятельствах оформилась идея пенсионной системы по старости?

Стандарты труда и требования к работающим современные страны, как это ни парадоксально, унаследовали от времен феодализма, а то и рабовладельческого строя, когда продолжительность жизни была в разы меньше, чем сегодня. Тогда подразумевалось, что каждый работник – это человек в расцвете физических сил. А к моменту, когда эти силы начинали истощаться, человек, как правило, и заканчивал свою жизнь. Вопроса о пенсионерах во времена рабовладения и феодализма не стояло… Работники быстро сменялись, не успевая состариться, а феодалы не уходили на покой, а просто меняли конфигурацию жизни. Молодой воин, проводивший все дни в походах, с возрастом больше начинал думать о своем доме и своей земле, а к старости и вовсе сосредотачивался на хозяйстве, но вовсе не стремился отойти от дел вообще, напротив, старался до самой

смерти держать в своих руках все нити хозяйственной жизни. Таким образом, любой состоятельный человек в ранние времена жил полной жизнью до самого конца. Образцом же для создания пенсионной системы был взят не образ жизни высшего класса, представители которого продолжали трудиться, меняя сценарий своей деятельности, а образ жизни зависимого работника – который отдал все силы работе и, выжатый до последней капли, заслужил право немного посмотреть угасающим взором на заход солнца.

Вдумаемся! Вместо того чтобы модифицировать и сделать более поливариантными условия и режимы труда, государство предпочло не тратить на это силы, а платить отступные пожилым наемным трудящимся, чтобы они не путались под ногами… И произошло это не в силу избытка гуманизма, а из-за достаточного предложения труда молодого населения и нехватки рабочих мест. Выгоднее было платить социальное пособие, сохраняя рынок, ориентированный исключительно на молодых людей в расцвете физических сил. Прибыль от производства была велика. Да и работа в основном была физическая, тяжелая, рассчитанная на человека в расцвете прежде всего мускульных сил. Именно в такой ситуации родилась в голове у Отто Бисмарка идея государственной пенсионной системы. Германия стала тут пионером, и было это не так давно – сто с небольшим лет назад.

Хороша ли эта система для объекта заботы – пожилых людей, пенсионеров? Человек – существо сугубо социальное. Как показали драматические судьбы детей, лишенных человеческого общества с раннего возраста, без социального окружения индивидуум не становится человеком в полном смысле, оставаясь просто представителем биологического вида.

С раннего детства человек нуждается в социальных опорах в виде разнообразных общественных институтов, регламентаций, установок и традиций, определяющих и направляющих всю его жизнь. Ориентируясь на них, человек в определенном возрасте начинает работать, вступает в брак, заводит детей. Эти же регламентации определяют контуры материальных богатств, которые пристало иметь в определенной стране в определенном возрасте. Опираясь на негласные регламентации, человек строит и сценарии своей повседневной жизни – кино, гости, друзья, отпуск, дача. Без социальных направляющих человек теряется, испытывает дискомфорт, неуверенность, страх, утрачивает понимание происходящего и смысл жизни. Это прямой путь к личностному распаду и смерти – сначала духовной, а потом и физической.

Но выход на пенсию – это в значительной мере и есть выход за рамки активной социальной организации. Человек, который на протяжении всей своей жизни был опутан социальными регламентами, связанными с режимом работы, отношениями с коллегами, борьбой за улучшение материального благополучия – возможно, субъективно тяготившими его, однако наполнявшими жизнь повседневным смыслом, – внезапно оказывается списанным в полную пустоту. По сути, ему выдается сертификат общественной ненужности. Легко ли с этим продолжать жить?

Особенную остроту вопрос приобретает в обществах, где у людей мало опыта самоорганизации, – таких как постсоветская Россия. И, понятное дело, он стоит более жестко для мужчин. Женщине на пенсии общество определяет круг обязанностей по поддержанию дома и помощи в воспитании внуков, которые позволяют ей чувствовать себя более уверенно, ощущать свое общественное положение и функцию. Мужчины же находятся в положении просто катастрофическом. По сути, общество создает у мужчин – наемных работников установку на окончание жизни к шестидесяти годам. И эта установка является мощнейшим общественным фактором, влияющим на индивидуальные судьбы.

Пенсионная система в своем нынешнем виде – это своего рода фабрика смерти.

Согласно прогнозам, приводимым ООН в опубликованном несколько лет назад докладе «Развитие в условиях старения населения», старение населения носит беспрецедентный и лавинообразный характер. Вот некоторые факты из этого доклада.

В мировом масштабе темпы роста численности пожилого населения составляют 2,6 процента в год, т. е. значительно опережают темпы роста населения в целом, которые составляют 1,1 процента в год. Ожидается, что по крайней мере до 2050 года численность пожилого населения будет увеличиваться опережающими по сравнению с другими возрастными категориями темпами;

Между развитыми и развивающимися регионами существуют значительные различия с точки зрения численности и процентной доли пожилого населения. В настоящее время пятую часть населения наиболее развитых регионов составляют лица в возрасте 60 лет и старше, причем, согласно прогнозам, к 2050 году лица этой возрастной категории будут составлять почти треть населения развитых стран. В менее развитых регионах доля пожилых лиц в настоящее время составляет лишь 8 процентов, однако, согласно прогнозам, к 2050 году на нее будет приходиться пятая часть всего населения, а это значит, что к середине столетия развивающиеся страны могут достигнуть этапа демографического старения, на котором развитые страны находятся в настоящее время.

В развивающихся странах процесс старения населения идет быстрее, чем в развитых странах. Соответственно, у развивающихся стран будет меньше времени на адаптацию к его последствиям.

В настоящее время средний возраст мирового населения составляет 28 лет, т. е. половину населения в мире составляют лица старше и половину – моложе 28 лет. Страной с самым молодым населением является Уганда, где средний возраст равняется 15 годам, а с самым пожилым – Япония, где он составляет 43 года. В следующие 40 лет средний возраст мирового населения, вероятно, увеличится на 10 лет и к 2050 году достигнет 38 лет. В это время странами с самым молодым населением, как представляется, будут Бурунди и Уганда, где средний возраст населения будет составлять 20 лет, а с самым старым – специальный административный район Китая Макао и Республика Корея, где средний возраст населения, по прогнозам,

должен достигнуть 54 лет.

Пожилое население, в свою очередь, тоже стареет.

Среди лиц в возрасте 60 лет и старше наиболее динамично увеличивается процентная доля населения самой старшей возрастной категории – лиц в возрасте 80 лет и старше. В настоящее время их численность ежегодно увеличивается на 3,9 процента.

Среди лиц в возрасте 60 лет и старше сегодня каждому восьмому за 80. При этом ожидается, что к 2050 году из каждых десяти пожилых людей примерно двое будут старше 80 лет.

Тут, в качестве антистрашилки, хотелось бы заметить, что Россия не входит ни в число 10 стран с наиболее высоким средним возрастом населения на начало двадцать первого века, ни в десятку государств, которые, по прогнозу, будут иметь самое великовозрастное население к середине века. (На начало века самое пожилое население имели Япония, Италия, Швейцария, Германия, Швеция, Финляндия, Болгария, Бельгия, Греция, Дания.)

Как в этих условиях решать вопрос трудовых ресурсов? Нам предлагают шире экспортировать рабочую силу из Азии и Африки. Однако, как показывают прогнозы, эти страны в своей массе тоже столкнутся с проблемой старения населения, причем в гораздо более жесткой форме, нежели развитые страны. Выход из ситуации надо искать в ином направлении. Необходимо адаптировать рынок труда к изменившемуся возрастному составу населения.

В процессе развития общества многие институты обрели гибкость и поливариантность, которые и не снились обществу наших дедушек-бабушек. Возьмем ту же семью, то же образование. Режимы труда, конфигурацию рабочих мест тоже необходимо модифицировать и сделать более вариативными, приспособив к людям разного возраста.

Должна произойти диверсификация рабочих мест. С одной стороны – рабочие места, рассчитанные на силы и устремления молодых людей и высокую степень занятости, предполагающие высокую конкурентность работников и нацеленность на карьерный рост. С другой стороны – рабочие места, рассчитанные на силы и устремления людей условно пенсионного возраста, которые будут предусматривать работу два-три дня в неделю или 2–4 часа каждый день. Такие рабочие места будут ориентированы на людей с большим опытом – профессиональным и социальным, которые станут сглаживать острые углы конкурентной и агрессивной молодежи и цементировать и стабилизировать коллективы.

Конечно, это потребует некоторого переосмысления организации труда, перераспределения обязанностей. Но введение такой системы на государственном уровне позволит решить проблемы с нехваткой рабочей силы и с сокращением выплат на пенсии. Главное же – огромное количество людей, над которыми наступление официального пенсионного возраста висит, как дамоклов меч, избавятся от ощущения собственной ненужности в стране с острым дефицитом трудовых ресурсов. В то же время требовать, чтобы человек на протяжении всей своей жизни не менялся и, как работник, оставался все тем же, что и в 25 лет – совершенно абсурдно. Заставляя работников в возрасте «за 50» сравнивать себя с 25-летними, их подспудно готовят к тому, чтобы они освободили место и проследовали на социальную свалку – на пенсию.

Руководство России, задумываясь о повышении пенсионного возраста, озабочено исключительно финансовой составляющей проблемы – тем, чтобы сократить количество пенсионеров и, соответственно, пенсионные выплаты. А где будут работать шестидесятилетние женщины и мужчины на седьмом десятке лет при нынешних общественных установках? Куда они пойдут, если мы не проведем массированной дифференциации рабочих мест и не изменим установки общественного сознания относительно возраста?

Сегодня пенсионер, продолжающий работать, сталкивается с огромным количеством проблем. Согласно докладу Международной организации труда «Равенство в сфере труда: ответ на вызовы», Россия – одна из стран, где дискриминация по возрасту распространена особенно широко. За объявление «Требуется секретарь. Девушкам старше 30 не звонить» в США можно столкнуться с судебным преследованием, а в нашей стране это обычная практика.

Однако выступать с гневными обвинениями в адрес руководителей предприятий, которые предпочитают молодых сотрудников, несправедливо. Руководителей вполне можно понять. Ведь рынок труда и у нас, в России, и в других европейских странах продолжает оставаться ориентированным исключительно на работника в расцвете физических сил. Более того, сама общественная установка вынуждает руководителя предпочитать молодых сотрудников. Предприятие, полное молодых людей, в глазах общественного мнения будет более перспективным. То, что человек в разном возрасте обладает разным набором плюсов и минусов, никак не учитывается.

Вот, например, одна из соискательниц работы в возрасте 40+ делится опытом в Интернете – как ее, направленную биржей труда, встретили в отделе кадров:

«Он мне говорит – нам нужен специалист до сорока лет. Я ему отвечаю, что вы извините, но меня направили из службы занятости, и что отказ по причине возраста – это дискриминация и нарушение российского законодательства. Мужчина улыбнулся и сказал: да вы что, не может быть такого. Я сказала: а может быть, вы все же покажете мое резюме руководителю – вдруг никто из более молодых кандидатов не подойдет? На что он мне ответил, что молодые 30-летние девочки бегают шустрее, чем женщины под пятьдесят.

Вот такая оплеуха. И ведь как обидно, ехала и плакала всю дорогу – ведь практически все проблемы решены – дети выросли,

квартира есть, семья и надежный тыл – самое время работать и работать, и работать – добросовестно, ровно, не отпрашиваясь на родительские собрания и не беря больничных по уходу за детьми.

Мама у меня еще бодрая и активная пенсионерка – на ней быт, магазины, кухня. Я совершенно свободный человек, с ВО, с английским языком, с бесценным опытом работы в российских и иностранных компаниях… и тут такое. Не нужна…»

В комментариях читатели соглашаются – найти работу в этом возрасте невозможно, будь ты хоть золотой…

«Ну дайте мне сейчас пенсию, досрочно, если мой труд не нужен. Объясните мне, почему я не нужна? Почему в Америке дают пособия тем, кто не только институт – школу, и ту не закончил. И по этой причине не может иметь нужной квалификации. И почему у нас нет работы никакой для тех, кому 40+?».

И на этом фоне в руководстве страны думают о повышении пенсионного возраста? Идеальный работник для работодателя – молодой человек в возрасте 25–30 лет с готовностью работать по 12 часов в день шесть дней в неделю. Лишнее подтверждение этому – недавнее предложение Комитета по рынку труда Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), возглавляемого Михаилом Прохоровым, – проект поправок к Трудовому кодексу, предполагавший, в частности, законодательно закрепить возможность введения 60-часовой рабочей недели. Вот он – апофеоз установки на молодого беспрерывно работающего человека, которого чуть позже можно будет просто списать в утиль.

Такой подход унаследован от общества, в котором был избыток молодых людей, и на десяток юношей приходился один удивительным образом доживший до зрелости гражданин. Кровопролитные войны, перемалывавшие молодых мужчин, уходят в прошлое, количество пожилых людей растет, и этим пожилым людям необходимо найти свое место в обществе. Пока им предлагается стать пенсионерами. Но пенсионер – это не вариант. Общество в целом, де-факто, не уважает пенсионеров – их терпят, не более того. Пенсионеры – объект унизительной благотворительности, те, кому предоставляют скидку на второсортную технику, предлагают «социальную стрижку» в парикмахерских, те, кому кондукторы в пригородных автобусах любят бросить: «у нас без льгот».

Совершенно очевидно, что изменившаяся демографическая структура и нашей страны, и Европы требует принципиального переосмысления политики занятости.

Экономия пенсионных средств должна происходить не за счет того, что людям не будут платить пенсию, а за счет того, что они не будут в ней нуждаться, имея работу, соответствующую их возрасту.

Можно только удивляться, что вопрос об этом не ставят специалисты соответствующих ведомств. Им, по-видимому, гораздо интереснее делить и перераспределять деньги пенсионного фонда.

У нас нет другого выхода, кроме как начать формирование многоформатного, объемного рынка труда, который будет ориентирован не только на молодых людей в расцвете сил, процентная доля которых в общей массе народонаселения постоянно сокращается, но и на людей в возрасте 40+ и 60+, и на молодых мам, нуждающихся в частичной занятости, и на людей с ограниченными возможностями. Ничего невероятного в этом нет.

Вот когда у нас появятся рабочие места с 20-часовой, двухдневной и трехдневной рабочей неделей, заточенные под людей, которым, возможно, трудно таскать шпалы и бегать по лестнице, но которые могут принести огромную пользу на работах, требующих систематичности, стабильности, спокойствия, аккуратности, тогда можно будет говорить о повышении пенсионного возраста, а возможно, и вообще об отмене пенсии по возрасту как института. Если у человека будет возможность работать 2–4 часа в день и чувствовать, что он делает нужное, полезное дело и при этом получает за это достойную оплату, то зачем ему отказываться от такой жизни и переходить на тупое сидение дома у телевизора?

Люди мечтают о пенсии, потому что от них – пятидесяти-шестидесятилетних – требуют выполнять нормативы, которые установлены для молодых. И это отражение нашей общественной дикости.

Существует миф, что мужчины у нас массово не доживают до пенсии. Это не совсем так. В России огромная смертность мужчин молодого и среднего возраста. А вот те мужчины, которые достигли 60 лет, в среднем доживают до 74 лет (это цифры несколькoлетней давности, сегодня, наверное, и дольше). И для любого из них уход на пенсию – колоссальный стресс. Если бы вместо резкого прерывания работы люди последовательно, начиная, скажем, с 50 лет, переходили на более мягкий режим работы, они могли бы и работать на общую пользу дольше, и жить дольше и гораздо более наполненной жизнью.

Как это ни невероятно, но мы в силах управлять своим возрастом. Не с помощью машины времени или чудо-таблеток, или генной инженерии, а с помощью установки на долгую продуктивную жизнь и грамотно выстроенной цепочки целей. Некогда советский, а ныне американский психолог Александр Кроник разрабатывает теорию психологического времени личности. Эта теория имеет ярко выраженный практический аспект. Она учит управлять своим психологическим возрастом. Чем больше у вас в будущем целей, над которыми вы работаете в настоящем, тем меньше ваш психологический возраст. Долговременные планы продлевают жизнь, наполняя будущее смыслом. Пошел учиться – осваивать новую специальность, новый навык, новый язык – стал психологически моложе, потому что получил новые цели в будущем.

Отправляя на пенсию людей «по возрасту», мы состариваем их, лишая дерева профессиональных целей. Целая сфера жизни «отсыхает» и перестает давать стимулы для поддержания активности и бодрости! Общество с десятками миллионов «пенсионеров по старости» не должно так наплевательски относиться к скрытому потенциалу четверти своих граждан!

Необходимо менять общее отношение к возрасту в целом, внедряя новый, позитивный образ зрелого возраста, в том числе с помощью средств массовой информации. Интеграция пожилых людей в профессионально-деловую сферу станет возможной лишь тогда, когда старость в современном обществе перестанет рассматриваться как своего рода болезнь, будет реабилитирована в качестве нормального, полноценного, естественного и вполне продуктивного периода жизни. Тогда и сами пожилые и очень пожилые люди будут относиться к себе иначе, стремиться поддерживать себя в физической и интеллектуальной форме, участвовать в социальной жизни.

Нельзя сказать, что тема пересмотра всей сложной структуры трудового рынка и тесно с ним связанной пенсионной системы вообще вне внимания специалистов. Некоторое время тому назад в Нижнем Новгороде прошла международная социологическая конференция «Старшее поколение в современной семье», которая затронула широкий круг вопросов жизни пожилых людей в современном обществе, в том числе и «вопрос ресурсности старшего поколения». Немецкий ученый Боссонг Хорст нарисовал детальную и во многом драматическую картину проблемы старения в Германии. Согласно немецкой системе, пенсионные вычеты работающих обеспечивают ныне живущих пенсионеров, а не пенсию самих работающих. Если в 1991 году одного пенсионера обеспечивали четверо работающих, то в 2006 году их уже стало трое, а к 2030 ожидается, что останется только двое. К 2050 году, предположительно, большую часть германского населения будут составлять люди в возрасте от 50 до 80 лет. Хорст подчеркнул, что изменение демографической ситуации порождает напряженные отношения между поколениями и, возможно, рост скрытого насилия по отношению к пожилым, однако эти данные являются закрытыми. Правительство видит единственный выход в постепенном уменьшении пенсий, которые в середине семидесятых составляли около 50 % от зарплаты, а к 2018 году будут составлять около 42 %. По его мнению, пенсии снижались бы гораздо быстрее, если бы пожилые люди не являлись огромным отрядом избирателей. По мнению ученого, в ближайшем будущем немецкие города претерпят существенные изменения – они будут приспосабливаться под пожилое большинство, и это может повлечь изменения как в инфраструктуре, так и в культурной жизни. Никаких кардинальных решений проблемы в Германии не видят, скорее, надеются, что как-нибудь все утрясется.

А вот в докладах российских участников содержались новые подходы к феномену возраста. Доктор экономических наук, сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Валентина Доброхлеб сделала акцент на том, что старение надо воспринимать как естественный процесс, начинающийся практически с рождения, людей надо учить нормально воспринимать возрастные изменения и одновременно учить самосохранительному поведению. О последнем – самосохранительном поведении – умении и желании поддерживать себя в физической и интеллектуальной форме говорилось очень много и с большой тревогой. Люди в России абсолютно не нацелены на самосохранение – повторяли чуть ли не все выступающие. Жизнь человека – непрерывный процесс, и разбивать этот процесс искусственным образом на продуктивные и непродуктивные периоды неверно. Каждый период может быть продуктивным, надо только и человеку, и обществу уметь извлечь эту продуктивность. Интересные данные привел главный специалист-эксперт отдела статистики населения Нижегородстата Евгений Малышев. Эти данные свидетельствуют, что низкая продолжительность жизни в России во многом обусловлена психологическим дискомфортом и дезориентацией. Так, в 1998 году, во время дефолта, резко выросла смертность, причем среди людей среднего и даже молодого возраста. Пожилое население, дожившее до дефолта, оказалось психологически закаленным. В 2006–2007 годах смертность в Нижнем Новгороде снижалась, а вот в 2008-м опять пошла вверх.

Тут мы подходим к принципиальнейшему моменту – отношению к труду. Распространенное устойчивое словосочетание наших дней «рынок труда», от которого никуда не денешься, представляется нам безнадежно устаревшим. Это – пережиток времени бурно развивавшегося машинного производственного капитализма. Миллионы рабочих в бараках просыпаются по заводскому гудку и, еле-еле продрав глаза, идут к нескончаемому серому конвейеру. Высосав из них все соки, конвейер выплевывает их обратно, а сам заглатывает свежую порцию розовощеких мальчиков и девочек. Вот он, рынок труда во всей своей красе.

С сегодняшних позиций труд видится не как организованное выжимание соков, а как наиболее важное содержание жизни. Когда-то наши предки охотились, выкапывали корешки, собирали плоды, выделывали шкуры, и это составляло содержание их жизни. Если бы освободить их от этой деятельности, то жизнь утратила бы смысл и наполненность – утратила содержание. Сегодняшние охота и корешки – наша работа.

Как ни крути, а отношение к труду, декларировавшееся коммунистической идеологией, более отвечает гуманистическому осмыслению человеческой природы, нежели капиталистический подход к труду. Выражение «рынок труда» унижает труд как творчество, как удовольствие, как содержание жизни. Сродни этому – сказать о девушках, собирающихся на танцы, что они выходят на сексуальный рынок. И все. Веселый задор, ожидание встречи, радость жизни закручиваются в прокрустово ложе «товар-деньги». Так и с трудом. Вопреки существующим на этот счет воззрениям, труд как таковой никогда не был в истории человечества презренным занятием. Подвергались дискриминации лишь те или иные виды труда. В Древней Греции гражданин не брался за то, что полагалось делать рабу, – это было презренно. Но труд осмысления жизни, построения общественных систем, управления страной и городом, систематизации явлений и заложения основ наук – этот труд рассматривался как высокий и достойный. В феодальной Европе дворянин, взявшийся за плуг, мог лишиться дворянского звания – это было презренно. Но труд управления и организации жизни, защиты своей земли и службы государю был осмыслен, священен и наполнял жизнь смыслом. Двадцатый век, попытавшийся воплотить в жизнь долго казавшиеся утопическими коммунистические идеи, сделал огромный рывок вперед, уравняв разные вида труда. Предложив видеть труд прежде всего как содержание жизни и поставив цель свести к минимуму механический, оболванивающий, не дающий радости труд.

Вернуть труд к его естественному состоянию содержания жизни, повседневного наполнения жизни смыслом – в этом было колоссальное достижение социализма. Тем более странным было при таком понимании труда исповедовать капиталистический концепт пенсионерства по возрасту, подразумевающий труд как подневольное, противное человеку занятие. Тут, наверное, надо

попенять на качество идеологов «реального социализма», которые продемонстрировали полную неспособность к какому-либо творческому развитию коммунистических идей и в конце концов привели к полному фиаско экспериментальный социалистический корабль.

Конечно, предлагая отменить пенсии по старости, мы вовсе не выступаем за отмену пенсионной системы как системы социальной поддержки людей, потерявших возможность работать. Естественно, в любом обществе есть люди, которые по разным причинам объективно не могут работать. И покушаться на пенсионную систему, обеспечивающую этих людей, было бы в высшей степени аморально. Тут надо лишь надеяться, что в будущем медицина сможет помочь в той или иной степени участвовать в разных формах труда как можно большему числу людей. И это позволит им чувствовать себя нормальными, полноценными, включенными в общественную жизнь людьми. Начинать надо, безусловно, не с отмены пенсий по возрасту, а с дифференциации интенсивности и продолжительности трудовой недели, с отмены социального ожидания выхода на пенсию в определенном возрасте. Пусть у людей появится возможность выбора – работать в посильном режиме или уйти на пенсию. А общество при этом будет всячески поддерживать стремление остаться на работе.

Подчеркнем еще раз: в принципиальном переосмыслении нуждается не только пенсионерство по старости, но и мотивация к труду. К сожалению, приметой сегодняшней России является чрезвычайно низкая мотивация к труду. По сути, двадцать лет примитивного капитализма отбросили нас в этом отношении далеко назад. Идея труда ради потребления зачастую чрезвычайно сомнительных благ на стреле времени находится далеко позади идеи труда как творческого содержания жизни. Труд ради потребления легко рядополагается с самыми неприглядными видами деятельности. Если финальный конечный смысл труда – всего лишь получить деньги, то тогда легко понять тех, кто выбирает деятельность околокриминального толка.

Возраст, как известно, имеет несколько измерений: календарное, биологическое, психологическое, социокультурное (чего общество ждет от людей того или иного возраста). Сегодня ситуация складывается так, что люди выходят на пенсию по календарному и социокультурному критерию, их биологический и психологический возраст при этом игнорируются. Было бы логично, чтобы окончание работы было связано исключительно с биологическим и психологическим возрастом. Календарный возраст не должен играть роли, и общество не должно предъявлять социокультурных ожиданий, что человек бросит работу в том или ином возрасте независимо от своего состояния. Напротив! Общество должно всячески стимулировать людей сохранять потенциал к общественному труду и активной жизни как можно дольше В условиях старения населения программирование людей на отход от дел просто абсурдно.

Если посмотреть на ситуацию с психологической точки зрения, то мы увидим, что сегодня человек сначала «умирает» как субъект деятельности, потом как личность и индивидуальность, и в конце концов как индивид – представитель своего биологического вида. А стремиться надо к тому, чтобы человек до конца оставался и субъектом деятельности, и личностью, и индивидуальностью. Причем помочь ему в этом может именно общество. Мы все еще недооцениваем, каким мощным, программирующим поведение отдельного человека механизмом являются общественные ожидания.

Труд как естественное и смыслообразующее содержание жизни не подразумевает пенсионерства по возрасту. Потому что от жизни ни в отпуск, ни на пенсию не уходят.

Об антагонизме народа и власти

«Наш народ – как оловянный солдатик, над которым каких только не ставят экспериментов, а он все терпит и терпит…»

Мнения такого сорта, часто появляющиеся в комментариях к Интернет-текстам о фактах вопиющего убожества жизни части россиян, немедленно вызывают волну сочувственных комментариев читателей. Образы хорошего, справедливого, незлобивого народа и аморальной и бессовестной власти, ставящей над народом бесчеловечные эксперименты, одни из самых популярных в нашем общественном сознании. Правда, тут надо уточнить: власть плоха именно как анонимный собирательный субъект власти. Лидеры государства при этом могут быть вполне любимы.

Общественное сознание с легкостью отрывает «хороших» руководителей государства от созданных ими «плохих» систем власти. Этот удивительный парадокс российской действительности достоин отдельного осмысления. А пока попробуем проанализировать, чем же так плоха власть? Каковы ее главные нехорошие черты?

Главная претензия вполне очевидна. Это она – официально объявленная главным общественным злом сегодняшнего дня коррупция. С которой кто-то где-то как-то вроде бы даже борется. Правда – совершенно неэффективно. И это неудивительно. Потому что победить коррупцию в нашем обществе невозможно в принципе. Она – единственный работающий механизм взаимодействия народа и власти. Она – одновременно и цемент и смазка, которые вообще позволяют нашему обществу жить, работать, «решать проблемы». И она же – в основе целеполагания всего массива людей, стремящихся во власть.

Некоторое время назад довелось откровенно беседовать с одним молодым, образованным, карьероориентированным гражданином, который вполне внятно сформулировал, что есть бизнес в современной России. «Бизнес – это когда тебе дали нишу для работы и больше туда никого не пускают. Все остальное – ерунда, мелочевка». Вопрос о том, кто дает эту самую «нишу», – риторический. Известный психолог, открывший в СПбГУ первую в нашей стране кафедру политической психологии, – Александр Юрьев как-то вполне отчетливо сформулировал «базис коррупции»: «В нашей стране, – сказал он, – каждый чиновник – это своего рода фабрика – с сопутствующими производствами, смежниками и т. д. и т. п.». Молодой карьероориентированный гражданин, кстати, сделал прекрасную чиновничью карьеру и заглядывает к нам на чай с экранов телевизоров. «Нишу» ему дали.

Если бы каким-то чудесным образом (воздействием экстрасенсов через телевизор, например) вдруг стала невозможна коррупция, это бы попросту разрушило всю пирамиду власти. Люди из этой пирамиды утратили бы смысл жизни и деятельности. Разумеется, если смотреть правде в глаза, с целью «послужить народу» в чиновники вообще никто нигде и никогда не идет. Зато «в некоторых отдельно взятых странах» в чиновники идут с мыслью обеспечить себе стабильную, обеспеченную, наполненную социальными гарантиями жизнь. Люди же амбициозные, любящие деньги, рисковые идут в этих странах в бизнес. Где им, собственно, и место. И хрупкое равновесие этих двух параллелей: обеспеченного чиновничества со стабильным доходом и богатого, но и рискованно живущего бизнес-сообщества – обеспечивает какое-никакое равновесие. Иными словами, эти две группы не дают друг другу чересчур зарываться и терять голову от открывающихся возможностей. У нас же людям деятельным, энергичным и любящим деньги приходится идти во власть – потому что без этого никакого бизнеса не построишь. Если лишить их возможности использовать административный ресурс (коррупция!) для ведения бизнеса, то это мгновенно взорвет общество – подавленная энергия приведет к очередной революции.

Некоторое время тому назад по телеканалу «Россия» прошла блестящая передача «Специальный корреспондент», посвященная растаскиванию государственных земель в Подмосковье. Картина была нарисована по-настоящему страшная: в одной коррупционной связке оказались и старенькие академики ВАСХНИЛ-РАСХН, и полнокровные представители администрации районов, и брутальные товарищи от прокуратуры с милицией. То есть все люди, которые имеют хоть какой-то вес и власть в регионе, получили свою долю от украденной у государства (народа) земли. Лишними оказались фермеры, пытающиеся организовать продуктивное хозяйство и отказывающиеся продавать свою землю под следующую волну спекуляций… Развернув картину воровства и беззакония всех ответственных лиц, журналисты вполне конкретно сформулировали свой вывод: «складывается впечатление, что нынешняя система впитывает негодяев, как губка». Но эти люди не негодяи! Они просто следуют внутренним правилам системы. И в соответствии с главной установкой капитализма стремятся добыть как можно больше денег в предложенных обстоятельствах.

Кто предложил нам эти обстоятельства?

В последнее время все чаще прослеживаются попытки свалить всю вину на теплую компанию Егора Гайдара – Анатолия Чубайса. Яркий пример этих попыток – статья Юрия Лужкова и Гавриила Попова в январском номере (2010 год) «Московского комсомольца». В ней два московских градоначальника ярко рисуют Гайдара технократом, глубоко презирающим слабых обывателей, попавших в жернова капиталистических преобразований. Чего стоит эпизод с описанием того, как Гайдару доложили о 36 людях, умерших от голода в Зеленограде! Будто бы Егор Тимурович невозмутимо ответил в духе социального дарвинизма – слабые должны умирать. Статья Лужкова – Попова, очевидно, преследовала спрятанные от глаз и умов читателей административно-политические цели. Тем не менее даже эти внутренне ангажированные авторы отмечают, что Гайдар искренне верил: жесткий период перехода от одних законов к другим будет коротким, быстро воцарится рынок и возродит страну к жизни. Гайдар ошибся. Лужков и Попов удовлетворяются констатацией этого факта. И декларируют, что именно с реформ Гайдара началось разграбление России аморальными мошенниками, быстро превратившимися в олигархов. А нам представляется, что самое интересное – в чем ошибся Гайдар?

Будучи экономистом и технократом, Гайдар оказался далек от мысли о том, что капитализм – это не только рыночный механизм, но еще и люди, которые своим участием обеспечивают функционирование этого рыночного механизма. Сильно утрируя ситуацию, заметим: никому же не придет в голову запускать рыночный механизм среди детей детсадовского возраста. Очевидно, что этот механизм может хорошо работать только в определенной человеческой среде, ведь и родился он в определенной человеческой среде, для которой и эффективен.

Так что же – правы некоторые мечтатели (в том числе и кремлевские), которым сегодня кажется, что СССР мог пойти по пути Китая? Сохранить власть КПСС и под ее руководством начать последовательно реформировать экономику. Эти люди забыли или не хотят знать, насколько велик был в СССР середины восьмидесятых запрос на свободу, демократизацию, присоединение к западному миру изобилия, между прочим. У простых граждан СССР и сомнений не было, что, сменив систему и открыв дорогу рынку, мы заживем жизнью полноправной европейской страны – только более богатой, более просторной, чем все другие государства… Поставить поперек этого запроса сохранение однопартийной системы и закрытого государства – тут жертв были бы сотни тысяч. Егор Гайдар и иже с ним были реализаторами этого запроса. Воровство и злоупотребления части своих соратников они рассматривали как неизбежные щепки, которые летят всегда. А предвидеть, что в щепки превратится весомая часть всего леса, они не могли – потому что человек – со всеми его особенностями личности, психическим и культурным складом – присутствовал только на периферии их сознания, занятого экономическими схемами. Они искренне не понимали, что суть общества в значительной мере определяется именно особенностями людей, слагающих это общество, а не только экономическими схемами движения товаров и денег. В определенном смысле они оказались верными последователями Маркса, видевшего общество исключительно сквозь экономическую призму.

Неожиданным для властей образом общество не выделило из себя устойчивую опору – многочисленный средний класс, обрамленный по краям очень бедными и очень богатыми, а образовало совсем другую, гораздо менее симпатичную структуру – очень узкую прослойку «деловых людей», разграблявших и продолжающих разграблять государство (общее имущество народа) и нищее большинство, которое оказалось неспособно противостоять мародерам, орудовавшим на руинах СССР.

Какая специфика нашего общества проявилась в ходе построения капитализма? (Специфика, разумеется, по сравнению с Европой, на которую мы всегда ориентировались в своих планах и расчетах. Если выявлять специфику, сопоставляя Россию с Гаити или Конго, то картина нарисуется исключительно оптимистическая.) Итак, при сопоставлении с Европой обнаружилось, что мы как граждане обладаем низкой степенью самоорганизации и не умеем ставить долгосрочные сложные цели и последовательно идти к ним – именно поэтому при приватизации все заводы, колхозы и пароходы в мгновение ока уплыли из рук коллективов. Один энергичный прохвост в два счета мог скупить паи и акции за копеечные деньги, а вот желающих налаживать производство и приспосабливаться к конъюнктуре очевидно не хватало. Другая сторона того же самого – привычка к внешним рамкам и неумение жить без этих самых внешних рамок. Что ни говори, капитализм предполагает не только стремление зарабатывать как можно больше денег, но и определенную деловую этику, органически входящую в структуру личности, неотъемлемую от этой личности. Этот момент оказался абсолютно вне поля зрения реформаторов. Социалистическая мораль была объявлена лицемерной и отменена, но никто не задумался над тем, что кроме этой лицемерной морали никакой другой у членов нашего общества просто нет. Печальной приметой капиталистической России стал и низкий уровень бытовой культуры – который стал как-то очень сильно бросаться в глаза. Леса вокруг больших городов в мгновение ока превратились в помойки, каждый клочок новой застройки игнорировал все, что есть вокруг, вновь оборудованная детская площадка порой превращалась в руины за один вечер, торговля некачественными товарами стала восприниматься как соревнование продавца с покупателем… А как только осела пыль от растаскивания экс-советского имущества, начала вылупляться новая черта нашего капитализма – монополизм и протекционизм везде, где только можно. Именно монополизм и протекционизм идут в тесной связке с коррупцией.

Если честно посмотреть на окружающую действительность, то придется признать: в коррупционных схемах занято практически все население страны. Эти схемы кажутся людям вполне естественными и удобными и воспринимаются как «бизнес». Навязанные услуги пронизывают все ткани нашего общества. Вот к вам пришел мастер включать только что приобретенную стиральную машину и хочет с вас получить «за подключение» сумму в пять раз больше, чем возьмет любой сантехник. Почему? Потому что он из фирмы, у которой договор с магазином, – не хотите, чтобы он подключал – лишитесь гарантии на машину. По сути – та же коррупция, то же выкупленное «право перевоза на другой берег», что и в средние века. А все эти энергопоставляющие компании, которые заключают договоры с собственниками помещений годами, требуя тонны бумаг и по сути беспрерывно вымогая деньги? А телефонные компании, подсовывающие услуги незримо для их потребителей, потому что «им так разрешили»? Что уж говорить про получение справок, разрешений и т. д. Что уж говорить про ГИБДД и ЖКХ, пожарную службу и СЭС… А многомиллионная армия юристов – представителей одной из самых популярных в постсоветской России профессий? Российские юристы – это, по сути, «эритроциты» нашей коррупционной системы – вся их деятельность сводится к тому, чтобы «подкрепить решение (чиновников, администрации, суда) финансово». Иными словами – «заносить деньги» в ответственные кабинеты. О чем говорить, если хорошо известна средняя цена возбуждения уголовного дела – 30 000 у. е.? Цена петербургская, в Москве – выше, в регионах – ниже.

Коррупция – привычная схема получения денег для десятков миллионов наших сограждан. Да что там говорить! Это схема получения денег большинством россиян! И они абсолютно не намерены от нее отказываться. Они просто не умеют жить по-другому и, кляня плохие власти за нечестное обогащение, даже не задумываются о том, что сами являются коррупционерами, Поднимаясь по карьерной лестнице, эти коррупционные винтики легко вписываются в более масштабные коррупционные схемы. А все вместе эти коррупционные ветви и образуют зеленое цветущее дерево российской государственности.

Конечно, какие-то крохотные сегменты свободного рынка построить в стране удалось, но это именно отдельные сегменты

мелкого бизнеса, которые отчаянно борются за свое существование среди крупных структур, функционирующих за счет протекционизма. И нет ощущения, что их число увеличивается, – скорее, увы, наоборот.

Коррупция, среди прочего, связывает общество в единое целое неформально зависимых друг от друга людей, не позволяя никому слишком обособиться и нарушить целостность. Ситуация напоминает известный метод спецслужб, которые стремятся иметь компромат на каждого из сотрудников, и эти бесчисленные тайные крючки позволяют системе сохранять свою целостность. Так и у нас: на любого человека, ведущего активную жизнь и занимающегося хоть каким-то бизнесом, в любой момент можно накопать целые горы компромата – ведь решать вопросы любому приходится в коррупционной среде, а это однозначно подразумевает нарушение законов. Таким образом, сложившаяся система обеспечивает свою стабильность, защищаясь от «паршивых овец», которым может захотеться что-то изменить.

Особенности менталитета победили экономическую модель – это, наверное, главный итог минувшего десятилетия, да и всего постсоветского периода. В определенном смысле вся история современной России – доказательство неуниверсальности западных ценностей.

Интересно, что схема устройства нашего общества удивительным образом перекликается с теорией антропогенеза, предложенной и подробно разработанной известным российским ученым Борисом Поршневым. По сути, на сегодня доктор исторических наук, доктор философских наук Борис Поршнев, наверное, единственный ученый, предложивший связную подробную теорию происхождения человека. Жил бы он в Англии или США, мы бы изучали его теорию по учебникам, но он жил в России и умер после того, как в последний момент был рассыпан набор его главной книги «О начале человеческой истории». И было это не когда-то там в далекие тридцатые годы, а в начале семидесятых. Согласно Поршневу, предки человека занимали очень специфическую нишу в биоценозе. Они были своего рода коммуникаторами, обеспечивающими связь разных живых существ биоценоза – крупных хищников могли навести на добычу, травоядных предупредить о приближении хищников… Таким образом, они сплетали паутину сложной зависимости разных элементов друг от друга. Российское общество также напоминает такой биоценоз, где каждый зависит от каждого, связанный с ним клубками нелегитимных, но очень важных связей. Отдельно взятый, независимый человек вообще не может быть эффективным членом нашего общества, он должен быть непременно защищен связями с представителями разнообразных кланов – криминальных, чиновничьих, силовых… Коррупционные связи во всей своей полноте – это специфическое средство повышения связности нашего общества – изнанка соборности, о которой так любят поговорить иные мыслители.

Что же, мы вообще не можем устроить нашу жизнь по-другому? Есть ученые, и среди них, например, историк и политик Павел Милюков – лидер партии конституционных демократов, первый министр иностранных дел Временного правительства, – которые полагают, что национальный менталитет закладывается в «детстве» народа и потом не может быть изменен никакими силами. Народ, как и отдельный человек, отдельная самобытная личность, проходит все стадии своего развития, расцвета и упадка и уходит в историческое небытие, послужив почвой, на которой возникают новые народы. А формируется менталитет народа под воздействием ряда обстоятельств.

Обыкновенно, рассуждая об особенностях российской нации, исследователи привязывают эти особенности в первую очередь к специфике климата и природных условий месторазвития нации. Вот как, например, пишут об этом наиболее именитые психологи России в только что вышедшем сборнике «Макропсихология современного российского общества»:

«В средней, северо-западной и северо-восточной европейских частях России, где в древности проживали русские, природно-климатические условия характеризовались коротким теплым летом и достаточно продолжительной зимой. Эти условия вынуждали напряженно трудиться в летние месяцы (по сути, пять месяцев) и вести размеренный и расслабленный трудовой образ жизни в зимнее время (почти семь месяцев). Влияние умеренного климата, лесов и полей обусловило появление в национальном темпераменте таких особенностей, как уравновешенность, терпеливость, сдержанность, интровертированность, чувствительность, умеренность в выражении эмоций и чувств. Наличие широких просторов и многочисленных лесов способствовало не очень уважительному отношению к природным ресурсам. В то же время проживание русских на равнинах, как и у других народов, проживающих в подобных условиях, сформировало миролюбие и уживчивость.

Основным видом производственной деятельности, в котором было занято население в Древней Руси, являлось сельское хозяйство. Такой труд формировал физическую выносливость, умение концентрировать свои усилия на определенный период и интенсивно работать в этот промежуток времени» (стр. 51, «Макропсихология современного российского общества», под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2009 г.).

При этом обычно исследователи как-то упускают из виду другое – не природное, а социальное измерение жизни протославянских племен.

Павел Милюков, переживший, безусловно, очень драматический личный опыт оперирования российской действительностью, считал, что многие российские особенности своими корнями уходят в историю формирования славянских наций.

А в период формирования славяне (венеды), согласно данным подобранных им источников, обычно выступали в качестве племен, подчиненных другим, более воинственным и организованным племенным сообществам. Как пример Милюков приводит зарисовку взаимоотношения албанцев – последних обломков иллирийцев – с соседями славянами. (Тут уместно напомнить, что Милюков несколько лет провел на Балканах в качестве российского дипломата, и его знание этих мест носило не только книжный характер)

«Албанец, этот единственный уцелевший наследник иллиров, еще в начале XX века считал себя выше славянского населения, которое заставлял, под страхом своих разбойничьих наездов, платить себе дань.

В местностях, населенных славянским и албанским элементом, можно было постоянно видеть вооруженного ружьем албанца, высокого, стройного, с начальственным видом расхаживающего среди приземистых фигур славянских крестьян, которым было запрещено носить оружие» (П. Н. Милюков. «История русской нации». М., Эксмо, 2008. стр. 70).

Справедливости ради надо сказать, что, путешествуя сегодня по местам, описанным Милюковым, можно констатировать совершенно обратную картину: по мере продвижения по побережью Средиземного моря от Хорватии через Черногорию к Албании неуклонно снижается цивилизованность, обустроенность, аккуратность и возрастают хаотичность и запущенность поселений…

Тем не менее приходится признать, хотя удовольствия это и не доставляет: многие неотъемлемые черты российской жизни очевидно свойственны подчиненным группам. Пренебрежительное отношение к собственной среде обитания (которая все равно не твоя и ты над ней не хозяин), невысокая цена человеческой жизни (которую в любой момент могут отнять), низкая степень самоорганизации (не позволенной господами), долготерпение (условие выживания), склонность полагаться на авось (потому что от тебя ничего не зависит). Вообще, можно и продолжить, но – не хочется.

Об этом же писал философ Александр Зиновьев, сетовавший на комплекс «приниженности», свойственный русским. «Русские – не нация господ» – сформулировал он в качестве одной из основополагающих причин той легкости, с которой наше общество отказалось от собственного социалистического пути развития. Вот немцы бы такой возможности устроить мир по-своему никогда не упустили, – сетовал он. Действительно, какой еще стране, какому народу настолько свойственна убежденность, что «у других лучше», о чем бы ни зашла речь…

По сведениям Милюкова, население в разных местах России часто вместо этнонима «русские» пользовалось словами «тутошние», «тутейные» – словами, которые, на его взгляд, уходят корнями в глубину веков, когда с одной стороны были племена-завоеватели с оформленным национальным самосознанием, а с другой – местные «туземные» жители, оказывавшиеся у этих племен в подчиненном положении и долгое время не имевшие возможности строить жизнь по собственным законам.

Такой взгляд на российское далекое прошлое оказался любопытным образом преломлен в сильно недооцененной, на наш взгляд, книге Дмитрия Быкова «ЖД» – пожалуй, одной из самых интересных и самобытных попыток осмыслить структуру российского общества. Быков нарисовал трехчленное общество: лицемерные государственники-варяги, видящие в людях пушечное мясо, строительное сырье и неумолимо попирающие человеческую жизнь (чужую) во имя сверхидей, лицемерные торговцы-хазары с полем зрения, намертво ограниченным понятиями выгоды и прибыли, однако же успешно прикрывающие свою структуру ценностей «всеобщими правами человека», и, наконец, сердцевина жизни – местные-тутошние, выживающие между этих двух недобрых сил благодаря чудодейственной связи с землей и природой. Пожалуй, эвристическая сила этой картины будет поболе, чем у томов академических исследований. Писатель видит будущее в том, что «соль земли» в конце концов должна превратиться в полноценный народ (по-видимому – со своей собственной выстраданной государственной структурой и своими принципами жизни).

Возвращаясь к Милюкову, на его рассуждения можно резонно возразить, что российский характер сложился отнюдь не в Древней Руси, а в Московском царстве. Между Древней Русью и Московской Россией – провал в сотню лет, да и субстрат, из которого складывался «средний житель» Древней Руси и Московского царства, весьма различен. Возможно, конечно, в Московском царстве произошло вторичное «принижение» населения подчиненным положением по отношению к монголам. В конце концов, даже Лев Гумилев, настаивающий на том, что Москва и Сарай были в отношениях симбиоза, подчеркивает, что монголы поддерживали русских против врагов с Запада, чтобы самим «стричь и доить»: «Два века татары приходили на Русь как агенты чужой и далекой власти. Они защищали Русь от Литвы, как пастухи охраняют стада от волков, чтобы можно было их доить и стричь» (стр. 247, «Древняя Русь и Великая Степь», т. 2. Гумилев Л. Н. Институт ДИ-ДИК, М., 1997 г.). Интересно, однако, что разрозненные части Древней Руси под руководством своих вождей даже под угрозой монгольского господства не захотели идти под крыло католического мира и даже объединиться с Великим Княжеством Литовским – этнически преимущественно русским и в значительной степени православным. Гумилев полагает, что успех Москвы как собирательницы обновленной Руси объяснялся новым типом социальных отношений – отношений народа с властью, которые предлагала Москва.

«Но Москва перехватила инициативу объединения, потому что именно там скопились страстные, энергичные, неукротимые люди. От них пошли дети и внуки, которые не знали иного отечества, кроме Москвы, потому что их матери и бабушки были русскими. И они стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей, за несение которых полагалось «государево жалованье». Тем самым, они, используя нужду государства в своих услугах, могли защищать свой идеал и не беспокоиться о своих правах: ведь если бы великий князь не заплатил вовремя жалованья, то служилые люди ушли бы добывать корма, а государь остался бы без помощников и сам бы пострадал» (стр.187, там же).

Гумилев, таким образом, полагает, что российский характер сложился в Москве и сразу формировался с приоритетной ориентацией на службу власти, а не самостоятельную жизнь.

Этому типу социальных связей противостояли торговые города – Великий Новгород, Нижний Новгород, где купечество хотело само ставить такую власть, которая будет править на пользу торговой общине. Однако торговые города проиграли Москве, поставившей во главу угла единоличный интерес верховного правителя, набирающего себе на службу таких людей, какие ему

угодны, и обеспечивающего их прокорм теми методами, которые посчитает нужным.

Вокруг этой схемы сложилась государственная модель России.

И именно тут лежит существенная проблема современной России – чтобы построить «хорошее» государство на капиталистических началах, нужны самостоятельные, свободные люди, каковых наше общество производить не приспособлено. И – очень важный момент – у этих людей должны быть прочные нравственные начала, которые не надо контролировать, потому что они являются частью менталитета, национального характера. В России на сегодняшний момент философские и психологические исследования констатируют полное размывание нравственного идеала – его не удается нащупать, «сгустить» из обрывков общественных настроений и мечтаний.

«По нашему наблюдению, между поколениями в современной российской действительности лежит некая грань, связанная с дефицитом положительных нравственных запечатлений. Наше главное и основное богатство – "добрые люди Руси" (слова, принадлежащие одному автору XIX в.) – как бы расходовалось и расходовалось десятилетиями, и сейчас слой этот истончился так, что относительно взрослым (студентам) еще удалось увидеть кого-то, встретиться с кем-то, кого они могут описать как нравственный образец, а теперешним подросткам сделать это уже труднее (всего одна треть школьников смогла указать такое конкретное лицо)» (стр. 202, «Макропсихология современного российского общества», под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2009 г.).

Еще несколько лет назад директор института психологии РАН А. Л. Журавлев, выступая на конференции по синергетике, поставил вопрос о том, что стране необходима «нравственная элита». С тех пор запрос этот звучал неоднократно – и с научных кафедр, и с политических трибун. В общем, запрос есть. А нравственной элиты нет. Капиталистическая система и менталитет российского народа, вступая во взаимодействие, приносят малосъедобные плоды.

Крайний случай несоответствия менталитета народа и формы общественного устройства демонстрирует миру несчастная страна Гаити – единственная страна, образованная черными рабами, которые эффективно перерезали всех (поголовно!) белых колонизаторов-французов и вот уже два столетия пытаются выстроить справедливое черное государство. За это время Гаити стала одной из самых бедных, коррумпированных и криминальных стран мира, являя разительный контраст с Доминиканской республикой, расположенной на второй части острова – успешным процветающим государством, построенным под руководством испанцев. И дело тут не в том, что кто-то плохой, а кто-то хороший. Просто форма должна соответствовать содержанию. Капиталистическое государство только тогда обретает привлекательные черты, когда граждане созрели для этой формы организации. И один из главнейших моментов: когда внутренняя структура их личности обеспечивает возможность эффективных социальных – и политических, и экономических связей. Потому что эффективность этих связей невозможна без определенного уровня доверия, который возникает не только благодаря законам, но и в первую очередь благодаря высокому уровню обоснованного доверия людей друг другу. Хорошая работа может строиться либо на драконовском контроле, либо на внутреннем настрое «надо работать хорошо». Этот настрой – плод сложных социокультурных процессов, которые в России оказались менее эффективными – с точки зрения создания внутренней установки на хорошую работу. Огромное число людей с установкой на хорошую работу было, в частности, уничтожено революцией. В результате внешний контроль качества социального поведения (и хорошей работы в том числе) постоянно подменял формирование внутренней установки.

Так что же получается? Получается, что в определенном смысле социалистические идеи больше соответствуют ментальности российского общества, – делают осторожные выводы некоторые исследователи.

Революция была, наверное, наиболее кардинальной попыткой преодолеть приниженность народного менталитета и предложить народу самому устраивать свою жизнь и нести за себя ответственность. Недаром, кстати, русская мессианская идея всегда была не завоевать, а освободить мир. Мечта не господ и не свободных людей, а холопов.

Был ли социализм обречен на поражение? Является ли он историческим тупиком?

В СССР не нашлось людей, которые были бы способны творчески развивать и преобразовывать реальный социализм в соответствии с запросами времени и изменениями в мире. Работы Маркса и Ленина были превращены в окаменелые догмы, которые нельзя трансформировать. Класса советских интеллектуалов не сформировалось – партийные бонзы рекрутировались из малообразованной среды, работать над социализмом интеллектуалам было не позволено, соответственно, они работали над его свержением. Так когда-то восточная ветвь христианства объявила свои догматы полными и не подлежащими развитию. И в результате российская православная церковь была свержена и растоптана в 1917 году.

На сегодня приходится констатировать: с построением государства по собственному образцу справиться не удалось, а то, что получается по лекалам Запада, тоже не может нас устроить.

Проблема, конечно, решаема, но для ее решения прежде всего надо ее увидеть. Россияне не хотят признавать некоторых своих особенностей, предпочитая смотреться в кривое зеркало мифа. Восприятие, как доказала современная психология, активно и категориально. Это значит, что восприятие – отнюдь не отражение действительности, а своеобразное «вычерпывание» из окружающего отдельных фактов жизни. Мы «вычерпываем» только то, что соответствует сложившемуся у нас категориальному аппарату, а то, для чего наш аппарат не приспособлен, просто не видим и, соответственно, – игнорируем.

Российское «авось» нашим национальным мифом опоэтизировано до умения «ловить фортуну», лень и безалаберность укрыты флером мечтательности и романтизма, склонность к анархии и деструкции поданы как атрибуты высокого гордого духа,

неуважение к чужому труду и имуществу – как широта натуры…

Неудачи и просчеты у нас принято сваливать на «них» – плохих господ, внешних врагов, которые всегда наготове и ждут возможности навесить на нас холопское ярмо. Вот и в восприятии народом власти отчетливо просматривается та же тенденция – свалить все «на них». Это не мы, а они разворовывают все, что под руку попадется. Это не мы, а они плохо, непрофессионально работают. Это не мы, а они не думают о других людях, а только исключительно о себе. Народное сознание с удовлетворением переносит свои собственные не самые симпатичные особенности на обособленную выделенную группу – власть, на которой лежит вина за все провалы и просчеты.

Выделение части коллективного «мы» и перенесение на эту часть всех собственных негативных черт – хорошо известный способ обеления самой себя основной группой. Нам представляется, что нынешняя власть удивительно четко репрезентирует все особенности нашего общества. И если нам что-то не нравится, то это прекрасный повод посмотреть на себя.

«Главный вызов для России – качество рабочей силы», – заметил глава Центробанка РФ Герман Греф в январе 2010 года. «Главное препятствие для модернизации – в нас самих», – повторил вице-премьер российского правительства Игорь Шувалов через несколько дней. Интересно, относят ли эти два высокопоставленных, а значит, априори коррумпированных чиновника свои слова к себе самим, или только к «непродвинутому» народу?

«Идеи справедливости присущи простому народу, поэтому нынешних крупных собственников народ не воспринимает как легитимных, поскольку широко распространено убеждение – эта собственность не нажита праведным трудом», – излишне осторожно пишет политолог Андраник Мигранян в журнале «Российская Федерация сегодня».

Давайте посмотрим на реальность честно: наш народ терпеть не может и некрупных собственников. И фермеров, которые трудятся от рассвета до заката, тоже на деревне как-то не особенно любят. И вообще возникает вопрос: а сформировано ли в нашей культуре восприятие труда как ценности? Или, напротив, труд воспринимается как наказание, как то, чего надо всячески избегать? Есть ли у нас понятие свободного труда на себя самого, или труд – это всегда «горбатиться на дядю»?

Получается, что поставленная большевиками задача сделать народ хозяином своей страны, на которую было убито семьдесят лет жизни нашего общества, не нашла своего решения в рамках социализма. Вместо того, чтобы все население превратилось в господ, оно, увы, так и осталось на уровне холопов.

Мы до сих пор не знаем, как складывается ментальность народа – возможно, как и в индивидуальной истории личности, есть какие-то периоды, в которые закладываются определенные черты, которые уже невозможно исправить. С другой стороны, какой величественный исторический вызов! Изжить холопскую психологию в целом народе.

В психологии есть очень плодотворное понятие когнитивной сложности. Когнитивная сложность определяется, в частности, тем, сколькими независимыми основаниями способен оперировать тот или иной субъект мышления. Если взять детей-дошкольников и попросить описать Снежную королеву, то большинство будет говорить, что она злая-плохая-страшная, а какой-нибудь один малыш возьмет да и скажет, что она злая-плохая-страшная, но красивая. У этого одного когнитивная сложность выше. А значит – гибче мышление, выше способность к решению сложных задач.

Пожалуй, сегодня мировое сообщество в целом стоит перед необходимостью сделать объемной плоскую дихотомию «рабы – господа». Западная культура решает эту проблему в этническом измерении, преодолевая культурно-религиозные стереотипы, пытаясь увидеть «красивые стороны» своих бывших рабов, с которыми теперь господа должны составить одно общество. Нельзя сказать, что процесс идет легко. «Злые-плохие-страшные» пока что не стали «и красивыми». Тем не менее процесс очевидно идет. Примеров тому – легион. Возьмем хотя бы тот же фильм «Аватар» с его феноменальным успехом. Он ведь тоже во многом – об этом.

В России задача стоит несколько иначе: уравновесить холопа с господином нам надо в себе самих. Пока что холоп ощутимо доминирует, но путь к взращиванию господина совершенно открыт. Это вопрос исключительно нашего внутреннего выбора.

Возможна ли мирная революция снизу?

Начнем со случая из реальной жизни, приключившегося буквально на прошлой неделе. Мой друг еще весной внес аванс за имплантацию зуба – 50 тысяч рублей. В одну неплохую (судя по отзывам) и отнюдь не самую навороченную московскую клинику. Ему обещали, что, поскольку он заплатил заранее, этой суммой все и ограничится. Однако когда он пришел к врачу, внезапно выяснилось, что надо еще столько же доплатить за коронку, за какие-то таинственные работы по подготовке кости и т. д. и т. п. – всего на 170 тысяч рублей. Совершенно офонаревший от такой бесстыдной разводки, он встал со стоматологического кресла и пошел к администратору клиники – высказал все, что думает о таких бизнесменах-стоматологах и потребовал вернуть аванс, которым клиника и так пользовалась почти полгода. И тут, как по мановению волшебной палочки, начался обратный процесс: «Можно взять материал подешевле, мы вам сделаем скидочку, можно обойтись без этой процедуры…». В общем, за пять минут сумма со 170 тысяч рублей сократилась до 75 тысяч. «Слушай, ну это уже финиш, с такими „бизнес-врачами" общество жить не может. У людей от денег совсем крыша съехала», – сказал он мне, шокированный невероятной подвижностью стоматологических расценок.

Действительно, личные качества доктора, который начинает разводить на деньги пациента, уже находящегося в кресле и, как ни крути, испытывающего определенный дискомфорт и тревогу от предстоящих манипуляций, по-видимому, необратимо дегенерировали. Но на каком фоне это происходит? Откуда такая дегенерация?

У меня есть знакомый, работающий в нашей очень важной углеводородной корпорации, на должности самого что ни на есть среднего звена. Временами он рассказывает о том, что там происходит. Внутри корпорации развернулись многочисленные механизмы, позволяющие вроде как легитимным образом делить между менеджментом огромные деньги. Например, такой: задолженность между структурами корпорации через определенный период времени признается безнадежной и списывается. Но! Если после этого менеджмент ценой невероятных усилий вдруг вернет эту задолженность, то большая ее часть делится между менеджментом – в качестве поощрения за сверхусилия. Речь идет об огромных суммах.

Происходят, разумеется, и более банальные открытые хищения. Поскольку в корпорации работают сотни тысяч весьма общительных людей и у них десятки знакомых, то очевидно, что о нравах в корпорации известно если не половине населения страны, то по крайней мере половине населения Москвы и Петербурга. А ведь и корпорация такая не одна, да и сотрудникам других госструктур есть что рассказать – и они рассказывают. Как это должно действовать на других людей, тех, кто их лечит, ремонтирует им квартиры, строит дачи, обустраивает сады? Ведь у нас любой состоятельный человек не без основания воспринимается как что-то где-то укравший. И какое может быть к нему отношение? Да только такое – его тоже стремятся обобрать, видя в этом естественную справедливость.

Сама по себе подобная система отношений в обществе – абсолютно тупиковая. И главное, она очень сильно отягощает психологическую обстановку и самооценку людей. Ведь, как бы они себя не убеждали, что «такая уж у нас страна», все равно большинству в глубине души категорически противно жить таким образом. Спрашивается – кто же заставляет?

Ответ – Система. Мой углеводородный знакомый происходит из семьи потомственных углеводородчиков. Его родители – не последние люди в этой отрасли, его старший брат работает там же, все его одноклассники и друзья детства – тоже. Сам он вырос в Уренгое, и правда жизни открывалась ему постепенно. В школе он был уверен, что у нас в стране все живут так же прекрасно, как его одноклассники и соседи. Профессиональный выбор был совершенно очевиден. Много ли есть людей, которые в состоянии посмотреть правде в глаза, назвать все своими именами и отказаться от больших денег, круга друзей, семьи и по принципиальным соображениям уволиться из этого зловонного места?

Это и есть Система. Участие в ней пропитывает пессимизмом и чувством безысходности все наше общество. Потому что, по большому счету, люди понимают, что делают, как живут, и осознают, что перспектив у такой системы жизни – никаких. Самая бронебойная психологическая защита, по-видимому, у самых верхов во главе с лидером нации. Они, наверное, думают, что получают экстра-деньги за сверхусилия по развитию газотранпортной системы и продвижение интересов корпорации за рубежом.

В общем, с наиболее прогнившей частью общества все понятно: это, к сожалению, все госструктуры, крепко завязанные на воровство. Тут произошло сращение государственного бизнеса с государственными структурами, которые обслуживают этот бизнес – ФСБ, МВД, системой юстиции. Психология аморализма иррадиирует на слой бизнеса, обслуживающего эти структуры. Работая на сектор «лакшери» и понимая, что ты, по сути, обслуживаешь воров, обирающих страну, сложно сохранить здоровые психологические устои. Именно в этой среде распространены настроения, сформулированные еще одним моим, на сей раз шапочным, знакомым: «Наша страна – как еще теплый труп крупного животного, заваленного охотниками. Пока мясо свежее, каждый старается урвать все, что сможет, – ведь скоро оно испортится… Распродадут углеводороды, начнут торговать водой, воздухом и, наконец, территорией. Эти люди не умеют созидать, они умеют только брать, использовать то, что еще осталось».

Вообще-то не все так мрачно. И власть пытается что-то делать для развития. Беда в том, что все эти попытки разбиваются об упадническую психологию, сформировавшуюся из-за участия всех более-менее образованных и амбициозных людей в системе государственного воровства. Безусловно, у нас сохраняется шанс развернуть ситуацию. И люди, живущие в другой реальности, в стране имеются. Но они пока не образовали свою Систему.

Что такое здоровая часть общества в наших обстоятельствах? На мой взгляд, это люди, которые сохранили трезвость взгляда и не убеждают себя, что «в этой стране без воровства и коррупции никогда не жили, поэтому и я ничего плохого не делаю,

приворовывая». Люди, которые пытаются строить свой бизнес, свою карьеру, минимизируя, если уж не исключая, коррупционную составляющую. Люди, которые готовы работать не только на свой карман, но и на благо своего поселка, города, страны. Те, кто организуют сообщества по борьбе с наркотиками, как Евгений Ройзман, с коррупцией, как Алексей Навальный, с мусором, как Сергей Доля, активно пропагандируют борьбу за сохранение природы, как Игорь Шпиленок, организуют сообщества, занимающиеся гражданской помощью друг другу – образцом чего является, например, littleone.ru. В общем, люди, заинтересованные в истреблении раковой опухоли, выросшей внутри нашего государственного аппарата. Кто они?

Прежде всего, это люди из бизнеса, не завязанного на государственное воровство. Есть же у нас и аграрный сектор, в котором заняты миллионы, и торговля, и сервис, ориентированные на все население, и медицина, и образование. Я умышленно не пишу в категориях классового расслоения. Казалось бы, существующая система в первую очередь должна не устраивать рядовых работников. Однако они, как правило, в большей степени ориентируются на материальный уровень жизни и стараются не думать об отдаленных перспективах. Идеи преобразования всегда рождаются не в этих слоях.

Не имеет никакого смысла рассуждать и в идеологических категориях. Здоровые части есть во всех партиях. Тут вопрос не в идеологии, а в морали, нравственности.

Возможна ли мирная революция снизу? В общем, наверное, да. Если число людей, поддерживающих самодеятельные организации, борющиеся с деструкцией, будет расти, то постепенно и власть начнет реформироваться и сдерживать аппетиты в плане воровства. Участвуя в мероприятиях, нацеленных на помощь другим, человек учится уважать себя, а это самый главный дефицит на нынешний момент.

Закон силы

(К событиям на Украине)

Мы много слышали от представителей западных стран, что демократия – это, прежде всего, процедура, и, какой бы длинной и скучной она ни была, другого пути нет. Между тем развитые демократии демонстрируют раз за разом, что для них принцип «свой-чужой» играет куда большую роль, чем соблюдение установленных ими же правил. Украинская оппозиция повернулась к Западу передом, а к России – задом, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы объявить ее передовой и демократической. Представим себе, что в Северной Ирландии восставший народ стал бы стремиться в Таможенный союз – каковы были бы его шансы быть понятым и одобренным демократической Британией?

Мало того, руководители внешнеполитических ведомств ведущих стран Европы стали гарантами соглашения об урегулировании ситуации, подписанного действующим президентом Украины и лидерами оппозиции. Но соглашение оказалось ничего не значащей бумажкой – потому что на улицы вышли жесткие люди, стремившиеся получить все сразу и не желавшие ждать какой-то там занудной и долгой процедуры. И вот перед лицом этой грубой силы развитые демократии тут же сделали книксен: «Хорошо, хорошо, ребята, вы же за нас, так что делайте все, что считаете нужным, мы про принципы временно забудем».

Можно ли было продемонстрировать двойные стандарты более явно? И какого ответа надо было ждать от России? Что Путин тоже сделает книксен? Он на это не натренирован, потому как вырос и существует в среде, где в фаворе совсем другие телодвижения. Тех, кто делали книксены, у нас давно скушали, и чтобы рулить такой страной, как сегодняшняя Россия, надобны навыки делать хук и бросок через бедро.

Так что, хотя мне и не нравится вся эта история с активизацией наших военных в Крыму и де-факто игрой на отчленение полуострова от Украины, вынуждена констатировать: Запад сам дал понять, что закон джунглей является более действенным и актуальным, нежели уважение процедуры. Западные обозреватели, кстати, тоже признают, что безответственные заигрывания с «украинской улицей» и ничем не подкрепленные посулы принять Украину в ЕС и НАТО спровоцировали драматическое развитие событий, от которого теперь развитые демократии бросает в дрожь.

Право субъектности

Во многих странах у народа нет никаких шансов сменить правящий режим в рамках нормальной процедуры. Но, на мой взгляд, это не относится к Украине, где в результате выборов у власти оказывались люди разной политической ориентации – и все они проявили одинаковую неспособность управлять государством, а также коррумпированность, вороватость и бессовестность, доведя людей до ручки. Возможно, дело в том, что в реформе нуждалась вся система власти, а на это ни один из президентов решиться не мог, чувствуя, как зыбка его победа.

Справедливо ли желание народа попробовать сменить эту систему? По-моему, абсолютно справедливо. Другое дело – что из этого получится. Украина действительно расколота на части, менталитет у людей разный, и строить на этой основе единое правовое государство очень сложно. Что мы, собственно, и видим. Победив, силы оппозиции, опьяненные успехом, начали штамповать законы, не дожидаясь проведения выборов и референдума по ключевым вопросам – что, конечно, было бы куда более справедливо и уважительно по отношению к гражданам страны. Увы, как показывает история, те, кто пришел к власти благодаря силовым методам, зачастую не могут остановиться и продолжают использовать такие методы и дальше, забывая, что именно против этого сами когда-то восстали.

Тем не менее, на мой взгляд, люди, вышедшие на Майдан, продемонстрировали стойкость, целеустремленность и готовность к жертвам во имя лучшего будущего. Качества, которые и делают народ народом. Думаю, они заслужили право субъектности – право самим вершить свою судьбу. И это колоссальный урок для другой части украинцев, а также белорусов, русских, узбеков, армян и прочих народов, связанных общим прошлым. Возможно, на Украине не всем нравятся пришедшие к власти в результате Майдана. Но их оппоненты оказались не способны к самоорганизации, сплоченности и четкой артикуляции своих прав и целей.

Не способны к этому оказались и жители Крыма, которые предпочли по старинке апеллировать к авторитарной силе, которая только того и ждала. Да, это тоже работает, но вызывает куда меньше уважения и куда больше вопросов, чем право, заслуженное в борьбе и самопожертвовании во имя национальных интересов (пусть даже ложно понимаемых).

Кому я особенно сочувствую в данной ситуации, так это десяти миллионам русских, живущих на Украине. Россия поставила их в очень неприятное положение: теперь им придется либо выбирать украинскую идентичность и демонстрировать отторжение Родины, либо чувствовать себя париями в своей стране.

Вообще, российская игра мускулами осложнила жизнь десяткам миллионов соотечественников, живущих в других странах. Силовые действия разрушают те хрупкие зачатки русского мира, которые только-только начали формироваться. А ведь русский мир мог бы стать куда более действенным и эффективным инструментом в большой политической игре, чем вертолеты и субмарины…

Слишком большая Россия

В то же время, кажется, все больше людей на Западе, интересующихся политикой в целом и Россией в частности, начинают думать, что управлять такой огромной и разнородной страной можно только теми методами, которые использует Путин. Если страна сложилась как империя, многие территории которой были присоединены в результате завоевательных походов, то широкое внедрение демократических методов приведет только к одному – к распаду. Из этого некоторые мои наиболее откровенные собеседники делали вывод: тут уж никуда не денешься, все империи распались. Наверное, ведущие западные стратеги давно наметили для России этот путь, однако предпочитали не обсуждать столь болезненную тему открыто.

Теперь подобные мысли проникли и в широкие массы. Для них это некая историко-географическая абстракция. Вспоминают драмы, связанные с уходом британцев из Индии, французов из Северной Африки и т. д. «Да вы понимаете, что будет на Кавказе, если оттуда уйдет Россия? Там начнется война всех против всех, сотни тысяч людей могут погибнуть, а уж сколько горя будет…», – говорю я. А мне отвечают: «Ну и что? Это историческая неизбежность. Когда Британия ушла из Индии, предварительно разделив индуистов и мусульман, там тоже сразу началась война. Тут уж ничего не поделаешь – так устроен мир».

Мне сложно с этим согласиться. Во-первых, так рассуждать могут только люди, для которых, например, жители Кавказа – это какие-то абстрактные единицы. Подумаешь, начнут резать и убивать друг друга – не в первый раз такое случается, и сколько раз еще случится…

Во-вторых, я убеждена, что есть и другой путь демократизации России, помимо раздраконивания на легко управляемые части, которое приведет к ужасным последствиям для миллионов людей.

Другим путем, на мой взгляд, могла бы быть определенная интернационализация бескрайних российских просторов, осуществляемая сознательно и под управлением государства. Чем с большим дефицитом топлива, минерального сырья, земли и пресной воды будет сталкиваться человеческая цивилизация, тем больше алчных взглядов будет в сторону России. И это обоснованно. Потому что ресурсов у нас действительно очень много – а управляться с ними мы так и не научились. Разбазариваем все – и тепло, и воду, и леса. Никак не можем научиться перерабатывать отходы, заваливаем своими свалками территории, сопоставимые с маленькими европейскими странами. Это никуда не годится.

Надо признать, что мы не справляемся с нормальной эксплуатацией наших безграничных территорий, и сделать значительные части неосвоенных земель России зонами интернационального управления – не выкачивания нефти и вырубки лесов, а, скажем, научных исследований природы, отработки методов нетравматичной эксплуатации земель и развития новых прогрессивных сельскохозяйственных технологий. В общем, зонами работы на будущее всего человечества, а не на чей-то глубокий карман. Политика «собаки на сене» не может продолжаться вечно. Чем быстрее мы это поймем и начнем продумывать методы и механизмы совместного использования Сибири и Дальнего Востока, тем лучше.

Это, однако, требует отказа от психологии осажденной крепости, от постоянной готовности схлестнуться с Западом за зоны влияния. Пока же, после небольшой паузы, Россия и Запад оказались вовлечены в старую схему взаимоотношений, унаследованную от дихотомического деления мира на капиталистический и коммунистический. Российские демократы и либералы полагают, что вина за это лежит только на России. Мне же кажется, что виноваты обе стороны, и демократический Запад демонстрирует немногим меньше предвзятости и необъективности, чем авторитарная Россия. Отсюда и убежденность многих россиян, что единственная заинтересованность Запада – ослабить Россию как своего конкурента. Соответственно, тогда единственная заинтересованность России – ослабить Запад. Преодолеть этот стереотип можно только в совместной работе над серьезными и важными для всех сторон проектами, нацеленными на будущее. Двигателем прогресса может быть не только конкуренция, но и сотрудничество, когда стороны обогащают и дополняют друг друга.

Отчего бы именно Украине не стать переломным пунктом в старой примитивной схеме взаимоотношений Запада и России? Судя по тому, что писали британские газеты в начале эскалации напряжения в Крыму, западная общественность осознавала необходимость переговоров с Россией и некоторых уступок. Отмечали, например, что России можно было бы дать гарантии, что Украина не будет принята в НАТО, да и с реальным, а не декларативным принятием в ЕС перспектива слишком далекая, чтобы о ней сейчас говорить. Причем некоторые аргументы, приводимые британцами по этому поводу, не приходят в голову россиянам. В частности, как указывали британские журналисты, невозможно принять Украину в ЕС в обход Турции – а этот процесс всем членам ЕС очень хотелось бы спустить на тормозах.

В то же время Запад отчаянно заинтересован в российском участии в экономическом спасении Украины. Британцы подозревают, что украинцы, скорее всего, испытают жесткое разочарование от своего европейского выбора, потому что он чреват еще большим снижением уровня жизни в ближайшей перспективе, и надо ждать обратной волны – в сторону ассоциации с Россией. Именно поэтому Запад был готов к кооперации с Москвой для работы на украинском минном поле. Сейчас, правда, ситуация меняется на глазах, и заявления становятся все более резкими – похоже, тайная дипломатия зашла в тупик, и началось очередное противостояние России и Запада.

Интеллигенция и революция

(Размышления после Майдана)

Смена власти в Киеве, осуществленная методом прямого действия наиболее активной и недовольной частью общества, в двадцать пятый раз поставила вопрос о будущем российского политического устройства. То, что российское политическое поле не дает пространства реальной оппозиции власти, это факт, отрицать который невозможно. То, что без нормальной, конструктивно работающей оппозиции не получается эффективного управления страной, это тоже факт. Отсюда следует вопрос: как долго может это продолжаться? До полной смены поколений, затронутых советской властью? Или могут быть и какие-то другие варианты? Если да, то как можно произвести смену вех наименее деструктивным путем?

В российском прошлом, общем с Украиной, этот вопрос уже стоял – в очень похожих обстоятельствах.

Удивительное ощущение абсолютной цикличности российской истории рождается при чтении «Воспоминаний» Павла Милюкова – одного из наиболее влиятельных политиков царской России, оппозиционных царскому режиму, лидера партии конституционных демократов, члена Государственной Думы, неоднократного кандидата, порой даже в роли премьера, в правительство общественного доверия, которое пытались создать и Столыпин, и Витте, наконец, одного из ключевых министров Временного правительства… Многие в России считали, что именно неспособность Милюкова и его ближайших соратников, организовавших партию конституционных демократов (кадетов), пойти на компромисс с царским правительством и попробовать преобразовать самодержавие мирным путем, подтолкнула нестабильность и привела в результате к революции и тотальному хаосу. Милюков в своих записках с жаром опровергает эту точку зрения, доказывая, что Витте и Столыпин сами виноваты, однако, даже читая самого Милюкова, невозможно не поставить под сомнение его видение.

Насколько все же продвинулись пресловутые политические технологии за это время! Формирование Думы – представительного органа власти, которого так долго добивалась российская дореволюционная общественность, проходило по законам, принятым самодержавием. Тем не менее в Думе раз за разом собиралось оппозиционное большинство, и создать «процарское» большинство и тем самым превратить Думу в фиговый листок, прикрывающий самодержавие, властям никак не удавалось. Выборы проходили честно, и сделать с этим царский режим ничего не мог!

Властям приходилось разгонять очередную непокорную Думу, менять избирательный закон и… убеждаться, что опять ничего не вышло! Государственная Дума начала двадцатого века определенно была куда самостоятельнее и представительнее нашего нынешнего аналогичного органа. Дума раз за разом отказывалась действовать в определенных ей самодержавием рамках и требовала принятия конституции, защищавшей права всех граждан и ограничивавшей чиновничий произвол. Представить нынешнюю нашу Думу всерьез оппонирующей правительству совершенно невозможно. И вряд ли кому придет в голову назвать это прогрессом.

Политические реалии за сто лет, конечно, изменились, но, если абстрагироваться от оригинальных названий и рассмотреть ситуацию в общем, то мы увидим удивительное сходство между «тогда» и «сейчас»… Авторитарная власть, опирающаяся на человека, убежденного, что он осуществляет не что-нибудь, а божий промысел. Либеральная оппозиция, ненавидящая российскую власть и «российскую специфику» в целом, повернутая в сторону более причесанного и культурного Запада. Революционная или, если угодно, экстремистская оппозиция, делающая ставку на силовые действия и нелегальные методы борьбы. Наконец, правые экстремисты, подкармливаемые правительством в надежде, что они остановят левых экстремистов. Среди последних некоторые фигуры до удивления сходны с одним высокоактивным депутатом наших дней…

Остался неизменным (увы, увы) и тон абсолютной нетерпимости всех по отношению ко всем. Это не сограждане с другой точкой зрения, а мерзавцы, враги, в лучшем случае – идиоты… Казалось бы, уже сто лет прошло. Культурология и этнология продвинулись вперед. Мы уже знаем, что есть страны, в которых отношения в разных сферах жизни отграничены друг от друга: в рамках этих культур можно спорить до хрипоты о судьбах страны на телешоу, а потом мирно пойти играть в боулинг и пропустить по кружке пива. Есть и другие страны, среди которых и Россия, для которых характерна диффузная культура отношений, когда отношения из одной сферы (скажем, идеологически-политической) легко перекочевывают в частную, и человек, с которым вы по-разному смотрите на будущее страны, превращается в тотального врага и как сосед по гаражу, и как партнер по пиву. Все это знаем, понимаем, что лучше для общества, а воз и ныне там.

Такую особенность национального менталитета определенно лучше изжить – целее будем. Человек может видеть или чувствовать ситуацию по-другому и не быть козлом и хамелеоном. И это может быть его собственное мнение, не проплаченное ни Кремлем, ни Госдепом. Тот или иной взгляд складывается на основе личной истории, в том числе истории семьи, опыта встреч с разными людьми, и, зачастую, запомнившийся с детства очень неприятный сосед-приватизатор или, напротив, оголтелый коммунист определяет наш взгляд на политические течения иррациональным образом.

Есть в воспоминаниях Милюкова и неожиданное: в частности, с изумлением обнаруживаешь, что оголтелый терроризм был самым что ни есть обыденном делом в царской России начала века. Министров внутренних дел социалисты-революционеры убивали одного за другим. Просвещенное общество радовалось– одним реакционером меньше! Вот, например, как интеллигентный и образованный конституционалист Милюков описывает новость об убийстве министра внутренних дел Плеве: «… Плеве взорван бомбой по дороге к царю с очередным докладом… И эта „крепость“ взята.» И далее – «Радость по поводу его убийства была всеобщей». Другой конституционалист Струве писал в газете в связи с этим: «С первых же шагов преемника убитого Сипягина (предыдущего убитого министра. – *Т. Ч.),* назначенного на его место два года тому назад,

вероятность убийства Плеве была так велика, что люди, понимающие политическое положение и политическую атмосферу России, говорили: «Жизнь министра внутренних дел застрахована лишь в меру технических трудностей его умерщвления»». Нелегко, надо думать, работалось царским министрам в такой обстановке. И наиболее здравомыслящие царские министры пытались найти выход из положения, войдя в коалицию с умеренной оппозицией. То есть – конституционными демократами, партией, наиболее широко представленной в Первой Государственной Думе.

Ключевым вопросом предреволюционной России было формирование правительства, представляющего общественное мнение, оформленное через думское большинство. Такое правительство должно было заменить прежнее, назначаемое царем, и постепенно, шаг за шагом, перетащить центр принятия решений от царского двора в кабинет министров, подотчетных Думе, то есть общественному мнению.

Увы, сам Николай Второй не был человеком, понимавшим реальный расклад сил и способным к осознанным переменам. Однако премьеры его правительства, такие неординарные, сильные личности, как Витте и Столыпин, а также близкий к царю петербургский градоначальник Тре-пов, раз за разом пытались войти в переговоры с лидерами общественности, чтобы создать-таки правительство общественного доверия.

Сколько было списков! Сколько потенциальных министров! Сколько обсуждений! Входе этих переговоров, по сути, решалось, будет ли в России осуществляться планомерная политическая модернизация и демократизация или дело будет неуклонно катиться к бунту, революции и новому авторитарному режиму.

Очень поучительно читать описание этих переговоров и понимать, во что порой упирались разногласия сторон.

Вот, например, один из уважаемых, более чем умеренных общественных деятелей, сначала октябрист, а позже мирнообновленец Шипов, которому Столыпиным и Николаем вторым предложено сформировать правительство общественного доверия, пытается заручиться поддержкой влиятельного конституционного демократа Муромцева – председателя Первой Государственной Думы и слышит в ответ: «По мнению С. А. (Муромцева. – *Т. Ч.)* ввиду господствующего в стране возбужденного настроения в широких кругах населения и воспитанного в обществе политикой правительства вообще отрицательного отношения к государственной власти никакой состав вновь образованного министерства при переживаемых условиях не может рассчитывать в ближайшем времени на спокойную и продуктивную государственную деятельность и не сможет сохранить свое положение более или менее продолжительное время. Неизбежны революционные вспышки, против которых правительство будет поставлено в необходимость принимать строгие репрессивные меры, и это вызовет, несомненно, недовольство в общественных кругах и лишит власть необходимой ей поддержки со стороны общества»

Как это еще можно трактовать, кроме как «не хотим рисковать своей репутацией и марать руки правительственной работой в вашей системе»?..

Другой пример: Столыпин ведет переговоры с Милюковым и просит в качестве уступки со стороны Милюкова: скажите в Думе слово в осуждение политического терроризма. Милюков отказывается, ссылаясь на политическую тактику партии и угрозу потери голосов. Столыпин понимает и просит тогда хотя бы осудить политические убийства в передовице кадетской газеты. Милюков отказывается – боится себя этим дискредитировать в глазах общественности. Столыпин понимает и просит в таком случае разместить хотя бы не подписанную Милюковым передовицу. Милюков обещает подумать, Столыпин говорит, что от этого будут зависеть его дальнейшие действия, потому как ему нужно доказательство – кадеты не поддерживают террор. Милюков идет советоваться к партийному патриарху кадетов Петрункевичу и получает гневную отповедь: «Никоим образом! Как Вы могли пойти на эту уступку хотя бы условно! Вы губите собственную репутацию, а за собой потянете и всю партию… Нет, никогда! Лучше жертва партией, нежели ее моральная гибель…».

То есть осуждение бомбометателей, от которых в том числе гибли совершенно невинные люди, страдали дети – у того же самого Столыпина, которого пытались взорвать прямо в его доме Петербурге, взрывом изувечили дочь, – воспринималось как потеря репутации! Хорошенькая же атмосфера царила в благостной в представлении некоторых дореволюционной России!

Статья, осуждающая политические убийства, написана не была, и Столыпин принужден был сделать соответственные выводы. Впрочем, недалек был год, когда и сам он был убит в Киеве в театре в присутствии царя.

Наверняка царскому окружению не больно хотелось идти на союз с людьми из чуждой среды, однако, как заметил в беседе с Милюковым близкий к Николаю второму Трепов: когда дом горит, так приходится и с пятого этажа прыгать. Беседа двух деятелей была посвящена все тому же вопросу – созданию ответственного министерства из людей, пользующихся доверием общественности. И опять – ничего. Образованная общественность (интеллигенция) требовала всего сразу и не хотела, чтобы в правительство вошли представители старого режима, которые, собственно, и инициировали процесс.

Общественность была щепетильна в отношении своей безукоризненной репутации и думала об этом куда больше, чем о судьбе страны. Конечно, если бы тот же Милюков знал о будущей революции, большевизме и всем за этим последовавшим, он был бы куда сговорчивее, гибче, дальновиднее и не отвергал бы синицу, думая о журавле. Но он тогда ничего такого не знал и даже предполагать не мог. С интеллигентских позиций левые экстремисты казались морально много предпочтительнее правительства, связанного с правым шовинистически-религиозным экстремизмом. Люди в картузах, чуйках и косоворотках, выходившие на патриотические молебны с хоругвями, – в описании Милюковым этой части общества читается брезгливое презрение, унаследованное, кстати, и нынешней российской интеллигенцией. «Мужички» всяко с царским правительством, и никаких реформ и модернизаций не хотят – распространенное убеждение того времени. Один из вождей этих слоев –

Пуришкевич – рассылал через свою газету указания, когда выходить на патриотические молебны и шествия, демонстрируя поддержку армии и крестьянству. Эти две массовые силы виделись как незыблемая опора царизма. Потому, наверное, демократическая интеллигенция и полагала, что ее моральный долг – поддержать немногочисленных тогда еще левых, пусть и действовавших террористическими методами, но ведь противостоявших такой махине!

Выбор высокообразованной демократической проевропейской интеллигенции был сделан: не пытаться скооперироваться с поневоле вынужденным к этому царским правительством, чтобы давить на него изнутри, маленькими шажками двигаясь к реформам, а «не пачкать рук» и, сохраняя репутацию, ориентироваться скорее на союз с левым экстремизмом, пусть и применяющим террористические методы, но во имя светлых целей. Наверное, в глубине души кадеты полагали, что не стоит соглашаться на частичное участие в управление страной, когда вскорости можно будет получить все целиком.

Царское правительство, лишенное опоры в образованной и продвинутой части общества, в результате пало. Конституционные демократы во главе с Милюковым решили, что пробил их час. В результате долгожданной буржуазной революции в России возникло Временное правительство. Оно видело свою функцию в том, чтобы поддерживать в стране временный порядок – до созыва Учредительного собрания, где представители всех регионов, народов и слоев решат ключевые вопросы и определят, какой России быть дальше. (Постановка вопроса прямо как у одного нашего нынешнего видного оппозиционера: пусть народ сам решит.) Вопрос о монархии, кстати, тоже не был закрыт: великий князь Михаил отрекся от престола, переданного Николаем, до решения Учредительного собрания. Позиция его была такова: если народ проголосует за монархию, он готов вступить на престол.

Тут и начались сюрпризы. Компетентное и высокообразованное правительство оказалось неспособно управляться с разбуженной энергией масс. Немалую роль сыграл в этом и глубоко ошибочный выбор главы правительства и одновременно министра внутренних дел – князя Львова, земского деятеля с безупречной репутацией, воспевавшего демократическую душу русского народа на все лады. Репутация, чистые руки – эти два соображения оставались основополагающими для демократических интеллигентских кругов. Князь Львов – идеалист до мозга костей – не видел российской реальности в упор и действовал исходя из гипотетических соображений. Правительство демократической интеллигенции решило немедленно откреститься от старой системы власти, скомпрометированной непорядочными людьми и их аморальными действиями, так что Львов уже 5 марта разослал распоряжение на места: «Устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей». Вместо них управлять на местах предлагалось председателям губернских земских управ, которые совершенно не были к этому готовы и не имели никаких связей с аппаратом управления. Возникла ужасная неразбериха, люди с мест повалили в центр – за инструкциями, перепуганный Львов в ответ заявил, что это «старое мышление» и пусть народ на местах сам решает, как все устроить и кого куда назначить. Народ сначала опешил, но тут же нашлись такие, кто решил «не упустить своего» и воспользоваться ситуацией…

В условиях наступавшего повседневного хаоса, усугублявшегося участием России в Первой мировой войне, строгое соблюдение процедуры подготовки Учредительного собрания становилось все более абсурдным: России было срочно необходимо уверенное в себе и решительное правительство, способное на жесткие действия по наведению порядка. В конце концов Львов принужден был признать свою неспособность справиться с ситуацией. Он указывал на «неодолимость» трудностей задачи именно из-за того, что правительство отказалось от старых насильственных приемов управления и от внешних искусственных средств поднятия престижа власти. Далее Львов отмечал, что по мере перехода «к менее сознательным и менее организованным слоям населения» развиваются «насильственные акты и частные стремления, грозящие привести страну к распаду внутри и к поражению на фронте». Подведя этот вполне адекватный итог деятельности своего правительства, Львов отдал власть человеку, как ему казалось, более решительному – Керенскому. Но и тут он ошибся. Керенский был трибуном и позером, но не организатором и стратегом.

Тем временем левые экстремисты, недавно еще бывшие в меньшинстве и разрозненные, быстро и организованно превратились в новую силу, не обремененную заботой о репутации и чистых руках. Эти люди умели использовать энергию масс и не сомневались, имеют ли они на это право. Они не были озабочены идеей пропорционального представительства разных слоев, регионов и народов, а просто хотели взять всю власть себе.

В России наступила новая эра? Отнюдь, в России все вернулось к авторитаризму, просто наполнение этого авторитаризма стало другим. Воспроизвести авторитарное устройство было куда легче, чем построить государство на новых принципах, как к тому стремилась просвещенная интеллигенция.

Потерпевшая фиаско старая гвардия всех мастей быстро уходила не только с политической арены, но и из жизни. Трепов в 51 год умер в Москве еще до революции от болезни сердца. Муромцев в 60 лет умер в Москве еще до революции от сердечного приступа. Столыпин погиб в Киеве от рук террориста. Шипов остался после революции в России, был схвачен и расстрелян большевиками в 1919 году как опасный элемент. Правда, Керенский и Милюков сумели уехать за границу и дожить до весьма преклонных лет.

Современная Россия тоже, несомненно, стоит перед вызовом демократизации и дебюрократизации, введения общественного контроля и создания правительства общественного доверия.

Сейчас на волне оживления имперских чувств эти проблемы вроде как отступили в тень. Однако это сиюминутное отступление. Все вернется на круги свои очень быстро. И тогда опять остро встанет извечный российский вопрос о модернизации авторитарного государства, о сотрудничестве различных политических сил, о терпимости друг к другу. О желании и готовности жить в одной стране, в конце концов.

И на все эти вопросы у нас так же нет ответов, как и в начале двадцатого века.

Пузырь на политическом рынке

(К вопросу о присоединении Крыма)

Что такое пузырь на рынке недвижимости, все уже много лет как знают. Люди вкладывают в недвижимость все больше денег, строительные компании и риэлторы поднимают цены, а потом раз – и оказывается, что недвижимость перестала продаваться. Постояв и перегревшись, квартиры внезапно дешевеют – пузырь лопнул. В других экономических сферах все происходит по этой же схеме: взвинчивание, перегрев, замирание, падение.

«Пузырь на политическом рынке» звучит непривычно. Между тем механизм тот же самый, только вместо денег другая субстанция – власть. Такая же текучая и ускользающая.

За счет чего наполняются властью государственные институты в стране? Ресурсы власти вполне поддаются структурированию. Власть руководству делегируют люди, а делегируют они ее в обмен на улучшение материального уровня жизни, расширение возможностей страны и ее граждан в мире, предсказуемую и вызывающую доверие политику, улучшение отношений с другими странами и повышение рейтинга своей страны среди других. Есть и более глубинные вещи: уверенность в справедливости и честности своей страны, в том, что она делает мир лучше. Когда по всем этим линиям идут улучшения и плюсы, накапливается своего рода «подушка доверия»: люди испытывают к властям доверие, и это позволяет государству в том числе принимать и необходимые непопулярные меры. Иногда человек еще ничего и не сделал толком, а вот как-то показался людям, и они готовы его «кредитовать». Нечто подобное в советское время произошло с Ельциным, которого российские граждане типичным образом прокредитовали на волне его решительности, бравости и свойскости, выгодно отличавших его от маловразумительного и топтавшегося на месте Горбачева.

Если же непопулярные меры проводятся одна за другой, «подушка доверия» истончается, и на политическом рынке зреет такой же пузырь, как и на экономических. Люди терпят, терпят, а потом в один непрекрасный момент доверие иссякает, и происходят волнения, демонстрации, восстания и революции. На российском политическом рынке сейчас надувается именно такой пузырь. Нашу страну взяли и развернули и против самой близкой и родственной нам страны – Украины, и одновременно против всей западной системы. Мотивы, по которым это сделано, не выдерживают никакой рациональной критики. Мы пытаемся свалить на Запад и украинцев ошибки и провалы собственной дипломатии. Нас 24 часа в сутки бомбардируют сообщениями о гибнущем за украинской границей «таком же, как мы, народе», напоминают, что своих нельзя бросать… Идут разговоры о добровольцах, сборе средств и прочее и прочее…

О чем речь? Русское украинское население собираются отправлять в лагеря, дискриминировать по национальному признаку? Нет, их собираются принимать в Европейский союз, во всех странах которого гораздо больше порядка, свободы и процветания, чем удалось пока построить нам в России. Нашим братьям и сестрам на Украине предлагают начать строить общее правовое и экономическое пространство с Европой. Стоит ли класть голову за то, чтобы не позволить им осуществить эту возможность?

Разумеется, дорога в Европу будет тяжелой, потому что уровень коррумпированности и бардака в Украине никак не меньше, чем в России. По-видимому, отдельные регионы и отрасли хозяйства окажутся в особенно сложных обстоятельствах. Но это носит объективный характер: модернизировать промышленность и сельское хозяйство без потерь и затягивания пояса невозможно. А проводить такую модернизацию под зонтиком ЕЭС – более понятная дорога, чем следовать извилистым ресурсным российским путем.

А может, в том и причина российской официальной ожесточенности, что российским властям очень не хочется иметь под боком пример наведения порядка не в полуторамиллионных балтийских республиках, а в 45-миллионной славянской полурусской Украине?

Какими бы ни были мотивы российской власти, уже совсем скоро она столкнется с истощением «подушки доверия». Потому что высосать власть из пальца нельзя. Относительное материальное благополучие строилось все эти годы исключительно на выкачивании и продаже ресурсов. Все по-прежнему управляется сверху, и весьма неповоротливо. Этот механизм сжигает огромный властный ресурс, а пополнять его становится совершенно нечем. Энтузиазм от присоединения Крыма минет через несколько месяцев, а увязание России в украинской ситуации не может не напрягать российских граждан, потому что, как ни старайся российские телеканалы, а неестественный характер сложившейся ситуации все равно проступает через телевизионный морок.

В не столь далеком общем прошлом России и Украины есть такая страшная страница, как гражданская война. Еще недавно казалось, что отлистать назад уже невозможно. А оказывается, память у людей очень даже короткая. Только-только относительно примирились в историческом сознании красные и белые – и вот уже новая общественная рана: русские и украинцы.

Пройдет какое-то время. Ситуация на этих землях в любом случае в конце концов успокоится. В учебниках истории появятся описания произошедшего. Какой предстанет в этих описаниях роль России?

Новое противостояние с Западом

Негласный общественный пакт заключен между политической элитой и народом в любом государстве. И именно он является источником власти, а отнюдь не выборы, пусть самые что ни на есть легитимные. Механизмы согласования этого пакта сегодня сложны, зыбки и непроявлены, тем не менее в основной своей части он мало чем отличается от договора племени с вождем времен неолита. Вождь берет себе все лучшее, а взамен обещает, что племя будет сыто-обуто-одето и счастливо.

В каждой стране этот негласный пакт имеет свою специфику. И многие его нюансы никогда и никем не озвучиваются, потому что прописаны на скрижалях подсознания народа. Порой, если народ оказывается слишком покладистым, дело может зайти так далеко, как в свое время в Кампучии или сейчас в Северной Корее. И пенять тут не на кого: в силу сложных исторических причин люди в обеих этих странах в свое время согласились отдать слишком много своей свободы в обмен на то, что они считали усилением государства. Граждане в Северной Корее, к примеру, действительно до определенной степени верят, что, если режим ослабнет, их страну уничтожат, хотя эта вера уже очень далека от сегодняшних реалий и базируется на драматических событиях прошлого, которое до сих пор остается для северокорейцев настоящим.

По мнению ряда российских ученых, в основе российского договора народа и власти веками лежало одно главное положение: власть должна обеспечивать расширение российского пространства, и за это народ готов терпеть многие ее выкрутасы. Если страна растет – значит, в целом дело идет в верном направлении. Такой вот приоритет количества над качеством – главное, чтобы было много, а уж что с этим «много» делать, потом разберемся. Строго говоря, это анахронизм, оставшийся от времени великих географических открытий и охоты за «пряными островами». Сегодня расширение пространства происходит не столько в физическом, сколько в виртуальном измерении – в сфере культуры, языка, менталитета и системы ценностей…

Тем не менее, как показывают события вокруг Фолклендских-Мальвинских островов, Гибралтара и других спорных мест, и архаическая борьба за физическое пространство продолжает волновать чувства наций, в том числе и самых что ни на есть продвинутых.

Распад СССР и последовавшая за ним угроза ослабления единства России были страшным ударом по традиционному российскому пакту власть-народ. Некоторое время после этого наш общественный договор носил размытый характер, потом он начал постепенно трансформироваться. Однако еще при Ельцине постепенно наметились некие новые зыбкие контуры согласия власти и народа. Власть декларировала движение в сторону Запада – экономическое, политическое, культурное и человеческое. И хотя довольно быстро стало ясно, что до интеграции с Западом очень далеко, тем не менее некий консенсус о движении в эту сторону в стране сложился. Новая система ценностей постепенно начала вырисовываться, хотя и страдала большими противоречиями и провалами.

Краеугольным камнем нового общественного договора стал рост материального благосостояния, открытость миру и усиливающаяся интеграция с Западом. Ориентируясь на это, граждане России могли прорисовывать свое будущее. Жертвы в пользу государства, затягивание поясов, разделение на «мы» и «они» постепенно уходили в прошлое. Путин, придя к власти, поначалу энергично продолжил эту линию. Предпринятые им изменения касались в большей степени персоналий, чем курса. Он отодвинул от властных рычагов группу крупных предпринимателей, слишком очевидно обогатившихся на разграблении государственного имущества, и привел на их место других – не так вызывающе упивающихся своим скоропалительным успехом по приватизации государственного имущества, не так откровенно ориентированных на Запад, ну и – возможно, главное для него, – обязанных своим процветанием лично ему и готовых откликаться на все пожелания главы государства.

Никакого протеста в стране это не вызвало, недовольство возникло лишь в очень узкой прослойке людей, связанных с предыдущей генерацией олигархов. Курс на интеграцию с Западом продолжался. Подразумевалось, что где-то лет через десять мы настолько интегрируемся с Европой, что и визы будут не нужны, и законы и общественные установки будут у нас если не одинаковые, то очень близкие. Исходя из этого переписывались учебные программы в школах и университетах, свободный английский все большим количеством родителей воспринимался как нечто необходимое для детей, да и само мировое пространство стало постепенно восприниматься как часть нашего общего мира, а не враждебная и чуждая территория. Начали формироваться новые «глобальные русские» – не выпихнутые или бежавшие из страны, как это было в революцию и отчасти после Второй мировой войны, а свободные граждане свободной России, которые решили попробовать себя в новых условиях. Конечно, не все в России шло прекрасно, запустить механизм самоуправления и саморегуляции в общественной жизни пока не удавалось, да и прописать какой-то ясный и выполнимый план развития экономики тоже не получалось… Тем не менее на уровне отдельно взятого человека вектор движения страны, перспективы развития все же были более-менее понятны – в Европу.

Негласный договор народа и власти гласил: власть обеспечивает стабильность и поступательность развития, охраняет страну от потрясений и ведет ее в сторону Запада. В обществе был консенсус: в России было слишком много драматических бурных событий, теперь нам нужен период спокойного развития, а там посмотрим… Этот негласный договор помог властям притушить выступления оппозиции в конце 2012 года. «Стране как воздух нужна стабильность», – веско говорила власть, и это было действительно убедительно. С одной стороны эта долгожданная стабильность, а с другой – истерические крики на тему «Путин-лыжи-Магадан». В общем, как-то инстинктивно хотелось склониться к стабильности и не открывать новую страницу оголтелой борьбы за лучшее против терпимого.

На этой стабильности и предсказуемости власть и имела свой ресурс прочности. И вот за несколько месяцев все развернулось совершенно неожиданным образом. От стабильности не осталось и следа, а ситуация с каждым днем приобретает все более и

более странный характер. На будущей интеграции с Западом, по-видимому, уже можно ставить точку. И это ставит под вопрос целый комплекс начинаний во всех сферах жизни, которые в своем базисе подразумевали будущую европейскую интеграцию. Если мы не идем к этой интеграции, то тогда куда мы идем? Какой руководствуемся идеей? Какую строим экономику – самодостаточную? Это отнюдь не абстрактные вопросы. Миллионы людей в России связали свою жизнь и планы с развитием европейского вектора экономики. В Петербурге, например, въездной туризм становился серьезной статьей дохода, открывались новые отели разных классов, Петербургский экономический форум превратился в серьезное глобальное мероприятие, планировалось развертывание причалов для яхт со всего мира. И вот все это разом повисло в воздухе. Огромные вложенные деньги, десятки тысяч рабочих мест, перспективы развития оказались под большим вопросом.

Встает и другой интересный вопрос: а какой теперь договор предлагает власть народу?

Стабильности нас лишили без всяких дискуссий. Что предлагается взамен?

Похоже, взамен мы возвращаемся к прежнему курсу на расширение страны: власть демонстрирует готовность приращивать территорию самым что ни есть архаичным способом, а на все остальные обстоятельства предлагает народу закрывать глаза.

А закрывать глаза есть на что. Объективно говоря, вся драматическая ситуация с Украиной – результат полного провала российской дипломатии в Украине.

Не на того человека сделали ставку, неверно просчитали ситуацию, не подстраховались связями с разными слоями украинской политической элиты и, наконец, оказались не готовы честно принять свой политический проигрыш и начать строить отношения с нуля. Вместо этого во всех грехах обвинили Украину, которая в мгновение ока превратилась во врага, что, вообще говоря, противоестественно для российского общественного сознания. Российский народ определенно не давал власти полномочий превращать украинцев во врагов.

Как это ни удивительно, но крепость власти сейчас во многом строится на убеждении нашего народа, что США – мировое зло, которое мечтает уничтожить Россию. На днях, читая форум на одном популярном сибирском ресурсе, натолкнулась на вполне оформленные рассуждения по этой теме, спровоцированные, естественно, украинскими событиями и привязанные к теме 9 мая. Один из форумистов, возвращаясь к пресловутому неудачному вопросу телеканала «Дождь» по поводу ленинградской блокады (суть вопроса – возможно, стоило сдать город немецким войскам, чтобы спасти население от голодной смерти), предложил либералам пойти до конца и поставить вопрос ребром: «Считаете ли вы, что ради свержения власти усатого ублюдка надо было отдать страну немцам?». И далее – осовремененный вариант: «Считаете ли вы, что ради свержения власти Путина и его клептократии надо позволить США закончить саму историю России как историю ее народа и созданного им государства?».

Это действительно ключевой вопрос. И отнюдь не потому, что он актуален в реальности.

А потому, что в российском общественном подсознании США действительно существуют в виде некоего ужасного монстра, который только и думает, как бы раздавить Россию.

Реальные США озабочены совсем другими проблемами, хотя, конечно, и там есть силы, сконцентрированные на борьбе с Россией, современный мир вообще разнообразен и в нем можно найти кого угодно. Именно на этом живущем в подсознании со времен холодной войны образе врага и играют сейчас государственные СМИ, и это ведет к оживлению целого сонма образов и идей времен противостояния с Западом. Уже и образ Сталина все более и более настойчиво стучится в дверь. В Петербурге, например, во время парада 9 мая представитель администрации нес портрет Сталина впереди колонны ветеранов, да и цитаты из Сталина сопровождали парад. Скажем, звучало: «Иосиф Виссарионович Сталин называл артиллерию богом войны». Это, собственно, к чему вдруг? А вот есть такие незримые тайные связи, и, когда начинаешь тянуть за ниточку «Запад – враг», начинают вытягиваться на белый свет и другие вещи.

Стабильность и интеграция с Западом отменены, вместо них нам предлагают снова стать самими по себе и бросать вызов миру. Непонятно, правда, на каком базисе мы будем стоять, бросая этот вызов. Что нам предлагает власть вместо стабильности, роста благосостояния, интеграции с Европой, расширения свобод и открытости миру?

Очень часто вместо этого предлагается национализм. Но национализм в полном объеме разыграть в России, по счастью, невозможно – в силу ее многонациональности. Тогда на чем может строиться противостояние с Западом?

Немало толкуется о евразийстве. Но что стоит за этим словом, так и остается неопределенным. Наполнить евразийство конкретным содержанием за многие годы так и не удалось. Это понятие скорее поэтическое, чем рациональное. Поэтому власть пытается нащупать другие, более конкретные «кирпичи», опираясь на которые, можно построить систему ценностей, отграничивающую Россию от Запада. Отсюда и абсурдистская и гипертрофированная борьба с людьми нетипичной сексуальной ориентации, якобы несущими угрозу обществу, и странные всплески оголтелой критики ювенальной юстиции, по сути, просто защищающей детей от жестокости взрослых родственников. Зацепившись за нечто такое, к чему окажется наиболее чувствителен народ, власть попытается предложить альтернативную систему ценностей, очевидно, более консервативную и даже архаичную. Другой вариант – возвращение к социалистической идеологии в той или иной форме – потребовал бы существенной перестройки общества и привел к попытке бегства осязаемой части населения с большой суммой денег. Социалистический вариант малоприемлем и для самих представителей правящей элиты, которые совсем недавно влились в ряды крупных собственников и еще не насладилась всеми радостями обладания разнообразным движимым и недвижимым имуществом.

Разумеется, на идеологическом поле есть и еще много чего, в том числе и зародыши тех идеологий, которые придут на смену современному западному обществу потребления. Однако, по-видимому, перепрыгнуть через определенные этапы развития невозможно. И не прошедшая через развитый капитализм Россия не готова воспринять идеологии будущего, проще цепляться за систему ценностей, обращенную в прошлое.

Русскость – тормоз или опора нации?

(Д. Быков о русской жизни)

В один из уикендов почти две сотни представителей московской интеллектуальной элиты собрались для обсуждения острых проблем, связанных с безопасностью страны. Правда, надо оговориться: это были представители в первую очередь медийной элиты (телекомментаторы и обозреватели) и частые гости «голубого экрана» (ученые-гуманитарии, политологи, общественные деятели). Другая существенная оговорка – либеральный (в российской трактовке) уклон собравшихся (впрочем, либеральных экстремистов среди них не было – собрались люди, в той или иной степени принадлежащие к нашей современной системе власти). В качестве знаковых имен можно назвать Александра Архангельского, Дмитрия Быкова, Даниила Дондурея.

Собрались эти люди на XIX ассамблею СВОП (Совета по внешней и оборонной политике, детища Сергея Караганова, организации, близкой к власти).

Неожиданной была тема конференции – «Культура, будущее России и ее место в мире». Очевидно, состояние культуры достигло такого качества, что стало рассматриваться как фактор, влияющий на безопасность страны. Одно из объяснений выбора темы было следующим: в конце концов страна может приобрести такие черты, что желающих ее защищать может просто не найтись. И это, несомненно, вопрос культуры, вопрос внятного мировоззрения, исповедуемого гражданами страны, объединяющего и помогающего строить жизнь в гармонии с собой, обществом, миром. В качестве идеолога повестки дня собравшимся представили Александра Архангельского – одного из руководителей ГТРК «Культура».

Разговор был долгим – на два дня. Каждая сессия углубляла и заостряла определенный «культурный вопрос». Первая была обозначена так – «Русская культурная матрица: тормоз на пути развития или его опора?». Постановка вопроса сама по себе о многом говорит. Собственно, русская культурная матрица – это то, какие мы все есть, потому что все мы – результат воздействия этой матрицы. Людей вне культурной матрицы просто не существует, соответственно, вопрос стоит таким образом: способны ли русские, оставаясь самими собой, на развитие? Или в этих целях необходимо сменить свою «русскость» – стать, например, европейцами или американцами. Можно перевернуть мысль и по-другому. Если русская культурная матрица мешает развитию, значит, то, что понимается под развитием – есть развитие в рамках какой-то другой, чуждой матрицы.

Мешать развитию в рамках своей собственной матрицы «русскость» никак не может. А вот не вписываться в мировой тренд развития, определяемый иной матрицей, – да, может.

Однако выступающие углубляться в тонкости не стали и восприняли постановку вопроса в лоб. Можно подозревать, что организаторы стремились подобрать докладчиков по этой – главной – теме таким образом, чтобы представить весь спектр мнений. Однако не получилось.

Киновед Даниил Дондурей и поэтесса Олеся Николаева высоко задрали планку ужаса перед «русской культурной матрицей». Дондурей в деталях и подробностях рисовал три кризиса нашего общества – мировоззренческий, моральных критериев и психологического состояния. По мнению социолога кино и редактора журнала «Искусство кино» Дондурея, 80 % россиян живут в прошлом и мыслят категориями прошлого. Эти люди не принимают частной собственности, капитализма вообще и своих работодателей в частности, они ориентированы на идеалы советского периода и советскую власть, не собираются переходить из идеализируемого прошлого в реальное настоящее. По непонятной причине Даниил Дондурей уверен, что обсуждение всех этих кризисов табуировано и не происходит в общественном пространстве.

Как совершенно справедливо заметил докладчику Виталий Третьяков, огромное количество СМИ давно уже пишет и говорит об этих кризисах (например, газета «Завтра»), Эти медийные ресурсы, однако, настолько неприемлемы для Дондурея по идеологическим соображениям, что они, видимо, просто не присутствуют в его личном пространстве, стало быть, «не существуют».

Поэт и эссеист, профессор Литературного института Олеся Николаева выступила с душераздирающим (и по смыслу, и по манере изложения) эмоциональным докладом. Она живописала русский народ как некое мистически-религиозное сообщество, верующее, что истинная власть лишь божья, и оттого ненавидящее всякую земную власть – узурпаторскую по самой своей небожественной природе. При этом сообщество это страдает раздвоением сознания, каждый предмет, попадающий в фокус своего внимания, любит и ненавидит одновременно: ненавидит и презирает Запад и одновременно мечтает туда каким-нибудь образом попасть, ненавидит и презирает государство и одновременно хочет, чтобы оно было великим и могучим.

На чем сошлись докладчики, так это на том, что русский народ не хочет знать правды о себе и всячески оберегает свое сокровенное «я» (как вещь в себе, не поддающуюся препарации и анализу). По принципу «открой эту истину, и мир рухнет».

Вообще обоим вышеназванным докладчикам не откажешь во внимании к деталям и в стройности рисуемой картины – прямо-таки апокалиптической. Вызывает сильное отторжение то, что ораторы ставят себя в позу наблюдателя, отделяя несокрушимой стеной от пугающего народа, одержимого попеременно то бесами, то святостью. Это описание со стороны, а не изнутри. Наверное, так британцы описывали покоренные туземные племена, а немцы – готтентотов в Южной Африке. Смаковали «ужасные детали дикарских обрядов», кольца в носу и мочки ушей, оттянутые до плеч… Ах, какие дикари!..

Бывший заместитель министра культуры Павел Пожигайло, которому, судя по некоторым признакам, была определена роль защитника русской культурной матрицы, до такой степени не справился со своей задачей, что обсуждать тут просто нечего.

Можно лишь выразить ему сочувствие, а самим подумать: и зачем на эту позицию выдвинули такого далеко не сильного игрока?

С весьма резонной ремаркой выступил Сергей Цыпляев (когда-то представитель президента в СЗФО, а ныне человек из бизнеса), напомнивший собравшимся, что история поставила два естественных эксперимента по обсуждаемой теме – в двух Германиях и двух Кореях. Эти примеры демонстрируют, какие различные варианты могут развиться на одной и той же культурной матрице. Поэтому не стоит сваливать все беды на эту самую матрицу, а также смотреть на нее как на клетку, из которой не вырваться. Ведь пример тех же Северной и Южной Корей разбивает дотла все построения, объясняющие неудачи реформирования России, сопротивляющейся несовременной негибкой русской матрицей. Не в матрице, видимо, дело, а в неумении с этой матрицей работать, в непонимании ее сильных сторон.

Наиболее интересным же стало выступление Дмитрия Быкова, автора романа «ЖД» – одного из самых глубоких и точных описаний вариаций «русского менталитета». В своем докладе Быков остановился на бинарности российской жизни, разделенности на «город» – относительно понятный, и «болото» – где вершится невесть что. «Болото» – это народ, царство горизонтальности, где не любят вертикальных связей. «Болото» неизменяемо, замкнуто само на себя, прекрасно умеет справляться с непрактическими нерациональными задачами, но не умеет и не нацелено на решение задач практических. Ну а «город» – это государство, пытающееся управлять «болотом» и неизбежно вязнущее в его непознанных дебрях. Государство периодически выбивается из сил в попытках справиться с болотом и деградирует – быстрее него.

По мнению Быкова, отличную модель российской государственности дали братья Стругацкие в «Улитке на склоне». Но Дмитрий Быков не остановился на описаниях ужасов этой вечной разделенности, а не побоялся заняться поисками выходов из тупиковой ситуации. Эта позиция выгодно отличала его от практически всех выступавших в течение двух дней.

Дмитрий Быков считает, что Россия была близка к выходу из порочного круга бинарности в начале семидесятых, когда выросла роль «посредника» между «городом» и «болотом» – интеллигенции (не в нынешнем, а в советском понимании этого слова). Интеллигенция, вышедшая из народа, не утратившая с ним живых связей, но при этом знающая современные реалии, устройство власти, умеющая формулировать и выражать требования народа, – спасение России. И, как полагает Быков, Россия в период семидесятых была близка к смене структуры общественной жизни, к общественной гармонизации.

Отражение этого – и в литературе того времени, и в движении бардовской песни, и в общей мягкости и одухотворенности атмосферы жизни тех лет. Дмитрию Быкову кажется, что мы не использовали тот полувековой давности шанс, и нам неизбежно придется вернуться в то время, чтобы попробовать разыграть его снова. Иначе – нарастающее противостояние богатых и бедных, власть имущих и бесправных, образованных и невежественных, хозяев и крепостных, чиновников и ненавидящей их паствы.

Кроме того, Быков предложил два варианта общенародных проектов, которые, на его взгляд, могли бы сплотить страну.

Первый – новый рывок в Космос, с задачей, например, освоения Марса.

Второй – создание лучшей в мире системы образования. Второе, как кажется, могло бы быть технологическим выходом из мировоззренческого тупика сегодняшней России. Если поставить задачу создать систему образования, основанную на всем лучшем, что есть в мире, и охватить ею всех российских детей, мы неизбежно получим народ другого формата, – который самим своим качеством реформирует российское бытие в лучшую сторону.

Правда, встает вопрос, для какого общества должна готовить детей такая школа? Может ли она работать, не понимая, какое общество – конечный потребитель ее продукта? Но вопрос не так безнадежен, как может показаться, – российских детей можно и нужно готовить для успешной и эффективной жизни в рамках современной цивилизации в целом, заказчик может быть расширен – со страны до Земли.

Следующая часть дискуссии была обозначена не менее провокационно: «Модернизация через культуру и неизбежность национализма».

Эта тема оказалась для аудитории весьма мучительной. Пугало страшное слово «национализм». Хотя, конечно, недавний отказ западных идеологов от мультикультурализма и попавшая в связи с этим под сомнение толерантность придали разговору невиданную мягкость. Один из докладывавших по вопросу – Максим Соколов (обозреватель журнала «Эксперт») – даже предложил задуматься, что нам важнее: внешняя коммуникация (с другими странами) или внутренняя. Если для нас внешняя политика важнее, чем внутренняя, если мы больше озабочены тем, как воспринимаемся в мире, тогда национализм играет отрицательную роль. Если же мы ориентированы на внутреннее сплочение и единство, тогда национализм может быть даже полезен. Еще пару лет назад за такую постановку вопроса в подобной аудитории закидали бы помидорами…

Интересно выступил заместитель председателя Внешэкономбанка, бывший сенатор Сергей Васильев, рассказавший о нашем партнере по БРИК – Бразилии. Там, по мнению Васильева, процветает позитивный мобилизующий национализм – убежденность и народа, и элит в том, что их страна – лучшая в мире Если же пока еще что-то и не так, то надо навалиться всем миром и решить эту проблему, а не искать, куда бы отъехать. Бразилия, по мнению Васильева, – один из наиболее сильных конкурентов России в группе быстро развивающихся стран.

Ярким событием этого дня стало неформальное выступление министра иностранных дел, члена СВОП, Сергея Лаврова. Ярким не в том смысле, что выступление было зажигательным, просто сама фигура представителя власти оттягивала на себя интерес и эмоции собравшихся. К тому же Лаврову задали много вопросов, пытаясь понять генеральный вектор движения страны – куда,

собственно, нас пытаются вести?

И тут беспрерывно всплывало слово «Запад». Если не на Запад, то куда?

Сергей Викторович ответил на это, что вступать в Запад, как в колхоз, мы ни в коем случае не будем. И Запад, который постоянно говорит, что более близкие отношения с Россией возможны только на условиях принятия нами западных ценностей, такого одностороннего шага от нас не дождется. Возможно только взаимное движение навстречу. Западная ветвь христианской цивилизации должна воссоединиться с восточной в равноправном союзе. Постановка вопроса, безусловно, подкупает. Но вот вопрос: в каком отношении Запад, по мнению российского руководства, должен продвинуться в нашу сторону? Если у нас мировоззренческий, моральный и психологический кризисы.

Я вовсе не хочу сказать, что у нас все плохо, а на Западе чудесно. Это не так. Но мы упорно не можем разобраться со своим идеологическим и прочим имуществом, скопившимся от предыдущих общественных формаций, поэтому наши позиции (в отличие от западных) слабо прописаны. Если бы Запад даже и хотел пойти нам навстречу, не очень понятно, по какой дороге. Мы сами не можем понять и сформулировать свои сильные стороны. Удивительным показалось видение Лавровым ситуации с частной жизнью, человеческим капиталом в нашей стране. Сославшись на Машу Липман (!), Лавров сказал, что, по ее оценке, никогда еще в частной жизни российские граждане не имели столько свободы. И он полагает, что людям надо дать время насладиться этой свободой частной жизни – напутешествоваться, насмотреться, наесться, напокупаться всего. А потом уже эти люди заинтересуются политикой и вернутся в общественную жизнь.

Маша Липман, как объяснил один из коллег, – работница московского представительства американского фонда Карнеги. Почему для выражения своего отношения к общественной ситуации в России министр апеллирует к Маше Липман? Объяснение может быть только одно – в своих собственных оценках он не уверен, а ориентируется на тот самый Запад, в который вступать, как в колхоз, мы не будем…

Оценивая первый день дискуссии в целом, невозможно не отметить гнетущее впечатление, которое производила неспособность ораторов перейти от эмоционального описательства к осмыслению и вскрытию причин происходящего – с тем чтобы сделать какие-то выводы и наметить пути преодоления нехороших тенденций. Вообще сама по себе культурная матрица в том контексте, в котором она обсуждалась на СВОПе, – это все же предмет психологов, а не литераторов. Смена языка с публицистического на научный могла бы способствовать пониманию скрытых пружин тех явлений и особенностей психологии россиян, по поводу которых сокрушались выступающие. Более того, это могло помочь понять, как эти особенности психологии превратить в сильные, а не слабые стороны общества.

Второй день ассамблеи, когда речь пошла о русском языке, показал, что профессиональный разговор по теме дает больше пользы, чем разведение идеологических костров на том месте, где должны быть письмена науки.

Разговор о русском языке начался с объемного и всестороннего доклада исполнительного директора фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова, рассказавшего, что происходите количественными показателями распространенности русского языка. Пиком распространения, по данным Никонова, были 1950-е годы, когда в зоне русского языка находилось 350 миллионов человек, за последние десятилетия количество русскоговорящих сократилось на 50 миллионов человек. Никонов ожидает в ближайшее десятилетие уменьшения еще на 20–30 миллионов. Однако с ним согласны отнюдь не все эксперты.

Некоторые из них, работающие с другими странами, говорят о возрождении интереса к русскому языку и в бывших республиках СССР, и в странах бывшего социалистического лагеря, и в европейских странах, где многие представители обеспеченных классов рассматривают Россию как страну, в которой можно заработать. Новой тенденцией является появление больших русскоязычных сообществ во многих европейских государствах, США, Канаде, Австралии.

Правда, насколько можно доверять никоновским цифрам, осталось большим вопросом.

Когда Вячеслав Никонов заявляет, что в Австралии 160 тысяч русских, а ядро этого сообщества – потомки белоэмигрантов из Харбина, то, зная ситуацию в Австралии не понаслышке, можно лишь усмехнуться. Говорящих по-русски и относящих себя к русской культуре в современной Австралии никак не меньше полумиллиона, и с потомками харбинской эмиграции этих людей абсолютно ничего не связывает.

А вот с Россией они поддерживать связи были бы рады, но этому препятствует безобразная работа местного подразделения МИД.

Эксперты-филологи говорили о состоянии русского языка весьма оптимистично.

Язык развивается, отвечает на вызовы времени, модифицируется. Одновременно практически все отмечали, что, по-видимому, впереди нас ждет быстрое сужение пространства употребления национальных языков, на которых говорят небольшие народы.

В науке, например, складывается ситуация, когда ученые из таких стран, как Норвегия, Швеция или Дания, пишут свои труды на английском. В каждой из этих стран слишком мало специалистов в узких областях, чтобы имело смысл писать специализированные работы на родном языке – у них не будет читателей, они не войдут в русло мировой науки. Но это ведет к обеднению и примитивизации языков, у них отсыхают целые понятийные области, упрощается структура.

Так, из полноценного – сложного и развивающегося языка, обеспечивающего и соответствующее развитие сознания,

национальные языки превращаются в нечто, вызывающее в памяти словарь Эллочки-людоедки. Набор примитивных фраз для общения на примитивные темы. Не грозит ли то же самое и русскому языку? Ведь и мы уже пришли к состоянию, когда издать работу на английском в иностранном научном журнале куда престижнее, чем опубликовать эту работу на русском. Да что далеко ходить – чего стоит пример Сколково, где официальным языком обозначен английский! Об этом, кстати, спросили Никонова. На что он, вздохнув, сказал, что вопрос тяжелый, сложный. По его словам, он пытался ставить вопрос о странности такого подхода, наносящего жесткий удар по престижу русского языка в науке, и услышал в ответ, что использование русского в Сколково вело бы к провинциализации. Пока речь может идти лишь о том, что в Сколково будет создан центр изучения русского языка для англоговорящих специалистов. Предложений о методах продвижения русского языка прозвучало много, среди них были и примеры успешных частных инициатив, нуждающихся для развития в государственной поддержке.

Вообще обсуждение проблем русского языка получилось куда более оптимистическим, нежели культурной матрицы. Но разорвать эти вопросы сложно. Язык представляет интерес не сам по себе, он распространяется, будучи носителем определенной идеологии жизни. И в этом смысле совершенно естественно, что пик распространения русского – 1950-е годы прошлого столетия. Это было время бурного развития коммунистических идей, русский язык распространялся как язык коммунистической идеологии. Обвиняя себя в том, что наша культурная матрица мешает развитию, что мы же хотим распространять – идеи стагнации? Между тем Россия именно благодаря ей является самой большой по территории страной мира, так что от осмысления сильных сторон нашей культурной матрицы никуда не деться.

В заключение надо сказать, что состоявшийся обмен мнениями был, безусловно, полезен. Тем, прежде всего, что показал, какие игроки на поле, какие идеи выдвигаются.

С производством смыслов эти игроки, правда, в большинстве своем не справляются. Но это означит, что открыта дорога новым людям, у которых есть все шансы проявить себя и помочь стране в понимании ее сильных сторон и обретении позитивного образа.

России нужны глобальные русские

Надо ли учить иностранные языки? Оказывается, до сих пор многие воспринимают их как тайное оружие врага!

Интересные информационные завихрения возникли вокруг заявлений председателя комиссии по культуре и сохранению историко-культурного наследия Общественной палаты, президента фонда изучения наследия П. А. Столыпина, бывшего заместителя министра культуры Павла Пожигайло. По его мнению, наше школьное образование делает крен в сторону иностранных языков и финансового анализа, пренебрегая основой русской идентичности – языком и литературой. А надо бы наоборот. Как уточнил Пожигайло, изучение языков способствует тому, что люди могут жить где угодно и не дорожат родиной, а думают лишь о том, где налоги ниже.

После подобного заявления над Пожигайло, конечно, не поглумился только ленивый. Но при этом его многие и поддержали. А действительно, что это «они»: выучат языки – и уезжают, бросая Родину? Надо это пресечь!

Мне кажется, надо поблагодарить Пожигайло за то, что он привлек внимание к важной и острой теме – бытующему в России страху перед «заграницей». Сильной, хитрой, приманчивой, крадущей у нас лучшие мозги и предприимчивую молодежь. Конечно, недоверие и опаска, которые до сих пор живут в подсознании многих россиян, вполне объяснимы – таково наследие времен холодной войны. Вкупе с попытками отгородиться от мира и закуклиться в рамках своей традиции и культуры это, пожалуй, один из главных тормозов развития России, модернизации нации.

Нынешнее российское руководство пытается построить современную страну с людьми из другой реальности – докапиталистической и доглобалистской. Оно и само – оттуда, откуда же еще ему быть? Поэтому ничего удивительного, что власти манипулируют общественным сознанием, используя наработки советского времени – установку недоверия к Западу, опасения, что Запад нас использует и дурачит. Оживить все эти страхи, культивировавшиеся в течение семидесяти лет, совсем нетрудно. Однако, продолжая видеть страну осажденной крепостью, которой грозят со всех сторон (с юга – ужасные исламисты, с востока – многолюдный Китай, с запада – коварные капиталисты), мы не продвинемся в направлении процветания. А то, что фобии во всех общественных стратах и институтах нарастают, – налицо.

Некоторые институты, существующие, казалось бы, в совсем иных координатах, оказываются продуцентами фобического отношения к «загранице». Достаточно вспомнить нашего главного санитарного врача Геннадия Онищенко и борца за права российских детей Павла Астахова, которые на этой ниве сделали немало. И вопрос ведь не в том, что из-за границы не может прийти ничего плохого или что там ничего плохого не случается. Вопрос в том, что границы-то, по сути, уже нет. Грустные факты, периодически озвучиваемые обоими этими гражданами, – это просто частные проявления негатива, который не имеет государственной и национальной принадлежности. Более того, если покопаться в нашем собственном шкафу, то и по части отношения к детям, и по части качества продуктов питания можно нарыть таких страшилок, что Европе с Америкой и не снились.

Но у нас нет другого пути вперед, кроме как отказаться от психологии осажденной крепости и понять, что, по большому счету, никакой «заграницы» нет, а есть общий мир – такой же «наш», как и Россия. И все его радости и проблемы – тоже наши. Американцы и европейцы уже давно живут именно так, индийцы, бразильцы, китайцы – тоже, а мы в этом отношении сильно отстали…

России в первую очередь нужна модернизация мышления. Окружающий мир – это прежде всего возможности, а не угрозы. Только с такой установкой можно жить полной и счастливой жизнью. Как отдельным людям, так и стране в целом.

Из русских, россиян, воспринимающих «заграницу» как угрозу, должна родиться другая нация, открытая миру и относящаяся ко всем как к друзьям и соседям по общей квартире – Земле. Чувствовать себя везде как дома, уметь находить общий язык со всеми, не трепетать перед сильными мира сего и одновременно не демонстрировать надменности и пренебрежения по отношению к слабым. У всех учиться, со всеми сотрудничать, всем помогать. Мы должны стать людьми, прихода которых в каждый регион ждут и хотят. В качестве бизнесменов – потому что русские эффективные, богатые и справедливые в делах; в качестве туристов – потому что русские щедрые, легкие в общении и доброжелательные; в качестве соседей – потому что русские культурные и деятельные члены сообщества, готовые участвовать во всех важных начинаниях и способные привнести нечто новое и полезное.

Чужих нет, все – свои. Если относиться к людям таким образом, то и к нам начнут относиться иначе. Русские, зацикленные на своих проблемах и переживании комплекса неполноценности, должны превратиться в глобальных русских, чувствующих себя на равных и с Западом, и с Востоком, и с Югом. Почему бы русским не стать таким же элементом общей связности, каким на протяжении истории стали евреи?

Для этого есть немало предпосылок. Русские везде легко приживаются, и, главное, они не замыкаются в диаспору в новом обществе. Владение несколькими языками еще совсем недавно было нормой для всех образованных граждан России. Наших путешественников, мыслителей, писателей, музыкантов и танцоров, шахматистов и космонавтов знают по всему миру. Приведу несколько совсем свежих примеров из жизни.

В одном из самых популярных британских журналов была размещена статья-портрет преуспевающего современного лондонца, в руках которого была… книга с заголовком «War and Peace», то есть «Война и мир» – роман, который считается в Западной Европе символом интеллектуализма и продвинутости (честно говоря, я не устаю этому удивляться – тем не менее, так уж

сложилось). Еще пример: есть такой культовый западный уличный художник – Banksy. Так вот, книга о нем называется «Wall and Piece» – «Стена и кусочек», этакая игра слов на тему того же Толстого. В любой европейской столице можно обнаружить много отсылов к русской культуре – от художественных выставок до балетов и опер. За нашими преподавателями музыки закрепилась слава лучших в мире. То же касается и математики, компьютерных технологий – преподаватели с русскими фамилиями есть практически во всех британских и американских университетах.

Так что фундамент для «глобальных русских» заложен совсем неплохой.

Как эти высокие смыслы привнести в повседневную реальность?

Ну, во-первых, должно стать нормой свободное владение хотя бы двумя распространенными языками помимо русского (английский и китайский, английский и испанский и т. п.), а также отличное знание географии и истории человечества, разных культур, ситуации в разных регионах. Во-вторых, необходимо обучиться всем современным онлайн-технологиям. И, самое главное, понадобится популяризация новой системы ценностей и воспитания, в основу которых должны быть положены идеалы равенства, братства и взаимопомощи по отношению ко всем народам земли. Я убеждена, что надо наконец убрать из сознания это беспрерывное мысленное деление на союзников и врагов.

Нынешнее время – время синтеза. Анаши политические деятели продолжают играть в своих и чужих – что внутри страны, что снаружи. Причем, увы, молодая и прогрессивная оппозиция тоже освоила деление куда лучше, чем умножение.

Многое, конечно, зависит от наших внешнеполитических ведомств. Если бы удалось добиться изменения мышления МИДа, посольств и консульств, это могло бы дать ни с чем не сравнимый толчок к усилению влияния России и позиций соотечественников за рубежом. Пока же практически все живущие за границей россияне при словах «российское посольство» только вздыхают. Безразличное, а то и хамское отношение к соотечественникам – это генеральная линия почти всех наших дипломатических работников. Сам сюда приехал – сам и выкручивайся.

Как это отличается от позиций американских, английских, немецких, голландских дипломатов, которые прилагают все усилия, чтобы помочь своим согражданам интегрироваться, стать успешными членами нового общества, построить бизнес!

Потому что в развитых странах понимают: эти люди расширяют сферу влияния родной страны. Интересно, что и китайские дипломаты в последнее время переходят от российской модели холодного безразличия к западной модели деятельного участия и помощи – к ним пришло понимание, что зарубежный опыт и связи отдельно взятых китайцев обогащают Китай в целом. В России этого понимания пока нет.

И те, кто живет за границей, до сих пор воспринимаются с негативом. Почитаешь форумы в Интернете – и видишь, что чуть ли не половина Рунета готова смотреть на таких людей как на «предателей родины» и «врагов народа». Зависть, недоверие, злоба – плохие кирпичи для построения будущего.

Если государственные органы не захотят менять ситуацию, программу глобализации россиян можно осуществить и без них – внутри семей и групп единомышленников. Для того, чтобы учить своих детей языкам, онлайн-технологиям и открытому доброжелательному отношению к миру, госпрограммы не нужны.

А как же родная земля, Россия? Как показывает практика, куда бы человек ни уехал, где бы он ни жил, все равно он остается связан с родиной. Если наша молодежь по примеру западной будет проводить несколько лет, пробуя свои возможности в других странах, это пойдет России только на пользу. Молодые люди будут приезжать обратно, привозя новые навыки и идеи, которые могут стимулировать развитие и модернизацию России. Бояться, что молодежь не захочет возвращаться – значит не верить ни в свою страну, ни в свою культуру, ни в свое будущее.

Жесткая привязка к «родовой территории» уходит в прошлое – так же, как кануло в Лету время, когда вассалы тверского князя считали предательством переход в подданство князя московского.

Новая модель экономики

Британский эксперт Кен Вебстер работает в фонде Эллен Макартур. Он уже не раз выступал перед российскими студентами, аспирантами и преподавателями. Вебстер говорит, что ему чрезвычайно интересно, как его идеи воспринимаются в России – стране, которая по многим параметрам строит свою экономику и потребление по старым классическим потребительским капиталистическим схемам, ровно противоположным его концепции «нового потребления».

Хотя речь в лекциях Вебстера идет в первую очередь об экономике, на самом деле нам предлагают новую модель человеческой личности – менее эгоцентричную, более ответственную. Созрело ли человечество для постепенного перехода к такой личностной организации? По крайней мере, первые представители нового вида уже появляются.

Идея циклической экономики чрезвычайно проста и понятна. В рамках этой модели, как и в природе, не должно быть бессмысленных отходов. Так когда-то жили наши предки. Собирали урожай, ели и кормили скотину, все отходы шли на удобрение полей. Замкнутый цикл. Однако потом, в какой-то точке пространства и времени, возникла иная экономическая модель, в рамках которой на каждом цикле все время появляются неиспользуемые отходы. Сейчас количество отходов достигло таких объемов, что они стали реальной угрозой жизни на планете.

Адепты циклической экономики предлагают на новом уровне вернуться к безотходному производству – вернее, для начала хотя бы существенно сократить отходную часть. Как это возможно, если вся мировая экономика построена на том, чтобы производить все больше и больше, а замедление роста воспринимается как кризис и трагедия? ВВП должен неуклонно расти – это аз и буки всех политиков.

В рамках циклической экономики от многих штампов придется отказаться. И в том числе – от психологических. Сейчас все маркетинговые компании построены на том, чтобы заставить человека купить новую вещь. Для этого задействуются все механизмы. Фактически мы живем в обществе, где идентификация человека осуществляется по вещам: на какой машине ездишь, какой мобильник используешь, в каком магазине покупаешь продукты, что носишь… Важны не столько качества используемой вещи, сколько ее сущность как идентификационной метки. Вместо этого Вебстер предлагает начать работать над новым потребителем, который будет потреблять не символический смысл, а реальную сущность товара.

Для такого потребителя важно не обладание, например, стиральной машиной известного бренда, а чтобы вещи были хорошо постираны. Представляете, сколько устаревшей техники каждый день выкидывается по всей планете? А теперь представим себе другую ситуацию: потребитель не покупает, а берет на время отличную стиральную машину. Она рассчитана на три тысячи стирок? Значит, через три тысячи стирок фирма-изготовитель ее забирает, реновирует и снова возвращает в оборот. Это принципиальная иная ситуация. Если бы мы все договорились о такой модели, то производители стали бы думать над созданием стиральной машины, которая легко поддается реновации. Скажем, в ней можно было бы легко заменить некоторые блоки. Поменяли блоки, перекрасили – и отдали новому потребителю на новые 3 тысячи стирок.

Однако реализовать эту схему сегодня практически невозможно. Потребитель ориентирован на обладание, на покупку – у него нет стимула сдавать устаревший товар. Компания-производитель, в свою очередь, нацелена на выпуск все новых и новых моделей, вместо того чтобы думать о разумном реновировании старых.

Тем не менее определенные сдвиги в сознании уже начинаются. В некоторых странах, например, в Японии, набирает обороты так называемый car-sharing, когда соседи пользуются одной машиной на несколько человек. А фирма «Bosch» хочет попробовать реализовать проект со сдачей в аренду стиральных машин и их последующей реновацией в Голландии.

Каковы главные плюсы циклической экономики? Во-первых, сокращение отходов (а в перспективе – сведение к нулю). Заметим, что сегодня потребитель развитых стран производит в день от одного до трех килограммов отходов. А на подходе еще потребители Китая, Индии, других азиатских и африканских стран, которые тоже хотят покупать и выкидывать. Во-вторых, резко сокращается потребность в первичных природных ресурсах – не только энергоресурсах и металлах, но и, например, воде, с которой уже сегодня у многих стран намечаются сложности. В-третьих, изделия становятся дешевле и доступнее для широкого круга людей. В-четвертых, открывается большое количество новых рабочих мест, целая новая отрасль – реновация.

Введение безотходной циклической экономики требует идеальной организации, высокоразвитого менеджмента, отличного качества, высокой сознательности потребителей… В России со всеми этими пунктами большие проблемы. Да и многим пока может быть непонятно, зачем нашей стране с ее огромными земельными, энергетическими, водными, лесными ресурсами, которые вряд ли исчерпаются в обозримом будущем, вводить безотходную экономику. Тем более что у нас огромная часть населения работает в секторе добычи и первичной переработки полезных ископаемых – том самом, который в условиях циклической экономики должен существенно сократиться. И основные деньги в бюджет страны приходят именно из этого сектора. Кен Вебстер это прекрасно понимает. Тем не менее он считает важным рассказывать о том, над какими новыми экономическими и потребительскими моделями работает западная наука. Все равно ведь когда-нибудь это дойдет до всех стран, и тот, кто будет готов заранее, окажется в выигрыше.

Например, в Бредфордском университете в Великобритании уже готовятся открывать магистерскую программу по циклической экономике. Новые специалисты будут помогать компаниям вводить элементы циклического производства или начинать такое производство с нуля – например, из каких-нибудь отходов, которые сейчас не находят применения.

Вебстер признает, что перейти на новую модель экономики Европу заставит только серьезный кризис. Однако эксперт считает,

что этот кризис не за горами.

За последние пять лет цена на продукты питания в Великобритании выросла на треть. Потребление воды, расходование бумаги, пластика растут со страшной скоростью. Количество автомобилей увеличивается по экспоненте. Так не может продолжаться долго.

Уже скоро всех нас клюнет жареный петух. И тогда придет время нового потребителя и циклической экономики. Мы можем начать к этому готовиться уже сегодня. Например, тоже открывать соответствующие магистерские программы.

Лучше работать на космос, чем на свалку

Космос был одной из любимых – романтических, ярких, знаковых – тем советского общества. Все гордились космическими героями и достижениями, мальчики хотели в первую очередь в космонавты, а уж потом куда-нибудь еще. «Аэлита», «Туманность Андромеды», «Солярис», кружки юных космонавтов чуть не в каждом районе… Бывали, конечно, и неудачи, и трагедии – о них горевала вся страна.

И вот все как губкой стерто. Входе продолжающегося идеологического взаимопоедания непримиримых носителей различных догм космос оказался на общей свалке свергнутых с пьедестала «высоких идей» советского времени.

Между тем в отрасли и сейчас происходят позитивные и интересные события. Да и денег, как отметил на недавней встрече с журналистами в Петербурге космонавт-испытатель, командир 28-й экспедиции МКС Андрей Борисенко, по большому счету, уходит не так много. «Англичане подсчитали: на все космические программы тратится столько же, сколько на производство четырех серий какого-нибудь дорогого телесериала», – сообщил он.

Да и вообще сотрудники Роскосмоса, Федерации космонавтики часто вынужденно доказывают: космос – это не на помойку выброшенные деньги, от него и практическая польза есть – например, сковородки «Тефаль» с антипригарным покрытием.

Увы, идеология потребительства проникает во все поры общества и заставляет людей оправдываться за то, что они тратят деньги на то, что в магазине на полку не поставить. А ведь если смотреть правде в глаза, то нет ничего бессмысленнее и вреднее, чем общемировая погоня за беспрерывным увеличением ВВП… Страны соревнуются друг с другом, кто быстрее изведет ресурсы планеты – землю, воздух, воду – ради производства миллионов тонн разнообразного мусора, быстро оседающего на помойках! Как было верно подмечено на одном сайте, в магазинах, по большому счету, есть только два вида товара – мусор и пакеты для мусора. Общество потребления заслуживает куда большего скепсиса, нежели космос, сулящий человечеству новое понимание жизни.

Давайте, в конце концов, признаем, что человеческая цивилизация – экспансионистская с самого своего зарождения, ее цель – распространиться как можно дальше. И больше всего преуспевали те ветви человечества, которые наиболее последовательно осуществляли этот главный посыл. Меняются лишь направления экспансии. Космические исследования куда интереснее и перспективнее, нежели нарастание скорости переработки воды и воздуха в производство.

Не так давно Роскосмос впервые за десятки лет объявил открытый набор в отряд космонавтов. Раньше туда можно было попасть только «из летчиков» или «из военных специалистов». Сама процедура отбора была овеяна ореолом тайны. Теперь же попытать счастья может каждый, кто соответствует определенным требованиям. Вот некоторые из них: российское гражданство, возраст до 33 лет, высшее образование, сносное знание английского языка, опыт работы по специальности не менее 5 лет, в том числе 3 года на одном месте, рост от 150 до 190, вес от 50 до 90. Ну еще кое-какая медицинская и антропометрическая специфика. В частности, претендентам придется сдать спортивные нормативы на выносливость, силу, быстроту, ловкость и т. п.

Конкурс был объявлен в январе, завершить прием документов предполагалось 15 марта. Однако комиссия приняла решение продлить сроки до 30 апреля – заявок поступило не так много, как ожидалось. На 16 марта в ЦПК поступило 164 заявления от желающих связать свою жизнь с космонавтикой. Среди них 34 сотрудника космической отрасли, 10 военнослужащих (4 – из космической отрасли) и 74 претендента из других организаций. Также среди подавших заявление 11 представительниц прекрасного пола. Конкурсная комиссия рассмотрела кандидатуры 114 претендентов, восемь человек допущены к очному этапу.

Сейчас в космическом отряде 31 действующий космонавт, из них, кстати, только одна женщина – 36-летняя Елена Серова. Еще семеро – кандидаты. Как рассказал космонавт Андрей Борисенко, в год происходит четыре запуска, назначение в экипаж происходит за год – полтора до запуска, после запуска – длительная реабилитация, так что весь отряд занят в «производственном цикле».

Экипажи смешанные – россияне, американцы, японцы, европейцы. По словам Борисенко, NASA, объявив открытый конкурс, получило 6,5 тысяч заявок. Отберут в российский отряд космонавтов по итогам конкурса предположительно 4–5 человек. Впрочем, все будет зависеть от кандидатов: может статься, всего двух возьмут, а может – десяток. Вообще, предположительно, в России всем требованиям соответствуют десятки тысяч человек.

Перед тем как записываться в космонавты, можно познакомиться с жизнью в Звездном городке методом погружения. У Центра подготовки есть программа знакомства с космическими буднями для всех желающих – «Выходные в космосе». В программу, которая составляется индивидуально, могут входить: знакомство с особенностями медицинского отбора в отряд космонавтов; посещение космических тренажеров, центрифуги, гидролаборатории, станции «Мир»; занятие в планетарии; встречи с летчиками-космонавтами и астронавтами; участие в работе конструкторских бюро по созданию космических кораблей будущего. Также можно создать свой космический экипаж, который будет участвовать в поисково-тренировочной игре с элементами выживания.

А вот еще одна позитивная «космическая» новость. Как сказали представители космической отрасли, на заседании правительства Санкт-Петербурга обсуждалась идея передать 30 тыс. кв. метров площади на устройство Космоцентра для школьников. В космоцентре должно быть все – модели аппаратов, тренажеры, как в настоящем космогородке, лекции и кружки, предлагающие знакомство с широким кругом космических специальностей. Хорошо бы эта идея реализовалась.

Изменить отношение к труду!

Никогда и нигде не встречала такого массированного, как в России, использования прилагательного «элитный» («элитарный») в стремлении продать товары и услуги – элитные коттеджные поселки», «элитные дома», «элитные квартиры», «элитные двери», «элитные обои», «элитные люстры»… я уж молчу об одежде и обуви. Недавно проезжаю в Подмосковье мимо какой-то мало понятной агломерации краснокирпичных домов и вижу сбоку крупную надпись: «Элитный отель „Настя“».

Вряд ли есть специальные исследования, выявляющие, насколько такое позиционирование помогает продвижению товара. Но меня в данном случае интересует не это, а повсеместное российское стремление хоть как-нибудь «приписаться к элите». И оборотная сторона этой тяги – пренебрежение к человеку, не претендующему на обладание элитными домами и дверями.

Одно время мне казалось, что это реакция на долгие годы принудительного общественного псевдовыравнивания при советской власти. Теперь, однако, думаю, что причины глубже – в так и не совершившейся в России буржуазной революции. Что такое буржуазная революция? Бунт человека протосреднего класса против аристократии. Утверждение уважения к НЕэлите. В Западной Европе был создан целый пласт литературных произведений, утверждающих приоритет нравственных ценностей и моделей поведения простых предприимчивых людей – в пику стилю жизни аморальной разлагающейся аристократии. И это прочно вошло в общественное сознание западного общества. Выпячивать «элитность» – дурной тон, пошлость.

У нас схожую задачу пытались решить в ходе Октябрьской революции и строительства социализма. Но, как становится очевидным сегодня, сделать это не удалось. Обаяние и восхищение аристократией (в широком смысле) продолжает пронизывать наше общество, сопровождаясь пренебрежением к обычному каждодневному труду, старательности, методичности, простоте. Как говорят в психологии, «это не переработано».

70 лет попыток насильственно привить уважение к простому труженику закончились вопиющим провалом: рядовой работник – самая пренебрегаемая и незамечаемая фигура нашего общества. Вот какой-нибудь криминальный авторитет, или политтехнолог, или олигарх – это да! Даже бомжам – и тем уделяется больше внимания: вслед за певцом бури Алексеем Максимовичем в фигуре оборванца видят вызов обществу размеренной обыденности.

Недавно прочитала книгу одного из лидеров евразийства. Поэтическую, романтическую, возвышенную. Красной нитью в ней проходит воспевание героев – тех, кто живет мечтой, страстью, полетом. В пику пошлым буржуа, стригущим купоны и чахнущим над златом.

Но ведь и оппоненты евразийцев, приверженцы западного пути, тяготеют к элитаризму, умилению избранными, презрению к планктону и быдлу или, говоря словами одной из выразительниц элитарного потребленчества, – к лохам. Яркий пример – недавние митинги и демонстрации. С каким удовольствием было принято митингующими обозначение «креативный класс». С какой готовностью повелись они на деление общества на две части – продвинутых высокоинтеллектуальных «своих» и примитивных недопросвещенных «чужих»!

Разумеется, в обществе, а также в стаде и в стае, всегда есть иерархия – так устроена жизнь высших позвоночных на нашей планете. Но общество, стадо и стая могут быть жизнеспособны только в том случае, если более сильные и энергичные особи, стоящие на верху иерархии, обеспечивают распределение ресурсов, которое устраивает большинство. Более того, «вышестоящие» особи имеют цену только до той поры, пока есть большинство, на которое они опираются и без которого они – ничто. Как только аристократия, элита, лидеры, вожаки, паханы и пр. начинают присваивать себе слишком много ресурсов, сообщество неминуемо теряет устойчивость и гибнет.

Неуважение и пренебрежение к большинству, к общему, к общественному вообще каким-то образом глубоко проросло в плоть российского архетипического мышления, и реформировать эту установку, видимо, будет очень трудно. Люди у нас не любят начинать снизу, с себя, с изменения повседневного, предпочитая сразу браться за решение глобальных задач – скажем, свергнуть верховную власть. Это как-то более ярко, вдохновляюще и масштабно. Не то что навести порядок у себя в районе. Однако мы нуждаемся в реформировании тела, а не снесении головы. Пока не приведем в порядок тело, голова каждый раз будет нарастать одна и та же – несимпатичная.

Несколько лет назад мы перестраивали дачу, все работы выполняла бригада из трех жителей соседнего поселка – отец лет пятидесяти и двое его сыновей двадцати с небольшим. Втроем они могли сделать все – от фундамента до электропроводки и водопровода. Были пунктуальны, аккуратны, никогда я не видела их «употребившими горячительные напитки», никогда не слышала, чтобы они перебросились грубым словом, каждый день приезжали к девяти и заканчивали в семь. Все, что они сделали, оказалось прочно, надежно и удобно.

Увы, таких людей, мастеров обыденного, но очень нужного дела, уважающих свой труд и самих себя, в России становится все меньше. У нас много крикунов, дебоширов, фанатиков, ну и «креативного класса» – специалистов по рекламным слоганам и одежде для собачек… Эти люди тоже нужны. Но базовый скрепляющий слой общества – это так называемые рядовые работники. Без изменения отношения к обычному повседневному труду и людям, которые делают необходимую повседневную работу, общество не может ни быть стабильным, ни развиваться.



(интервью с авторами интересных проектов и идей)

Новый проект для России

России нужен новый глобальный проект, чтобы со временем не превратиться в слабое третьесортное государство. О том, что могло бы лечь в основу этого проекта, в интервью «Росбалту» рассуждает этноконфликтолог, представитель Центра Льва Гумилева в Петербурге Виталий Трофимов-Трофимов.

– Немало людей полагает, что процесс распада, начавшийся с развала СССР, еще не закончен. Как его остановить?

– Ощущение распада определяется двумя вещами. Во-первых, у нас нет внятного проекта страны, который помогал бы людям ориентироваться – куда движемся, с чем сверять курс и собственные установки. Во-вторых, мы не можем определиться с основой нашего государства. СССР был государством рабочих, он был создан на классовой основе, и национальная принадлежность в этой системе координат была уже вторична. Сегодня в основе государства лежит вроде бы нация. Но когда говорят «нация», это воспринимается большинством как этническая идентичность, и тут же со всех сторон, от разных этносов раздаются крики: «Нация – это мы». Это работает на развал.

Сегодняшняя Россия – это государство постфактум, то, что осталось после того, как отвалились другие республики. Сейчас у нас пересменок: мы отдыхаем от великого проекта, который реализовывали в XX веке. Но если мы хотим сохраниться как цивилизация, большая страна, должен быть начат новый проект. Надо провести разборку постсоветских завалов и сборку на новых основаниях.

– А вам кажется, у нас как у народа еще остались цивилизационные амбиции?

– Мы проводили исследование на эту тему в 2007 году. И на основе результатов могу сказать, что амбиции есть. Во всяком случае, были шесть лет назад – и не думаю, что ситуация сильно изменилась. А вот проектов мобилизации, исторического творчества – нет. Неопределенность будет сохраняться до тех пор, пока не наступит серьезный экономический кризис, который, весьма вероятно, приведет к концу периода национальных государств. Есть мнение, что капитализм закончится с последней бочкой нефти, а национальное государство тесно связано именно с капиталистической системой. Последняя бочка нефти отнюдь не за горами. Тогда наступит очередной передел, время новых государств, и хорошо бы Россия к тому времени была государством, сохранившим потенциал развития с творческим и по-хорошему амбициозным народом.

– Вы предлагаете обратиться к региональным культурам. Но ведь народная культура у нас, мягко говоря, мало популярна. Как вам видится это обращение к истокам?

– Народная культура крепка, когда к ней идет обращение в реальной жизни. Скажем, по Книге перемен в Китае до сих пор гадают – и о своей судьбе, и о крупных государственных проектах. Людям это интересно. У нас же такой вписанности в жизнь национальной культуры нет. И этим надо заниматься – что-то возрождать, что-то придумывать.

– Как, например, Великий Устюг стал родиной Деда Мороза, а город Мышкин построил целую туриндустрию вокруг своего названия?

– Да, именно так. Одновременно региональная культура может создаваться местными авторами. Мой дедушка, например, запомнился в городе Игарка песней, которую он написал, затронув какие-то важные для местных струны, и ее до сих пор поют. Это не фольклор, но факт местной культуры. Проблема в том, что регионы должны оставлять себе больше денег от налогов, чтобы развивать местную культуру и поддерживать местных авторов. Проектирование культуры на уровне страны, конечно, должно идти, но какими-то более тонкими методами, чем сейчас.

– Есть мнение, что усиление региональной самобытности – первый шаг к экономической и политической сепарации…

– Сейчас самая распространенная форма получения легитимной власти – через объявление себя нацией. Поэтому страны и дробятся. Противопоставить этому можно проектное основание государственности. Государство, в основе которого лежит интересный всем проект, может не опасаться развития региональных культур. Понятия «нация» и «суверенитет» можно и нужно развести. Когда-то большевики выступали за права наций на самоопределение, стремясь способствовать развалу империалистической колониальной системы. Тогда у нас государство было построено на классовой основе, и нам это самоопределение ничем не грозило. А сейчас этот посыл вернулся к нам – уже в другом контексте. Мы же теперь находимся в рамках англо-американского подхода, и, соответственно, у нас некоторые люди с готовностью констатируют: Россия – это колониальное государство, национальные окраины – это колонии, и они неизбежно отвалятся, а то, что останется, – это и есть Россия. Но процесс не закончится до тех пор, пока не останется какая-то соразмерная со странами Европы территория. И мы получим одну или несколько третьесортных европейских стран.

– Я только что видела рекламу: «Настоящее финское качество жизни теперь доступно. Финские кварталы». Такого сорта реклама, которой у нас очень много, пропитана чувством второсортности, собственной несостоятельности. Так что, возможно, у нас уже немало людей, вполне готовых встать в хвост европейского проекта.

– Да, европейский проект многим кажется привлекательным. Но неизвестно, сколько продлится жизнь по существующим правилам. Сегодня международным сообществом запрещено вести захватнические войны. А что будет завтра, когда, скажем,

станет не хватать воды или чего-то еще? Правила могут поменяться. И нам, если мы хотим выжить, нельзя к тому моменту оказаться раздробленным слабым государством с деморализованным народом – ни на что не претендующим, а просто живущим в финских домиках.

– Каким вы видите будущее советской культуры, которая, собственно, до сих пор скрепляет Россию?

– Советская культура – очень интересная вещь. Там было много догматики, но был очень сильный момент общечеловеческого подхода – видеть в другом человека, брата, независимо от цвета кожи, религии и особенностей региональной культуры. Это очень востребовано сегодня. Вообще, в советской культуре двадцатых годов было очень много интересных передовых подходов – и в отношении к труду, и в отношении к браку и воспитанию детей, и в отношении к искусству. Этот опыт малоизучен и еще будет переосмыслен и востребован. Я убежден, что социалистический проект будет возобновлен, хотя, возможно, под другим именем и не обязательно на российской земле. Хотя очень вероятно, что и у нас.

– Как вы понимаете словосочетание «русский народ»? Это все, для кого русский язык и культура родные?

– Я бы, скорее, говорил о русских народах. Сама русскость сегодня настолько выхолощена – я не уверен, что русский народ вообще существует, что это действительно народ, а не искусственно сконструированная нация. В последние века воцарился механистический взгляд на человека, словно он некий автомат: у него есть потребности, они порождают определенный спрос, который надо удовлетворять… Все поведение такого человека – набор определенных реакций. Винтик в сложной машине. С опорой на эти взгляды создавались нации, экономики, социальные теории, а народы со своим этническим сознанием спрятаны где-то внутри этих конструктов. Но они могут быть актуализированы. И тогда я не берусь утверждать, сколько будет русских народов, сколько самобытных языков.

– А что будет скреплять эти народы? На каком языке они будут общаться?

– Для европейских народов общим сакральным языком долгое время являлась латынь, с которой тесно связаны многие европейские языки. И в то же время латынь не была принадлежностью какого-то одного этноса. Для пространства Евразии такого языка сейчас нет. Мне кажется, сейчас очень хорошее время для нового лингвистического проекта. Что мешает создать новый язык, который будет общим в Евразии для всех и вберет в себя символы из разных евразийских языков? Это был бы сильный ход. Инновационный проект, открытый для всех остальных народов, позволяющий быстро передать точную информацию. Латынь для Евразии. Да, это будет упрощенный язык, но зато, в силу своей универсальности, он будет одинаково близким для всех и не будет иметь строго определенных этнических корней. Этническая окрашенность языка порождает много лишних эмоций и обид.

– К вопросу об обидах и эмоциях. Какие вы видите выходы для снижения напряженности в центральной России в отношении приезжих с Кавказа?

– Я считаю, мы мало используем возможности образования. Людей надо учить зарабатывать деньги иными способами, а не через криминал и насилие. Ведь проблемы у нас не с образованными дагестанцами, приехавшими из Махачкалы, а с теми, кто едет из дальних сел и абсолютно не приспособлен к современной урбанизированной жизни. Это одна сторона вопроса. Другая – надо создавать точки роста и развития в кавказских регионах. Людям просто негде работать, вот они и едут сюда. Надо выделять транши регионам – с условием, чтобы они оттуда ни при каких условиях не выводились.

– Как вы относитесь к предложению экс-главы Казахстанского национального банка Григория Марченко создать Евразийский союз, в который позвать Турцию, Азербайджан, Украину, плюс предложить ассоциацию с этим союзом Монголии и Китаю?

– В настоящее время постсоветское пространство уничтожено как явление. Двадцати лет хватило, чтобы на политическом уровне официально забыть о нашей общей судьбе и нашем общем советском прошлом. Подросли поколения, которые уже не помнят жизни в СССР и ориентируются на новые ценности. Однако континентальный образ жизни, о котором говорил Гумилев, союз Леса и Степи, накладывает отпечаток на культуру, общество и экономику. И это сближает многие народы – не только те, что ранее составляли СССР, но и те, что развивались на периферии советского проекта и в тени России. Мне кажется, интеграционные процессы в Евразии должны опираться не на ностальгию по Советам, а на общие евроазиатские интересы, проходящие от черноморских проливов до Амура, включая и пантюркистский мир. Россия так и спасется – в открытом сотрудничестве с новыми участниками мировой политики.

Мы догоняем вчерашний Запад

О *том, как изменилась ментальность россиян за последние десятилетия, откуда в стране взялся грабительский капитализм и почему российскому обществу нужна система внешних ограничений, рассуждает член-корреспондент РАН, заместитель директора института психологии РАН Андрей Юревич.*

– Согласно общеевропейскому социальному исследованию ценностей, у россиян очень высокий уровень потребности в самоутверждении и весьма низкий уровень универсализма – сопричастности другим людям, другим живым существам, природе в целом. Такие результаты во многом идут в разрез с презентацией русской духовности, к которой мы привыкли. Как вам кажется, это объективные данные или издержки методики, разработанной людьми другой ментальности?

– Не буду критиковать эту методику, которая, на мой взгляд, не вполне годится для нашей страны. К тому же многое зависит от того, на какой выборке получены данные – ведь у нас культурные и прочие различия между различными слоями общества куда больше, чем у большинства европейских народов.

Факт, подтвержденный результатами многих исследований, состоит в том, что с начала 1990-х годов традиционная российская ментальность подвергается значительным изменениям. В нашей стране действительно появилось немало личностей, обладающих описанными вами психологическими характеристиками. Но при этом существует и немалое количество наших сограждан, сохранивших основные черты традиционного российского менталитета – такие как коллективизм. «Средняя температура по больнице» может получиться очень разной в зависимости оттого, где, в каких слоях общества ее измерять. А вопрос о том, каковы современные россияне, стал предметом острых дискуссий, в том числе идеологических.

– На Западе в последнее десятилетие активно развивается позитивная психология. Генеральный вывод психологов, исследующих «формулу счастья»: чувство удовлетворения и гармонии дает прежде всего работа на благо других и общества в целом. Эти идеалы активно внедряются в западные общества. У нас же в стране продолжается насаждение ценностей жесткой конкуренции и индивидуализма. «Быть успешным и не попасться» – такую формулу современных ценностей предложил известный писатель Андрей Столяров, и тысячи наших читателей поддержали эту формулу своими голосами. Выходит, Россия и Запад движутся в разных направлениях?

– Во многом это действительно так, причем такие характеристики, как эгоизм, которые мы традиционно приписывали западным культурам, сейчас многим из наших сограждан свойственны куда больше. Все это неудивительно. Ведь те люди, которые «реформировали» наше общество в начале 1990-х (и до сих пор оказывают на него большое влияние, находясь, в том числе, и во властных структурах), были выходцами из партийных и комсомольских кругов, в советские годы вдалбливавшими себе и другим, что капитализм – «бесчеловечный», «грабительский» и т. п. Придя к власти, они именно такой капитализм у нас и построили, поскольку другого попросту не знали. К тому же на систему отношений в нашем обществе, которую они создали, оказал большое влияние их нравственный уровень.

Но дело не только в этом. На Западе отчетливо осознают, что целью любой государственной политики должно быть счастье людей, а не экономические показатели, хотя и значимость последних никто не отрицает. Для нас же все еще характерен «экономический детерминизм» как стиль выдвижения приоритетных задач, восприятия и объяснения происходящего в обществе. Лишь недавно наша власть наконец-то осознала, что нельзя считать благополучной страну, где ВВП растет, а население вымирает. Значимость других – неэкономических – ориентиров, в том числе счастья населения, до сих пор ею недооценивается.

И вообще мы стремимся развиваться в основном по западному сценарию, но при этом всегда «догоняем» вчерашний Запад, в качестве «западных» принимаем те ориентиры, от которых он сам отказывается. Причина здесь тоже во многом заключена в «человеческом факторе» – в интеллектуальных и нравственных характеристиках людей, которые воздействуют на наше общество «от имени Запада», при этом отчасти по неграмотности, отчасти под влиянием своих корыстных интересов создавая его сильно искаженный образ.

– Некоторые социологи и психологи настаивают, что иерархия ценностей россиян осталась та же, что была в позднем СССР: семья, друзья, достаток, работа. Вы с этим согласны?

– Разные исследования дают несколько различающиеся результаты. Иногда наиболее значимой ценностью оказывается семья, иногда – работа. Опять же, многое зависит от того, как формировать выборку.

Но, на мой взгляд, изменения касаются не столько иерархии ценностей, сколько их наполнения. Советская семья и нынешняя, в которой супруги могут принадлежать к одному полу, а примерно треть браков – гражданские, существенно различаются. Под хорошим материальным достатком тоже понимается разное: тогда – зарплата в 300 рублей в месяц, сейчас – доход, который позволяет иметь личный самолет и виллы в разных частях света. Способы времяпровождения с друзьями также значительно изменились, как и характер взаимоотношений с ними, да и сам смысл слова «друзья». И работа понимается по-разному: для рейдера или рэкетира то, чем они занимаются, тоже «работа». Так что одними и теми же словами советские люди и нынешние россияне называют очень разные вещи, что затрудняет сопоставление их ценностей.

– Еще одна распространенная точка зрения: мы проходим естественный период насыщения потреблением, первоначального

накопления капитала и расслоения общества. Еще немного потерпеть – и люди станут мягче и альтруистичнее.

– Я бы не назвал этот период «естественным». Миф о том, что период первоначального накопления капитала неизбежно сопровождается всеобщей криминализацией и брутализацией, придумали Егор Гайдар и его команда – дабы оправдать то, что они сделали. На самом деле это далеко не так, первые «накопители» во многих странах были не бандитами, а высоконравственными романтиками, воплощавшими в своей деятельности основные принципы протестантской этики – это убедительно показано в работах Вебера и его последователей. Имущественное расслоение нашего общества, соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных, достигающее уровня 1:30, – тоже не естественное, а противоестественное. В западных странах оно значительно меньше, а когда это соотношение больше 1:7, ситуация считается чреватой социальными взрывами и революциями. Кстати, такое запредельное расслоение является одной из основных причин высокой агрессивности современного российского общества.

На эволюционный путь нашего «улучшения» и «размягчения» можно надеяться, некоторые позитивные тенденции и в самом деле наблюдаются. Но нужны и активные меры – такие как сокращение неравенства доходов, доведение его до цивилизованного уровня, реальная борьба с криминалом и многое другое.

– В последнее время достаточно часто обсуждаются вопросы культурных различий, менталитета. Однако не приходилось слышать об исследованиях, которые были бы посвящены истокам этих различий. Скажем, на мой взгляд, в России люди в меньшей степени способны выстраивать внутренние ограничения и в большей степени привыкли ориентироваться на внешние. Между тем капитализм был создан людьми с жесткой матрицей внутренних ограничений, и без этого компонента он превращается в Содом и Гоморру. Формирование внутренней матрицы ограничений – это долгий процесс, связанный не в последнюю очередь с культурой бытовой жизни, очень низкой у нас. Стало быть, либо нам надо комплексно меняться и превращаться в европейский психотип, либо примириться с тем перекошенным строем, который у нас сложился, либо как-то его модернизировать под нас – таких, какие мы есть. Как вам кажется, к какому из трех вариантов мы склоняемся?

– Вы уловили самую суть. Свобода – это не отсутствие запретов и ограничений, как ее многие у нас понимают с легкой руки наших псевдолибералов, а их интериоризация, перевод из внешней во внутриличностную форму, в результате чего внешние ограничения могут быть сведены к минимуму. Пока такой интериоризации у значительной части общества не произошло, ликвидация внешних ограничителей свободы чревата полным хаосом, «войной всех против всех» – или более мягким вариантом, характерным для России 1990-х. Поэтому, при наличии базовых демократических свобод, соотношение свобод и их ограничений должно быть разным для разных культур и соответствующим тому, какую степень свободы та или иная культура может себе позволить.

Нам действительно надо «комплексно меняться» в направлении большей цивилизованности, интериоризации необходимых ограничений свободы и распространения ее адекватного понимания. Но пока мы меняемся, система ограничений в нашем обществе должна быть более жесткой, чем в западных странах, несформированность внутренних ограничителей должна восполняться ограничителями внешними. Хотя я, конечно, понимаю, какую ярость эта тривиальная мысль вызовет у наших псевдолибералов, одно из главных отличий которых от истинных либералов состоит именно в понимании свободы.

– Очевидно, что разрушение советской идентичности не удалось восполнить за счет формирования новой российской идентичности. Возместить потерянное люди постарались через усиление других самоидентификаций – национальных, региональных, кланово-корпоративных. В последнее время вообще часто можно услышать разговоры о неизбежности распада страны, особенно популярные у оппозиционеров. По-видимому, это показатель того, что общестрановая идентичность так и осталась несформированной. Видите ли вы какие-то позитивные тенденции в этом отношении?

– Справедливости ради надо отметить, что подобные тенденции в той или иной мере свойственны большинству стран, даже выглядящих в этом плане благополучными. Например, жители индустриального севера Италии считают обитателей ее южных регионов бездельниками и дармоедами, которых они зря кормят, и призывают к разъединению. Но, к счастью, от таких сепаратистских разговоров до распада стран достаточно далеко.

Общестрановая идентичность у нас, конечно, существует, но она действительно слабее советской идентичности, а для некоторых – не только для сепаратистов, но и для людей с «эмигрантской» психологией – носит негативный характер. Это очень печально.

Но позитивные тенденции я тоже вижу. Например, к россиянам сейчас очень неплохо относятся в тех странах, куда они ездят отдыхать, что понятно: там их воспринимают как «живые деньги». На часто задаваемый вопрос: «Из какой вы страны?» – престижно ответить: «Из России». И было бы хорошо, если бы те позитивные чувства, с которыми мы отвечаем на такой вопрос за рубежом, мы сохраняли, возвращаясь на Родину.

– Российская общественная жизнь перенасыщена эмоциями. Причем и власти, и оппозиция научились высокотехнологично использовать энергию ненависти, именно на ней строится у нас вся политическая и общественная активность. Энергия позитива, добра, любви не менее эффективна, но ее у нас использовать совершенно не умеют. Кому, как не психологам, научить этому наше общество?

– Я не уверен в том, что будет хорошо, если «энергию позитива» у нас начнут «использовать». Боюсь, что если это произойдет, использовать ее будут не те и не так, как надо, опора на благие намерения приведет к формированию новых «дорог в ад». Кроме того, эта энергия сама пробивает себе дорогу и находит проявление в спонтанном совершении добрых дел – например, в

волонтерском движении.

На мой взгляд, важнее не использовать, а формировать позитивные импульсы. Например, заменить враждебную установку по отношению к окружающим, свойственную многим нашим согражданам, на дружественную установку, характерную для западных стран. Этому действительно надо в том числе и «учить» – через систему образования и воспитания. К сожалению, последнее изъято из числа основных функций нашей образовательной системы теми же псевдолибералами. Но делать это должны не только психологи, а все, кто к этой системе причастен, включая школьных учителей. А также все, кто в нашем обществе формирует образцы для подражания, – политики и другие публичные люди, представители СМИ, так называемые «звезды», которых бесконечно показывают по телевидению, и т. д. Но, к сожалению, в число приоритетов большинства этих людей пока явно не входит желание сделать наше общество лучше.

Нам необходима модернизация человека

Самую необходимую для России модернизацию обсуждаем с известным петербургским писателем, аналитиком и футурологом Андреем Столяровым, автором 14 книг, лауреатом Всероссийского интеллектуального конкурса «Идея для России», экспертом Международной ассоциации «Русская культура», руководителем Петербургского интеллектуального объединения «Невский клуб».

– Начнем с главного. Как вы оцениваете перспективы современной России?

– Я оцениваю их как чрезвычайно неблагоприятные. Глобальная экономика, которая сейчас правит в мире, предъявляет к любой стране лишь одно, зато безусловное требование: доступность ресурсов. Все ресурсы, имеющиеся «внутри», должны быть включены в глобальный обмен. А это проще сделать, если «разобрать» страну на экономические регионы. Не случайно геополитическая фрагментация стала бедствием нашего времени. Фрагментируется Англия – от нее отплывают Шотландия и Уэльс, фрагментируется Испания – из нее постепенно уходят Каталония и Страна Басков, на грани распада находится Бельгия, много лет дебатируется вопрос об отделении от Канады франкоязычной провинции Квебек, фрагментировалась Грузия, потеряв Абхазию и Южную Осетию. Собственно, распад СССР – явление того же порядка. Россия ничего не может этому противопоставить. У нас очень слабая экономика – менее 3 % от мировой, нас далеко обгоняют США, Евросоюз, Китай, Япония, Индия. Даже отдельные европейские страны, такие как Англия и Германия. У нас очень слабая связность: экономические потоки европейской части России завязаны на ЕС, а Сибирь и Дальний Восток подключены к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Происходит экономическое растаскивание страны. И главное – мы находимся в состоянии демографической катастрофы. Численность россиян быстро падает; по разным данным, к 2025 году – всего через 15 лет – нас будет 120 или даже 110 млн человек. Мы просто не удержим ни свою территорию, самую большую в мире, ни своих ресурсов, которые, опять-таки по разным данным, составляют где-то от четверти до трети мировых запасов… В такой ситуации трудно быть оптимистом.

– Однако российское правительство не сидит сложа руки, справедливо полагая, что главное не количество, а качество. К примеру, недавно общественности был представлен проект «Сколково», предполагающий мощный инновационный прорыв… Как вы полагаете, это шаг в верном направлении?

– Проект «Сколково», на мой взгляд, выстроен целиком в логике «продолженного настоящего». Или, другими словами: то же самое, что сейчас, только немного лучше. Это все равно что приперчить сильно позавчерашний суп – авось, запах порчи будет не слишком заметен. В проекте «Сколково» есть два недостатка: тактический заключается в том, что, собрав в одно место «лучших людей» России, мы тем самым разрушим множество исследовательских направлений, множество научных школ, где эти люди являются катализаторами. «Сколково», возможно, всплывет, но вся остальная Россия просядет. А стратегический недостаток такой: предположим, что «Сколково» начнет действительно извергать инновации, но кто эти инновации будет способен воспринимать, кто сможет их усвоить, внедрить, развернуть в перспективные сюжеты экономического и социального бытия? Где эти люди? Я их не вижу.

Нет, России нужна сейчас не модернизация экономики – это шаг второй, время для него еще не пришло. России требуется модернизация человека – создание новой нации, способной успешно существовать в когнитивной постсовременности.

– По поводу «новой нации». Недавно прошла программа «Специальный корреспондент» телеканала Россия, посвященная ситуации в лесной отрасли Приморского края. От показанного просто волосы встают дыбом. И дело не в ситуации с лесом, а в людях. Местный глава лесной отрасли, признавая, что ворует все, что может, изводя остатки реликтовых лесов, пускается в рассуждения: «А мы так воспитаны. Все воруют. У меня отец был механиком, так гаечных ключей даже правнукам хватит». Ему вторят простые работники топора: «А что же делать? Мы так живем – лесом. Тут все так живут, а лес кончится – все и помрем». Кивая на китайцев, местные жители говорят: «Они воспитаны по-другому, с детства к труду приучены, работают за троих наших с утра до вечера». По-моему, этим людям уже ничем не поможешь, не модернизируешь, не перевоспитаешь… По большому счету, они просто мертвы для будущего.

Мы оказались в ситуации, когда немалое количество людей перестало уважать себя и, не видя других возможностей вписаться в капитализм, занимается воровством и разграблением нашего общего завтра.

– Разумеется, у нас наличествует громадный сектор людей, с которыми уже ничего сделать нельзя. И, если честно, то с ними ничего делать не надо. Пусть живут как живут. Но у нас также существуют два перспективных социальных сегмента – это молодежь, выросшая уже после советского времени, и это довольно сильная страта интеллигентов/интеллектуалов. Замечу, кстати, что среди молодежи интеллектуалов практически нет, потому что интеллектуализм – это не просто умение быстро соображать, но прежде всего – колоссальное количество знаний, а такой когнитивный фундамент наращивается лишь ценой громадного времени. Модернизация предполагает сопряжение этих страт: молодежь следует индоктринировать интеллектуализмом, а интеллектуалов – молодежной энергетикой, которая зачастую растрачивается на пустяки. Такая межвозрастная целостность и может, на мой взгляд, стать основой для формирования новой нации.

Я приведу историческую аналогию. В любую эпоху выделяется нация, которая на данном этапе превосходит других. Наиболее демонстративно это проявляется в войнах, поскольку война обычно способствует предельной концентрации национальных сил.

Вот немногочисленные фаланги македонцев наносят поражение громадной армии персидского царя Дария, соотношение потерь в битве при Гавгамелах 1:40. Или вот в течение почти всех Средних веков несколько конных рыцарей могли разогнать целую толпу вооруженных крестьян. Или колониальные войны XVII–XIX веков: «модернизированные» англичане, испанцы, голландцы против неизмеримо превосходящего их в количественном, но не в качественном отношении Третьего мира. Или, ближе к современности, арабо-израильские войны. Крохотный Израиль против необозримого арабского моря. А соотношение потерь, например, в Шестидневной войне 1:20. Причем вооружение примерно на одном уровне: техника, которую поставлял арабам СССР, была нисколько не хуже той, которую США поставляли Израилю. Однако у Израиля – большее умение ее использовать, лучше согласованность действий (связность), выше стратегическое планирование, наконец – инновационные (неожиданные) решения в оперативных действиях… Нам необязательно привносить в российскую модернизацию милитаристский акцент, но следует помнить основные уроки истории: в моменты глобальной трансформации мира преимущество имеет та нация, которая быстрее модернизируется.

– Модернизация, но через что? Где механизм? Через какие конкретные институты? Государство вот пытается реанимировать институт семьи…

– Семья как инкубатор детства и юности абсолютно недееспособна. Причем не только в России, но и в большинстве западных стран. У родителей, как правило, нет ни достаточного образования, ни педагогических навыков, ни сил, ни времени, ни просто денежных средств, необходимых для воспитания. Эти функции должно взять на себя государство, и чем скорей оно это сделает, тем будет лучше для всех.

Здесь просматриваются три основных направления.

Во-первых, модернизация образования – переход школьного образования от пассивной формы (накопление знаний) к активной форме (работа со знаниями). Иными словами, выпускник средней школы может не знать тригонометрии и закона Ома (а скорее всего, и не должен этого знать), но обязать понимать теорему Геделя о неполноте знания, критерии «научности» знаний, владеть основными методами междисциплинарности и концептуализации. Это аналогично переходу экономики от присваивающей формы к более высокой – производящей. Напомню, кстати, что советская модернизация образования, то есть переход ко всеобщему начальному, всеобщему среднему и затем – к массовому высшему образованию, породила пассионарную волну инноваций, длившуюся более полувека, вплоть до 1980-х гг. Напомню также, что когда прусская армия разгромила армию Австрийской империи под Садовой, то, как считается, Бисмарк сказал, что «эту войну выиграли немецкие учителя». В действительности это сказал не Бисмарк, другой человек, но показателен сам факт такого высказывания.

Во-вторых, это модернизация воспитания, которая предполагает широкое развертывание в России системы воспитательных (образовательных) интернатов – разумеется, не в том убогом виде, в котором интернаты существуют сейчас, а в виде воспитательно-просвещенческих центров, описанных в классике российской социальной фантастики. Например, Аньюдинский интернат в книге Аркадия и Бориса Стругацких «Полдень. XXII век». Замечу, что сейчас в России примерно 700 тыс. беспризорных детей. Вот тот «близкий ресурс», с которого можно начать. Сейчас беспризорники подпитывают в основном криминальный социум, но ведь можно и должно переориентировать их на мировоззренческий позитив. Никакого другого пути я здесь не вижу…

– Как вы полагаете, нынешняя российская власть в состоянии осознать вызов, перед которым мы находимся? Вызов, состоящий в несоответствии национального «Образа будущего» запросам глобального будущего?

– Особых иллюзий на этот счет у меня нет. Нынешняя российская власть, насколько можно судить, полагает, что дела в России обстоят в общем неплохо: развиваем демократию, строим правовое государство, даже инновационный сектор собираемся организовать. Есть, конечно, отдельные трудности, но у кого же их нет? И точно так же воспринимает действительность среднестатистический россиянин: экономика стабилизируется, доходы растут, жизнь налаживается – зачем что-то еще?..

Знаете, есть вызов физический: война, масштабная катастрофа – он очевиден, зрим, и так же очевиден ответ нации на него. А есть вызов метафизический: нарастающее несоответствие форматов текущего национального (государственного) бытия параметрам нового мира. Он предстает первоначально в неявном, неотрефлектированном состоянии, и для его осознания необходимо интеллектуальное усилие национальных элит. Перед Россией стоит сейчас именно такой вызов, это вызов будущего, в котором нам предстоит дальше жить. Однако интеллектуальной рефлексии, реальной проектной работы, связанной с этой непростой ситуацией, на мой взгляд, у нас практически нет.

– Тут есть еще один важный аспект. Все наши стратеги думают категориями системы, но не хотят понять, что любая система может быть построена только из определенных элементов. Демократия и рынок в западном варианте эффективны, только когда строятся из соответствующего человеческого материала. Мы во многом очень отличаемся от западных людей. У нас ниже способность к самоорганизации, уже зоны ответственности, мы больше нуждаемся во внешних подпорках, чтобы быть хорошими гражданами… Свойственная капитализму погоня за прибылью, не сдерживаемая внутренними нравственными рамками участников рынка, принимает у нас уродливые формы и зачастую ведет не к процветанию, а к деструкции. В общем, по законам западного глобального общества выгодно и комфортно жить лишь тем сообществам, которые максимально выточены по западному образцу, остальные обречены на деградацию, потому что эта система им не подходит, потому что они из другого исторического времени и другого культурного пространства. Однако говорить об этом считается неполиткорректным, я бы даже сказала, что у многих на эту тему наложено внутреннее табу.

– Вы абсолютно правы. В глобальном мире на смену либерализму и социализму, которые свои возможности исчерпали, пришел

«давосский дискурс» – культура людей, единственным критерием которых является эффективность. А сама эффективность измеряется исключительно денежным выражением: если ты можешь зарабатывать деньги, ты – уважаемый человек, если нет, то – нет.

– И, тем не менее, факт: деньги как универсальный эквивалент вызывают у многих россиян глубинное отторжение. Видимо, восприятие денег как зла, всепоражающей ржи, неприятие погони за сверхприбылью уходят корнями в историю нашего народа. Похоже, когда-то это отношение имело смысл идентификационного отграничителя – от других, от соседей. В русской культуре тот человек, который вступает на территорию погони за наживой, выпадает из морального поля, переходит в разряд «плохие», а раз так – терять ему уже нечего. И это продолжает действовать и сегодня! Не оттого ли, вступая на «территорию погони за прибылью», люди так легко теряют всякие тормоза? Они внутренне начинают воспринимать себя как «плохих». А с плохих какой спрос? Однако вопрос на засыпку – что можно противопоставить деньгам – давосскому дискурсу, как вы это назвали?

– Давосский дискурс в России не приживется. У нас другая архетипическая основа, зафиксированная культурой, и чтобы ее задействовать, чтобы получить мощный архетипический резонанс, следует предложить идеологему, которая с ней мировоззренчески сопряжена. Знаете, в далекие времена перестройки на одном из круглых столов мне задан был коварный вопрос: «Если ты такой умный, то почему не богатый»? Помнится, тогда я ответил так: «Не всем быть богатым, кому-то надо быть и умным». Это и есть третья сторона модернизации человека – модернизация аксиологического канона. Наше предназначение – не деньги, а интеллект. Замечу – не так уж трудно построить новый модельный ряд социально-ориентированных эталонов, где вместо олигархов будет интеллектуальная элита. И не так уж трудно создать новый репертуар основных поведенческих стереотипов. Все это уже есть в российской культуре. И не так уж трудно от агрессивных маскулинно-милитаристских ценностей, культивируемых у нас сейчас, перейти к толерантным, более соответствующим когнитивной эпохе.

Кстати, позитивная реморализация занимает не так много времени. Обычно – одно стандартное поколение. Вспомним переход Германии от фашизма к демократическому государству или переход США от расового неравенства к обществу мультикультурализма.

– Нечто вроде национальной идеи?

– Это, на мой взгляд, национальная идея и есть. Национальная идея России – это модернизация человека.

Разрыв между умными и глупыми надо сокращать

Руководитель лаборатории социальной психологии СПбГУ, глава центра «Диагностика и развитие способностей» Людмила Ясюкова также более двадцати лет работает школьным психологом. За это время у нее накопилось немало данных и наблюдений, а также сформировалось понимание, как сделать детей умнее.

– Вы занимаетесь мониторингом интеллектуального развития школьников и студентов, причем определяете интеллектуальное развитие на основании сформированности понятийного мышления. Что такое понятийное мышление?

– Истоки этого понятия следует искать в работах выдающегося советского психолога Льва Выготского. Обобщив, понятийное мышление можно определить через три важных момента. Первый – умение выделять суть явления, объекта. Второй – умение видеть причину и прогнозировать последствия. Третий – умение систематизировать информацию и строить целостную картину ситуации.

Те, кто обладает понятийным мышлением, адекватно понимают реальную ситуацию и делают правильные выводы, а те, кто не обладают… Они тоже уверены в правильности своего видения ситуации, но это их иллюзия, которая разбивается о реальную жизнь. Их планы не реализуются, прогнозы не сбываются, но они считают, что виноваты окружающие люди и обстоятельства, а не их неправильное понимание ситуации.

Степень сформированности понятийного мышления можно определить с помощью психологических тестов. Вот пример из тестирования детей шести-семи лет, с которым не всегда справляются и взрослые. Синица, голубь, птица, воробей, утка. Что лишнее? К сожалению, многие говорят, что утка. У меня были недавно родители одного ребенка, горячились, доказывали, что утка – правильный ответ. Папа – юрист, мама – учитель. Я им говорю: «Почему утка?». А они отвечают, потому что она большая, а птица, птичка это, по их мнению, что-то маленькое. А как же страус, пингвин? А никак, у них в сознании закреплен образ птицы как чего-то маленького, и они полагают свой образ универсальным.

– И какой же процент наших соотечественников умеет выделять суть и видеть причинно-следственные связи?

– По моим данным и по данным других исследователей, меньше 20 % людей обладают полноценным понятийным мышлением. Это те, кто изучал естественные и технические науки, научился операциям выделения существенных признаков, категоризации и установления причинно-следственных связей. Их, однако, среди принимающих решения о развитии общества мало. Среди политических консультантов у нас психологи, философы, неудавшиеся педагоги – люди, у которых с понятийным мышлением не очень хорошо, но которые умеют ловко говорить и завертывать свои идеи в красивые обертки.

– Это российская статистика. А как выглядит ситуация в мире?

– Если брать развитые страны, то приблизительно так же. Могу сослаться на исследования Льва Веккера, который работал и в СССР, и в США, и в Европе, и в России. Его исследования 1998 года показывают, что больше 70 % взрослых людей, психологов, с которыми он сотрудничал в ходе исследования мышления детей, и сами мыслят как дети: обобщают от частного к частному, а не по существенному признаку, не видят причинно-следственные связи…

Наверное, есть некоторая разница между странами, и можно предположить, что тенденции увеличения-уменьшения процента людей с понятийным мышлением разные в разных странах, но таких детализированных кросс-культурных исследований никто не ведет. Или, по крайней мере, таких данных нет в открытой печати.

По жизни сформировать понятийное мышление невозможно, оно приобретается только в ходе изучения наук, поскольку сами науки построены по понятийному принципу: в их основе базовые понятия, над которыми выстраивается пирамида науки. Такая понятийная пирамида. И, если мы выходим из школы без понятийного мышления, то, сталкиваясь с тем или иным фактом, мы не сможем его объективно интерпретировать, а действуем под влиянием эмоций и наших субъективных представлений. В результате решения, принятые на основании такой допонятийной интерпретации происходящего, невозможно реализовать. И мы это видим в нашей жизни. Чем выше в социальной иерархии стоит человек, тем дороже цена его необъективных интерпретаций и решений. Посмотрите, сколько у нас принимается программ, которые ничем не заканчиваются. Прошел год-два и где программа, где человек, который ее декларировал? Иди, ищи.

– Школьные программы последние двадцать лет беспрерывно меняются. Как это влияет на формирование понятийного мышления?

– Раньше основы понятийного мышления начинали закладываться на природоведении. Теперь у нас вместо природоведения «Окружающий мир». Вы видели, что это такое? Это бессмысленная окрошка. Видеть в этом логику могут только составители, у которых у самих нет понятийного мышления. Якобы это практико-ориентированный, исследовательский предмет. Ничего там этого нет.

Дальше, раньше с 5-го класса начинались ботаника и история как история развития цивилизаций. Теперь у нас в 5-м классе природоведение в виде рассказов о природе без всякой логики, а вместо истории цивилизаций – «История в картинках» – та же окрошка без логики, что-то про первобытных людей, что-то про рыцарей.

В шестом-седьмом классах раньше была зоология, опять же со своей логикой. Дальше в восьмом была анатомия, и уже в старшей школе общая биология. То есть выстраивалась некая пирамида: растительный и животный мир, которые, в конце концов, подчинены общим законам развития. Теперь ничего этого нет. Все идет вперемешку – и ботаника, и животный мир, и человек, и общая биология. Принцип научной подачи информации заменен принципом калейдоскопа, сменяющихся картинок, который разработчики считают системно-деятельностным подходом.

С физикой такая же картина. Тоже рассказы о космосе, о планетах, о законах Ньютона… Вот, сидит у меня мальчик, я его спрашиваю: «Хоть задачки-то решаете на физике?». Он отвечает: «Какие задачки? Мы презентации делаем». Что такое презентация? Это пересказ в картинках. Если нет задач по механике на разложение сил, то о формировании понятийного мышления в физике можно не говорить.

– Ноу нас же декларируется, что мы движемся в сторону европейского и американского образования. Что там-то творится?

– Там все по-разному. На Западе действительно полная свобода, и школы существуют очень разные. В том числе и такие, куда отбирают не по кошельку, а по уровню развития. И там, безусловно, есть школы отличного уровня, где готовят элиту, обладающую и понятийным и абстрактным мышлением. Но никакого стремления отлично образовывать всех и каждого там нет – зачем это надо? К тому же там обучение идет не по классам, а по программам. Дети, которые показывают хорошие результаты, объединяются в группы, изучающие более сложные программы. В результате те, кому это надо, в любом случае имеют возможность получить хорошее образование и поступить в университет. Это вопрос мотивации в семье.

Интересный пример – Финляндия. Всеми признано, что там сейчас лучшая система образования в Европе. Так вот, они как раз взяли наши советские программы и принципы образования. У нас не так давно была конференция по вопросам образования, и там выступила одна наша высокопоставленная дама, автор многих из последних нововведений. Она с гордостью провозгласила, что наконец-то мы уходим от всех этих мифов о хорошем советском образовании. В ответ выступила представитель Финляндии и сказала – извините, но советская система образования в школе была отличная, и мы как раз у вас и заимствовали многое, что позволило нам улучшить нашу систему. Они и учебники наши перевели, и учителей старой школы с большим удовольствием берут, чтобы они делились с их учителями советским методикам преподавания.

– А у нас, если я вас правильно понимаю, интеллектуальный уровень снижается, и процент людей с понятийным мышлением становится меньше?

– Да, и это не мои предположения, а данные исследований, которые я веду в школах уже больше двадцати лет, из года в год.

– Может быть, взамен этого у детей формируются какие-то другие важные качества, помогающие в жизни?

– К сожалению, нет. Потери в школе видны, а приобретений пока что нет.

– А сохраняются или, может быть, появляются в России школы и вузы, готовящие прекрасно образованных и логически мыслящих людей? Нарастает ли, грубо говоря, разрыв между умными и глупыми также, как увеличивается разрыв между богатыми и бедными?

– Разрыв нарастает, и еще как. Безусловно, есть отличные школы и вузы, откуда выходят выпускники не только профессионально образованные, но и с высокоразвитым интеллектом. Этот разрыв начал быстро расти в 1990-е годы, и ситуация все усугубляется.

Знаете, у меня есть своя гипотеза, довольно циничная, относительно образовательной политики нашего руководства. Мы – сырьевая страна третьего мира. Нам не надо много людей с хорошим образованием и умением думать и делать выводы. Их некуда трудоустроить, они тут никому не нужны.

На образование при этом тратятся огромные деньги, действительно огромные. И что происходит? Наши высокообразованные специалисты уезжают и работают в более развитых странах по всему миру. Целые компании русских программистов работают в США, например. Я знаю одну такую в Бостоне, у них вообще все, кроме уборщицы-негритянки, русские.

Зачем нашему правительству готовить высококвалифицированные кадры для США, Канады, Австралии, Европы? А вы знаете, что в США даже есть математические школы на русском языке с нашими методиками? И те, кто закончили эти школы, отлично устраивают свою жизнь. Но нашей стране эти люди ни к чему. Здесь нужны те, кто работают бурильщиками, строят дома, мостят улицы и укладывают асфальт. Думаю, в эти профессиональные сферы и пытается наша власть перевести население. Но ничего не выходит. Люди в эти сферы не идут, предпочитая торговлю в разных видах. Приходится ввозить все больше людей из Азии, у которых нет никаких амбиций. Пока.

А наши классные специалисты, выпускники лучших школ и вузов, уезжают, не находя себе здесь достойного места. То есть общий уровень снижается.

Что же касается людей из министерства образования, допускаю, что они действительно не понимают, что делают. Искренне заблуждаются, думая, что слепое заимствование некоторых западных подходов способно что-то привнести в нашу школу. Раньше у нас учебники писали математики, физики, биологи, теперь этим занимаются педагоги и психологи. Эти люди не специалисты в предмете, который излагают. На этом образование заканчивается.

– А что вы думаете по поводу нарастающей языковой неграмотности?

– За нарастающую неграмотность во многом надо благодарить так называемые фонетические программы обучения, на которые мы перешли в 1985 году – спасибо членкору АПН Даниилу Эльконину. В русском языке мы слышим одно, а должны писать по языковым правилам другое. А в методике Эльконина формируется слуховая доминанта. Произношение первично, а буквы вторичны. У детей, которых учат по этой методике, а сейчас всех так учат, есть так называемая звуковая запись слова, и они там пишут «йожык», «агур'эц». И эта звуковая запись идет по седьмой класс. В результате у нас вырос процент якобы дисграфиков и дислексиков. Заговорили о вырождении нации. А на самом деле это просто плоды метода обучения на основе приоритетности фонематического анализа.

Букварь Эльконина был создан в 1961 году, но не был внедрен, потому что желания это делать не было. Считалось, что он, возможно, интересен как новый подход, но в школе будет с ним трудно. Тем не менее Эльконин с соратниками настойчиво продолжали попытки внедрения своего метода, и когда в семидесятые годы в школы пошли дети, поголовно умеющие читать, то сложилось мнение, что букварь работает неплохо, давая детям более объемное видение и слышание языка.

Эльконин был человек очень активный, видный ученый, он и его ученики «продавили» внедрение букваря, обучение по которому началось в 1983–1985 годах. Но именно тогда экономическая ситуация в стране стала меняться: в девяностые в школу пошли дети, которых родители не научили читать, потому что им уже не хватало времени и денег, и дефект новой системы стал абсолютно очевиден.

Фонетическая система не учила читать, не учила грамотности, наоборот, порождала проблемы. Но у нас ведь как? Не букварь плохой, а дети плохие, не подходят к букварю. В результате стали учить фонетическому разбору с детского сада. Ведь чему учат детей? Что «мышка» и «мишка» начинаются по-разному и обозначают их в фонетической системе по-разному. А «зуб» и «суп» в этой системе оканчиваются одинаково. А потом бедные дети начинают писать буквы, и оказывается, что их предыдущие знания не сочетаются с новыми. Зачем, спрашивается, им было все это заучивать и отрабатывать? Они потом и пишут «фторник», «ва кно» вместо «в окно».

– А какая под этим теоретическая подкладка?

– У Эльконина была теория, что чтение – это озвучивание графических символов, вот он это и стремился всеми силами внедрить. А на самом деле чтение – это понимание графических символов, а озвучивание – это музыка. У него вообще много теоретически сомнительных высказываний, и все это с пиететом цитируется. На этом люди делают диссертации и потом, естественно, держатся за эти подходы. У нас другого преподавания нет, только этот принцип обучения. А мне, когда я пытаюсь с этим спорить, говорят – вы академический психолог, не педагог, и не понимаете, что без фонетического разбора и фонематического слуха чтению не научить. А я, между прочим, четыре года работала в школе для глухонемых, и они прекрасно учились грамотному письму тем же методом, которым учили нас, – зрительно-логическим. А у них, как вы понимаете, нет ни фонематического слуха, ни какого-либо другого.

– Хочу с вами поговорить еще об одной болевой точке – системе ценностей, формирующейся у школьников.

– У нас сейчас полиментальная страна, в которой параллельно существует много систем ценностей. И прозападная, и советская, и этнически-ориентированные системы, и криминально-ориентированные. Ребенок, естественно, бессознательно перенимает ценностные установки от родителей и окружения. Школа в этом никак не участвовала до двухтысячных годов. Задачи воспитания из современной школы на какое-то время ушли, сейчас их пытаются вернуть.

Пытаются ввести культурно-просветительские циклы, например, для формирования толерантности. Только никакой толерантности эти циклы не формируют. Дети могут на эту тему написать сочинение или подготовить рассказ, но отнюдь не становятся более терпимыми в своей бытовой жизни.

Надо сказать, что как раз-таки у детей с более развитым понятийным мышлением спокойное восприятие другого бытового поведения, другой культуры выражены больше. Потому что у них прогностические способности выше, и «другие» для них не столь непонятны, так что не вызывают такого чувства тревоги или агрессии.

– Много говорят и пишут об агрессивности российской школьной среды. Вы это видите?

– Я этого не вижу. Хотя, конечно, в совсем уж неблагополучных школах я сейчас не работаю, не знаю, что там творится. И раньше мы в школах дрались и выясняли отношения, только разговоров об этом было меньше. А вообще, чем выше культурный уровень родителей и школы (гимназии, лицея), тем меньше кулаков, драк и ругани. В приличных школах уровень агрессии невысок, там даже и грубых слов не так много.

– Еще одна повальная проблема современной школы – гиперактивные дети с так называемым СДВГ (синдромом дефицита внимания и гиперактивности).

– СДВГ – это не диагноз. Раньше это называлось ММД – минимальные мозговые дисфункции, еще раньше ПЭП – послеродовые энцефалопатии. Это особенности поведения, проявляющиеся при самых разных патологиях.

В 2006 году мы официально приняли американскую точку зрения на эту проблему и их логику лечения. А они считают, что это на 75–85 % генетически обусловленное осложнение, приводящее к расстройству поведения.

Они прописывают лекарства, психостимуляторы, которые должны компенсировать эти расстройства.

У нас психостимуляторы запрещены, но прописывают препарат «Страттера» (атомоксетин), который, как считается, не является психостимулятором. На самом деле результат его применения очень похож на результат использования психостимуляторов. Ко мне приходят дети после курса «Страттеры», и у них налицо все симптомы «ломки».

Был прекрасный американский врач-физиотерапевт Гленн Доман, очень много сделавший для развития детей с поражениями нервной системы. Он брал детей, которые до трех-пяти лет вообще не развивались – не только не говорили, но и не двигались (только лежали, ели и выделяли), и развивал их до уровня, позволявшего успешно окончить школы и университеты. К сожалению, год назад он умер, но работает созданный им Институт максимального развития человеческого потенциала. Так вот, Доман активно выступал против синдромального подхода в медицине и говорил, что надо искать причину нарушений, а не пытаться снизить выраженность симптомов. А у нас в подходе к СДВГ закрепился именно синдромальный подход. Дефицит внимания? А мы его компенсируем лекарством.

На основании исследований врачей-неврологов докторов медицинских наук Бориса Романовича Яременко и Ярослава Николаевича Бобко делается вывод, что главная проблема так называемого СДВГ – в нарушениях позвоночника – вывихи, нестабильность, неправильная сформированность. У детей пережата позвоночная артерия, и возникает так называемый эффект обкрадывания, когда в результате снижается кровоток не только по позвоночной артерии, но и в сонных артериях, снабжающих лобные доли. Мозг ребенка постоянно недополучает кислород и питательные вещества.

Это приводит к короткому циклу работоспособности – три-пять минут, после чего мозг отключается и лишь спустя некоторое время включается обратно. Ребенок не осознает, что происходит при отключении, с этим связаны драки и различные выходки, о которых он не помнит, потому что они развиваются в моменты отключения активности мозга. Эффект отключения мозга нормален, мы все с этим сталкиваемся, когда слушаем скучную лекцию или читаем что-то сложное и внезапно ловим себя на том, что отключились. Вопрос только в том, как часто и на какие периоды времени происходят эти отключения. Мы отключаемся на секунды, а ребенок с СДВГ на три-пять минут.

Чтобы помочь детям с СДВГ, надо поправить позвоночник, часто это первый шейный позвонок, а за это мало кто берется. Обычно неврологи этой проблемы не видят и с этим не работают, но есть врачи, и мы с ними работаем, которые умеют это делать. Причем тут важно не только выправить позвоночник, но и укрепить новое правильное положение, чтобы не произошло привычное смещение, поэтому с ребенком нужно делать упражнения три-четыре месяца. Идеально, конечно, когда ребенок эти три-четыре месяца находится на домашнем обучении и можно проконтролировать не только, что он делает упражнения, но и что он не дерется и не совершает никаких кульбитов. Но если такой возможности нет, то мы хотя бы даем освобождение от физкультуры на эти месяцы.

После того как кровоток восстанавливается, периоды работоспособности мозга увеличиваются до 40–60 – 120 минут, а периоды отключения становятся секундными. Однако поведение само по себе сразу хорошим не становится, агрессивные паттерны поведения успели закрепиться, с ними надо работать, но теперь у ребенка уже есть ресурс для сознательного контроля, торможения. Он уже может с этим справиться.

Беда в том, что фармакологическая отрасль куда более циничная, чем наше государство. Фармацевтические компании заинтересованы выпускать лекарства, которые не вылечивают раз и навсегда, а поддерживают приемлемое состояние. Это обеспечивает им огромный постоянный рынок сбыта. Эти компании, естественно, выступают спонсорами таких исследований, которые идут в выгодном им направлении.

С другой стороны, если даже проблему с позвоночником и улучшением кровоснабжения мозга решить не удалось, всегда можно пойти по пути развития мышления. Высшие функции, как доказано всемирно признанным психологом Львом Выготским, могут компенсировать нижестоящие. И я видела немало примеров, когда через развитие мышления достигалась компенсация проблем с вниманием и коротким циклом работоспособности. Так что опускать руки никогда не стоит.

Сценарий жизни нужно формировать в детстве

Сможет ли наша психика справиться с тем темпом и той сложностью задач развития, которые нарастают? Об этом размышляет доктор медицинских наук, психотерапевт Александр Катков, разработавший и внедривший инновационную программу, повышающую самоорганизацию и стрессоустойчивость подростков и взрослых.

– В течение 12 лет вы проводили масштабную государственную программу по снижению наркомании в Казахстане. Насколько я знаю, ею были охвачены тысячи школьников, и получен статистически достоверный положительный результат. Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее, особенно о положительном результате.

– Тут надо уточнить, что такая программа – результат многоуровневого исследования феномена деструктивных социальных эпидемий. Сначала был исследовательский этап, а потом уже этап внедрения полученных результатов в практику. Именно на этом этапе и началась работа со школьниками – диагностика и коррекция высоких рисков вовлечения в деструктивные формы поведения, в том числе наркоманию. А вообще деструктивные социальные эпидемии – это не только наркомания, это более широкое понятие: есть химические зависимости – наркомания, алкоголизм, токсикомания, есть и нехимические – игромания, вовлеченность в тоталитарные секты, экстремистские организации, компьютерная зависимость. Предпосылки и механизм вовлечения во все эти зависимости сходен. Группа риска для всех зависимостей тоже сходная.

Как показывают наши исследования, 10–12 % школьников обладают низкой степенью устойчивости к вовлечению в деструктивные зависимости. Они и должны быть главным объектом профилактической работы.

Положительный эффект от нашей программы заключается в том, что мы наконец начинаем управлять рисками, а не работать с последствиями уже случившегося. Что такое управление рисками?

Это, во-первых, грамотная диагностика. У нас есть специально разработанная компьютерная программа, которая показывает степень вероятности вовлечения в деструктивную зависимость. Это не диагноз, не стигматизация, эта информация не подлежит распространению. Но профессионалам надо об этом знать, потому что только имея соответствующие данные, можно начинать прицельно и точно работать по мишеням, а не «палить из пушки по воробьям». У нас есть технологии, которые позволяют при конкретной комбинации рисков за короткое время повысить устойчивость человека и снизить риски его вовлечения в деструктивные формы поведения.

– Приведите, пожалуйста, статистику положительных результатов.

– Там, где эта работа нами была поставлена, количество вовлеченных в разные формы деструктивного поведения снизилось очень существенно: у подростков в полтора раза, а у более младших детей даже в два с половиной раза. Причем эти данные получены на больших группах, проводилось сопоставление с контрольными группами, методология нашего исследования контролировалась ведущими экспертами известных в мире исследовательских институтов, например, экспертами Национального института химических зависимостей США и др.

– По этим результатам в Казахстане принята государственная программа?

– Да, в Казахстане программа принята на уровне государства. С 2010 года наши новые технологии работают в рамках Национальной программы развития здравоохранения в Республике Казахстан.

– Теперь, насколько я понимаю, вы переехали в Россию, в Петербург, и хотите инициировать сходную программу здесь?

– Не совсем так. Конечно, хотелось бы и программу управления рисками в России реализовать, но я прекрасно понимаю, что нельзя механически переносить то, что работает в Казахстане, в другую страну. Нужна апробация в новых условиях. Моя основная задача – продолжение исследовательской работы в отношении деструктивных социальных эпидемий и развития у населения устойчивых ресурсных состояний, то есть повышения устойчивости к воздействию агрессивной, сложной, быстро меняющейся среды. Речь идет об эффективных формах индивидуальной и социальной самоорганизации.

Надо учитывать, что благодаря выдающимся достижениям медицины в ХХ веке перестал работать естественный отбор, в результате каждое последующее поколение ухудшает свое генетическое качество. И если не понять, за счет чего можно компенсировать это ухудшение, то ничего хорошего нас не ждет. В лучшем случае будет развиваться идеология протезирования утраченных фрагментов здоровья, то есть медикаментозная поддержка, восстановительная и трансплантационная хирургия и пр. Это масштабная проблема. Она касается не только деструктивных социальных эпидемий. В конце концов, эти эпидемии – только флаги неблагополучного сценария развития событий. Речь идет о магистральных путях развития человечества, о том, сможет ли наша психика справиться с тем темпом и той сложностью задач развития, которые очевидно нарастают.

Второе направление моей работы – обучение новым инновационным методам управления рисками, которое мы собираемся активно предлагать профессионалам – психотерапевтам, школьным психологам, психологам-консультантам.

Ну и, конечно, апробация: без проверки на практике никакая исследовательская программа не полна.

– Какие-то договоренности с Министерством здравоохранения, Министерством образования России достигнуты?

– Мы только что провели презентацию нашей программы, подхода и результатов на специально посвященной этому Международной конференции по социальным эпидемиям, состоявшейся в Петербурге. На эту конференцию приехали представители Академического совета при ООН, российские, казахстанские, европейские специалисты. Теперь мы надеемся вступить в диалог с соответствующими российскими ведомствами.

– Поговорим теперь о наиболее интригующем – самих технологиях повышения устойчивости, укрепления личности в широком смысле.

– Мы исследовали влияние 94 факторов – только те, на которые мы могли влиять, причем в достаточно краткосрочной перспективе. То есть, например, конституционные особенности мы не затрагивали, потому что влиять на них все равно пока что не можем. Мы выделили те ключевые факторы, которые, прежде всего, связаны с устойчивостью личности, то есть психологической устойчивостью, и воздействуя на которые, можно эту устойчивость повышать. Таких факторов оказалось шесть.

Это, во-первых, фактор личностной идентификации, то есть четкого представления у человека, кто он такой, каково его место в жизни, чего он хочет достичь. Это очень важный стержень, помогающий человеку не потерять ориентацию в мире.

Второй фактор – позитивный жизненный сценарий. В 1970-е годы были опубликованы результаты исследования советских школьников – кем они хотят быть, и меня поразило, что часть школьников ответила «никем». Вот она – группа риска. Когда мы имеем цель, по жизни нас ведет энергия желания, она задает скорость движения и маршрут. А если школьник отвечает «никем», то его жизнь скучна, серовата, и почему бы не разнообразить ее приемом наркотиков и алкоголя? Его ничто не удерживает.

– А в каком возрасте формируется сценарий жизни?

– Основы этого личностного свойства формируются уже в 7–8 лет, а к 17–18 этот сценарий должен быть, в основном, сконструирован и осознан.

Третий фактор – степень сформированности навыка ответственного выбора. Приверженность определенной системе взглядов и ценностей, умение стоять на своем. Проиллюстрирую это хокку, которое часто цитирую, когда веду занятия:

Лес стоит никому не нужен…Холм стоит никому не нужен…Я стою никому не нужен…Что же делать?Стоять на своем!

Четвертый фактор – внутренний локус контроля. Вы, наверное, видели немало людей, у которых во всех несчастьях всегда виноваты все, кроме них. Зарплату платят маленькую, погода отвратительная, коммунальные службы плохо топят, никто с ними не считается и т. д. Чтобы такому человеку помочь, надо изменить весь мир вокруг него. И не факт, что ему и в новом мире понравится. Хотя, конечно, можно создать идеальные условия в каком-нибудь психотерапевтическом стационаре, и человек там начнет правильно социально функционировать. Но как только выйдет, опять ужаснется, и не исключено, что опять начнет использовать патологические адаптогены вроде алкоголя и наркотиков.

Поэтому многие зависимые люди, выйдя из клиники, снова берутся за старое. Мир-то остался таким же жестким и неудобным, как и был, продолжает поворачиваться к ним неприятными сторонами. А вот если человеку дать инструмент – научить его чувствовать себя за штурвалом собственной жизни, то он начинает по-другому смотреть на мир, по-другому думать: «Руки у меня слабоваты, чтобы держать штурвал? Так их надо подкачать». Он перестает искать виноватых и начинает работать над собой. Когда видишь это чудо «превращения» конкретного человека, самое настоящее ощущение радости возникает – вот оно, получилось.

Пятый фактор – ресурсная достаточность. Тут и знания, умения, навыки и стратегии совладания со стрессовыми ситуациями и ресурсы из области бессознательного. Это комплексный фактор.

Про знания, умения, навыки, думаю, все понятно. Про стратегии поведения, решения проблем у меня есть такой пример. Как-то в советские годы я был свидетелем того, как прилетела делегация британцев из города Кардифф и обнаружила у нас в старом еще аэропорту «Домодедово» грязь и разруху. И вот они нашим встречающим говорят – «Смотрите, что у вас делается». А наши говорят: «Да, действительно плохо». Англичане этой реакции не поняли, они спрашивают: «Что же вы не наведете порядок, не приберете?». Ответа никакого не последовало, потому что встречающим это показалось странным – почему их-то об этом спрашивают, это кто-то там наверху должен решать вопрос наведения порядка.

Психологические ресурсы – это еще и правильные стратегии поведения в стрессовых ситуациях, которые дают очень много. Представьте себе: идет волна в океане, подхватывает человека, тащит по камням, бросает о берег, руки-ноги ломает, и он, весь переломанный, дальше так и живет со страхом перед океаном, радуясь, что хоть насмерть не убило. А другой оседлает эту волну и прокатится по ней до берега, еще и удовольствие получит, взбодрится. Ведь встряски в жизни тоже нужны, иначе жизнь становится серой, чрезмерно обыденной. Такому ресурсному серфингу тоже можно научить, и тогда человек перестает смотреть на окружающий мир как на полный опасностей и начинает рассматривать эти опасности как новые возможности.

Доступ к ресурсам бессознательного – еще одна важная тема. В какой адаптационной стратегии проживает свою жизнь человек? Или в защитно-конфронтационной, и тогда он перегружен психологическими защитами и броней, которую он с собой тащит. Или в синергетической, сотрудничающей стратегии. Синергетическая стратегия разворачивает бессознательные инстанции в ином ключе, делает человека пластичным и креативным, и такой человек способен генерировать новые быстрые решения проблем.

Для иллюстрации приведу такой пример. В одном из первых фильмов о боевых искусствах монахи из Шаолиня воевали со злодеями, и там был такой эпизод: молодой агрессивный злодей встречается со стариком из Шаолиня, и у них происходит диалог. Монах говорит: сейчас ты проиграешь, потому что ты зол и агрессивен. И старый монах выиграл. Почему? Потому что в этом единоборстве все решает скоростная реакция, и у монаха, который был в состоянии синергии, она была лучше, чем у молодого парня в состоянии защитно-конфронтационной стратегии, когда все мышцы напряжены. Вопросы скорости и пластики выходят сейчас на первое место. Жизнь настолько интенсифицировалась, что свойства высокоскоростной самоорганизации и самоадаптации становятся важнейшими факторами выживания человечества.

А у нас человек все время руку на кобуре держит, ждет удара и сам готов ударить. Это далеко не всегда эффективно!

И только на шестом месте стоит правдивая информация о вреде патологических адаптогенов ультрабыстрого действия, а именно алкоголя, наркотиков, и, межу прочим, «оглушения любовью», которое происходит в сектах и террористических организациях. Был человек серым пятном, «никем», и вдруг он обретает все сразу – и «братьев и сестер», и смысл жизни, и понятный сценарий. «Вот это жизнь», – думает он. Шестой фактор тоже важен, люди должны понимать, с чем имеют дело, какие бывают последствия.

Необходимо понимать, что этот шестой фактор действует только при наличии сформированного позитивного сценария жизни. В этом случае «негативная» информация о воздействии ультрабыстрых адаптогенов (наркотиков, алкоголя и пр.) имеет смысл и действительно меняет поведение человека на более безопасное.

– Неужели такие базовые вещи, как самоидентификация, жизненный сценарий, синергетическая стратегия, имеющие в базисе систему ценностей человека, можно сформировать экспресс-методом за месяц или два работы с психотерапевтом?

– Мы свыше десяти лет потратили, чтобы научиться добиваться быстрых конструктивных и продолжающихся изменений за короткое время. У нас есть подробное описание психотерапевтических технологий и техник, обеспечивающих этот эффект. Надеюсь, мы сможем это показать, рассказать и научить нашим методам многих, кому это необходимо.

Для иллюстрации последнего тезиса такой пример. У меня была съемка в одном из центров для лечения наркозависимых, где все было основано на взаимопомощи и любви. Приходил туда битый-перебитый наркоман, дошедший до края. И вдруг все у него чудесным образом менялось. Ему становилось лучше, и даже «ломка» проходила. При этом резидентами этого центра говорилось, что это его Бог от ломки освободил. И вот я показывал эту съемку начинающим психотерапевтам и спрашивал – проведите психотехнический анализ, что там происходит? Действительно ли Бог ломку снимает? Или дело в том, что зависимого человека встречают любовью, и через несколько часов он на бессознательном уровне меняет свою защитно-конфронтационную стратегию на синергетическую, гиперпластическую?

Но если мы понимаем, что это за психотехника, так значит, это можно повторить, отработать и поставить на службу людям. Вот это мы и сделали.

Пермакультурная революция

Александр Иванов – психотерапевт, эколог и путешественник, а также один из основателей экологического поселения ЧаЧжаевка на Алтае и соорганизатор международного проекта «Интегральное устойчивое развитие», готовящего кадры для пермакультурной революции.

Или, говоря привычным языком, готовящего людей, способных организовать и поддерживать поселения нового типа, использующие возобновляемые источники энергии и гармонизированные со средой пребывания, то есть не производящие мусор, не загрязняющие воздух и воду…

В рамках проекта планируются три сессии практического обучения – три выезда по 2–3 месяца, в три региона мира: Горный Алтай (экопоселение ЧаЧжаевка), пустыня Израиля (Fairy Forest) и джунгли Бразилии (Chapada Diamantina).

– Что такое «пермакультурная революция» и как вы собираетесь готовить кадровый состав революционеров? Что такое «Интегральное устойчивое развитие»?

– Вообще революций в известном нам «революционном» военном формате было уже довольно много, слишком много. И не хочется больше. Поэтому поймите правильно: когда мы говорим «революция», мы имеем в виду некую трансформацию, смену, эволюцию, развитие. Когда что-то привычное, но уже устаревшее, начинает сменяться новым. Сейчас наш мир как раз стоит на очень важном распутье: урбанизация и индустриализация, которые долго были вектором развития цивилизованного общества, за последние 100 лет привели нас к достаточно глубокому экологическому кризису. Найти хорошую еду становится все труднее, вода стремительно портится, воздух тоже. Кругом горы пластикового мусора. Чтобы получить все необходимое для жизни, надо забираться все дальше и дальше от своего дома.

Пермакультура – это, наверное, самое революционное, что было предложено в качестве ответа произошедшим изменениям. Мы уже не можем «просто вернуться назад», к деревенской жизни. И мы сами, и мир слишком сильно поменялись. И пермакультура – это синтез старого, традиционного с новым, полезным, что принес прогресс.

Вкратце, пермакультура – это система знаний и умений, позволяющая создавать максимально эффективные связи между человеком, его домом и окружающей средой. Создатель этой новой культуры – австралиец Билл Моллисон. И сегодня понятие «пермакультура» это своего рода синоним гармоничной жизни. Проект «Интегральное устойчивое развитие» – это не просто курс по пермакультуре, это проект, включающий в себя много программ, направленных на всестороннее развитие человека: тут и телесные практики, и психологические, целительские и творческие семинары. А главное обучение проходит в реальных условиях – на природе, в эко-сообществе, в развивающемся эко-поселении. Одно дело пройти 14-дневные курсы в городе, и другое – прожить несколько месяцев в реальных условиях. Мы не только проектируем пространство, мы живем в нем.

– Как я поняла, подготовка будет идти в трех точках – в России на Алтае, в Израиле в пустыне и в джунглях в Бразилии. Соответственно, организаторы проекта из этих трех стран. Как сложилась такая команда? Где вы познакомились?

– Судьба свела. Так получилось, что мы все из сообщества контактной импровизации, есть такое танцевально-двигательное направление. Люди увлеченные, любящие планету и друг друга. Из наших увлечений и родился этот проект.

– Вы – один из сооснователей и строитель экопоселения ЧаЧжаевка на Алтае. Расскажите об этом проекте поподробнее. И прежде всего, чем люди будут зарабатывать на жизнь в этом поселении, ведь часто именно это становится камнем преткновения для устойчивого существования экопоселений.

– Проект существует с 2011 года. Создан компанией друзей и единомышленников. Сейчас в проекте участвует 15 семей. Правда, «на ПМЖ» живут там только две семьи, в том числе мы с женой. Мы проводим там около 8 месяцев, а остальные четыре путешествуем. Сейчас, например, я отвечаю на Ваши вопросы из Кунмина, путешествуя по Китаю. Мы с женой знакомимся здесь с пермакультурными поселениями и деревенской жизнью Юго-Восточной Азии. А вообще в нашем поселке для более-менее комфортной круглогодичной жизни готовы сейчас три дома.

Вопрос про деньги действительно очень важный, особенно на первом этапе. У нас там существует две параллельных экономики – общая и личная. Про общую я подробно написал в книге «Мы строим деревню». С личными деньгами все интереснее. Пути решения денежной проблемы тут очень разные, каждый решает их собственными методами Мы с женой, например, продаем мои книги, это приносит небольшой, но постоянный доход. Преподаем. Пару раз в году нам с друзьями заказывают строительство геодезических куполов. Это, кстати, одна из «фишек» нашей деревни, у нас сейчас 7 таких куполов разного назначения. Появилось у нас и небольшое производство: мы делаем травяные чаи очень высокого качества (Herbalcraft.ru). Есть в деревни и гончары – они зарабатывают своим ремеслом. Так что, повторюсь, все по-разному, разными творческими путями. Главное, не надо бояться остаться без денег. Надо учиться и развиваться, а ресурсы придут. Да и деньги не самое главное, не всегда нам нужны именно они. Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей.

– Еще одна проблема экопоселений – сложные человеческие отношения, которые возникают в замкнутой группе людей, не привыкших к деревенской жизни, живших до этого в больших городах. К этому вы готовы?

– Ну, во-первых, мы не замкнуты. У нас всегда много гостей. А зимой, наоборот, никого нет. Это еще проще: тут с собой надо разбираться, с отношением к себе самому.

Летом, когда в поселении много людей, мы устраиваем недели «сонастройки» – это такие встречи, когда просто все вместе обсуждаем разные человеческие проблемы, кто что знает, что с кем происходит. Это своего рода группы поддержки. Я считаю, что это важная часть жизни в поселении. Важен и изначальный состав участников проекта. Это должны быть здравомыслящие, здоровые и счастливые люди. У нас нет «беженцев» из городов. Все участники вполне благополучно жили, а то и продолжают жить в родных городах. И, конечно, не надо думать, что такие поселения – это способ решить проблемы взаимоотношений в семье. Естественно, в условиях бытовых трудностей проблемы могут, наоборот, обостриться. Лучше разобраться с самими собой в тепле и уюте, а уж потом ехать «в гору».

– Другое ваше занятие – путешествия. Вы написали книгу «Дромомания». Догадываюсь, путешествуете вы не протоптанными туристическими тропами. Какие ощущения от этих путешествий – где на планете сегодня точки роста новой глобалистской философии, не обремененной страновыми, финансовыми и идеологическими предрассудками?

– Вы имеете в виду пермакультурные проекты? Для того, чтобы начать думать о том, что происходит в мире, надо прежде всего быть сытым. Людям, которые озабочены исключительно тем, как добыть что-нибудь на ужин, трудно объяснять про пермакультуру. Поэтому экопоселений больше всего в развитых странах, где вообще больше «странных людей».

– Экологические движения становятся глобальными игроками. Представители каких стран в них задают тон и формируют идеологию, и можно ли сформулировать эту идеологию? Насколько много россиян участвует в экологических проектах?

– Мне кажется тут дело не в странах, а в людях. Это прежде всего личная революция. Начинать надо с себя – менять свой образ жизни, а не ждать, пока его кто-то изменит сверху, пока изменится страна или мир в целом. Когда в эту культуру приходят люди со статусом, они сначала «опрощаются», как говорил один из самых известных опрощенцев Лев Толстой. Впрочем, сейчас модно другое слово – дауншифтеры. Получается, что люди сначала двигаются вниз и только потом вперед. С этого и надо начинать – с упрощения и сокращения своих потребностей. Это главное в нашей идеологии. Простота и отказ от высокого уровня потребления. Что касается россиян, то среди них все больше тех, кто интересуется зеленой тематикой. Появляются и экопоселения, и курсы, и огороды, и другие проекты. Про точное число людей трудно что-то сказать. Кто-то начал выращивать для себя сам помидоры на балконе и это уже такой мини-пермакультурный проект.

Другие новые русские

В последние годы, наряду с укоренением в стране системной коррупции и нарастающим обособлением богатых граждан от основной части народа, проявилась и позитивная тенденция – возникли другие «новые русские» – волонтеры, добровольцы. Люди, которые, в отличие от большинства, не воспринимают общее как чужое и хотят улучшить не персонально свою жизнь, а жизнь общества в целом. Одна из них – координатор движения «Раздельный сбор» (пропагандирующего раздельный сбор мусора и использование его как вторсырья) и инициатор открытия петербургского благотворительного магазина «Спасибо!» Юлия Титова.

– Знаю, что 10 лет назад в Петербурге уже делалась попытка начать собирать мусор раздельно, и дело как-то не пошло. Вы в курсе той давней попытки?

– Конечно. Дело оказалось не таким простым, как это думалось 10 лет назад. Не хватило мотивированности, умения, настойчивости, работа по информированию людей тоже не сложилась. Приведу пример. Были установлены контейнеры для раздельного сбора разных фракций. Люди опускали стекло в один контейнер, бумагу в другой, пластик в третий, а потом видели, как все это сваливают в одну большую емкость при заборе контейнеров. Это всех очень демотивировало, люди думали, что все их усилия идут даром, а мусор просто везут на свалку. Дело в том, что при внедрении РСО система не была продумана до конца: было установлено несколько видов бачков – для каждого типа сырья, но специализированных мусоровозов со многими отсеками не было! Поэтому все фракции собирались в один кузов стандартного мусоровоза, а затем снова разделялись на конвейере, через который дополнительно проходит даже собранный раздельно мусор для окончательной сортировки.

На данный момент «Спецтранс-1», который восстанавливает работу бачков в Василеостровском и Кировском районе, пришел к отказу от этой абсурдной схемы в пользу системы «один желтый бачок для всех полезных фракций сразу», что значительно облегчит разделение мусора для жителей. Один желтый контейнер – для макулатуры, стекла, пластика, металла.

– «Раздельный сбор», как я понимаю, как раз и занимается прежде всего информированием и пропагандой среди горожан раздельного сбора мусора и вообще аккуратного и вдумчивого отношения к таре, упаковке, старым вещам.

– Да, наша главная задача – пропаганда и информирование. Не просто словами, но и делами. Мы устраиваем своего рода модельные сборы мусора. Каждую первую субботу каждого месяца на одной и той же площадке в каждом районе принимаем раздельно макулатуру, стекло, два вида пластика. Все, что люди приносят, забирают в переработку производства, использующие вторсырье. Смысл этих акций прежде всего в формировании нового отношения к вторсырью, новой модели поведения.

– Эти модельные сборы проходят во всех районах?

– Нет, пока в девяти, где нашлись координаторы.

– Как давно возник «Раздельный сбор»?

– В апреле 2011 года. Сначала мы просто провели сбор макулатуры, но потом поняли, что бумагой нельзя ограничиваться. Стали искать тех, кто заинтересован во вторсырье, появились активисты в разных районах. Сейчас костяк организации – около двадцати человек, плюс сочувствующие в каждом районе.

– Пытаетесь ли вы найти общий язык с компаниями, которые масштабно работают с мусором?

– Месяц назад к нашей большой радости Автопарк № 1 Спецтранса решил повторить масштабную попытку раздельного сбора мусора. Если по истечении нескольких месяцев экспериментального режима результаты будут удовлетворительными, то раздельный сбор станет работать в этих и других районах. Сразу в двух районах: Василеостровском и Кировском – установлено 150 новых контейнеров для вторсырья, налажен регулярный вывоз. В эти контейнеры следует класть все – и макулатуру, и стекло, и пластик двух видов, и металл. Эти контейнеры вывозятся не на свалки, а на конвейеры для сортировки, откуда вторсырье идет в переработку. Для Спецтранса это, естественно, коммерческий проект, который должен доказать свою окупаемость. Пока выводы делать рано. Окупаемость будет зависеть от того, насколько много людей будет использовать контейнеры для вторсырья, насколько аккуратно будут использоваться эти контейнеры. Если туда будут кидать все подряд, скажем, органические отходы, то скорее всего, результат эксперимента будет отрицательным. Так что мы, как можем и где можем, ведем агитацию в этих двух районах – информируем жителей, убеждаем участвовать в эксперименте.

– Наверное, пластик – это наиболее часто встречающаяся упаковка. Как я понимаю, идет в дело не весь пластик?

– К сожалению, да. У нас в городе есть мощности для переработки только того пластика, на котором внутри треугольничка – знака вторичной переработки – стоят цифры 1 или 2.

– Понятно, что многое зависит от администраций, руководства города. На ваш взгляд, у руководства города есть понимание необходимости пересматривать взгляд на мусор? Видеть в нем не гадость, которую надо вывезти с глаз долой, а нормальное сырье для изготовления новых товаров? Ведь нам все равно никуда не уйти от необходимости такого видения…

– В городе с каждым губернатором принимается новая «мусорная концепция». Делается это кулуарно, и мнения экологов и

активистов не учитывается. Очередная концепция принята 30 мая этого года, только что. Она нацелена на мусоросжигание, переработки в ней просто нет. Хотя была и концепция, нацеленная на переработку, предлагавшаяся экологами. Но она не прошла. Почему, мы можем только догадываться. На новую городскую концепцию борьбы с мусором планируется истратить около 60 млрд рублей. Комментируя новую программу, профессиональные экологи говорят о надвигающейся мусорной катастрофе.

– Есть еще отдельная тема – опасные отходы. Батарейки, аккумуляторы, люминесцентные лампы… Я знаю, что одна маленькая батарейка портит 40 метров почвы. Их вы при раздельном сборе не принимаете?

– К сожалению, по законодательству эти отходы принадлежат к 5-му классу, они признаны опасными, и как обычные горожане, так и организации не могут собирать их без лицензии. Вообще, по городу ездит Экомобиль, который собирает опасные отходы, его расписание движения есть в Интернете и печатается в районных газетах. Также можно любой будний день прийти в организацию ГУП «Экострой» на 13-й линии В. О., 22 и сдать там.

– Как я понимаю, вы пропагандируете не только раздельный сбор, но и минимизацию использования упаковки?

– Сейчас используется огромное избыточное количество пластика, пакетов, прежде всего. Каждый раз, идя в магазин, человек берет там несколько пластиковых пакетов, но ведь можно приходить со своим! С одним пакетом можно ходить в магазин не один месяц. Можно все развесные товары покупать в свою тару. За рубежом это становится все более популярно. Там об этом много пишут, идет пропаганда, и отношение людей к избыточной упаковке меняется.

– Новая жизнь старых вещей – это, в общем, о том же – о *бережном отношении к окружающей среде. Расскажите, пожалуйста, о вашем благотворительном магазине «Спасибо!».*

– Мы увидели модель работы таких магазинов в Англии, там подобных магазинов тысячи, и они существуют уже десятки лет. Смысл очень прост: люди приносят ненужные им вещи, мы их сортируем и 90 % отдаем разным благотворительным организациям, а 10 % наиболее эксклюзивных, интересных, винтажных вещей выставляем на продажу в магазине. Доход от продажи покрывает расходы (аренду, коммунальные платежи, зарплаты, налоги), а прибыль отправляется в благотворительные организации.

Свой первый магазин мы открыли в мае 2010, сейчас их уже два. В месяц через нас проходит 2–3 тонны вещей. Люди рады сдать ненужные вещи на благое дело. Интерес к проекту большой, мы информационно поддерживаем энтузиастов из других городов, и сейчас уже открылись такие магазины в нескольких городах: Екатеринбурге, Казани, Волгограде, Кирове. Вести эту деятельность непросто, приходится держать в голове огромное количество разных факторов.

– А что за вещи вы принимаете?

– Одежду, обувь, книги, сумки, посуду, украшения, да, в общем, самые разные вещи. Зачастую вполне хорошие, просто человек от вещи устал и хочет купить новую.

– Ваш проект имеет какую-то поддержку от города как социальное предпринимательство?

– Нет. Мы платим налоги, аренду, коммунальные платежи как обычный розничный магазин. К сожалению, наше законодательство не предусматривает никаких льгот и упрощений для такой работы. Но мы все равно планируем развиваться, потому что видим необходимость в такой работе и считаем ее важной и полезной. Уже больше года мы занимаемся не только распределением и продажей вещей, но и организацией самых разных мероприятий и встреч в помещении магазина. Хотим развивать и это направление работы тоже.

Россия может стать аграрной супердержавой

Самарский предприниматель Людмила Орлова успела поработать в разных сферах, создала завод сельскохозяйственных машин, оборот которого достиг 2 млрд руб. в год, а сейчас активно осваивает передовые технологии земледелия на границе Самарской и Оренбургской областей.

– Над чем конкретно вы сейчас работаете?

– Это несколько направлений в сельском хозяйстве. В том числе развитие Национального движения сберегающего земледелия с целью внедрения в сельхозпроизводство комплекса современных технологий, включающих технологии точного земледелия, прямой посев, эффективное орошение. В рамках движения реализуем проект создания модельных хозяйств.

– То есть вы работаете и непосредственно на земле, выращиваете продукцию?

– Да, выращиваем – картофель, сою, твердую пшеницу, ячмень. В этом году энергетические культуры исследуем, пробуем разные семена. Внедряем передовые технологии. У нас навигация на тракторах (они работают на автопилоте), счетчики урожайности, дифференцированное внесение удобрений. Наша цель – создать хозяйство с концентрацией современных технологий, которое должно стать практической площадкой для обучения сельхозпроизводителей.

– Как вы пришли «на землю»?

– У меня была давняя идея – внедрить в российские хозяйства передовые технологии. Это непросто. Даешь им эти технологии, а они говорят: «Не, не работает». В конце концов я решила сама попробовать и доказать, что эти технологии в России работают точно так же, как в любом другом месте. Зачастую у сельхозпроизводителей просто не хватает знаний и умений, чтобы сделать все точно. Во многих странах захотел производитель использовать какую-то дифференцированную систему внесения удобрений – пришел, посмотрел, как это работает на практике, изучил, убедился, что ему понятно, купил и внедрил. А у нас нет опытных передовых хозяйств, где бы можно было освоить нечто новое – все они закрылись, погибли.

Так вот, моя идея – создать сеть таких хозяйств. В Самарской области я сама этим занялась, еще в ряде областей центральной России есть люди, готовые за это взяться. А потом можно будет пригласить представителей правительства, чтобы они посмотрели, как это работает, и помогли создать такие опытные передовые хозяйства в каждом регионе. Кстати, эту идею продвигал еще Менделеев. У него тоже было опытное хозяйство, в котором было много нового, и он хотел покрыть Россию сетью таких хозяйств, каждое из которых специализировалось бы на чем-то своем.

Вообще, никакого прогресса без такой сети не может быть. Сложно просто купить иностранную технологию и запустить – слишком много нюансов, которые надо знать.

Одно дело, когда человек в офисе сидит и тебе все на пальцах объясняет, и другое, когда ты приехал на землю, посмотрел, как люди работают, сам сел за трактор, попробовал, почувствовал, как что настроено. Тогда действительно становится понятно, как и что. Да и, в случае чего, одно дело – обратиться за помощью в хозяйство в твоей же области, и совсем другое – связываться с каким-нибудь хозяйством в Германии, например, или в США.

– Чувствуется, что вы принимаете проблему близко к сердцу…

– Да, меня давно это волнует. Я много сил положила, чтобы создать завод сельскохозяйственной техники в Самаре, сейчас там уже все налажено, работает. С завода я ушла и сейчас хочу сосредоточиться на развитии Движения сберегающего земледелия, на внедрении передовых методов хозяйствования, сберегающих технологий. Мы должны сохранять ресурсы – землю, воздух, воду, все то, что не восстанавливается. А у нас в России 60 % эродированных земель. Это очень много. Ведь если степень деградации земли высока, то ее уже и восстановить-то невозможно.

– А какой-то отклик, человеческий интерес к своим инициативам вы чувствуете?

– Вы знаете, с научной точки зрения проблему сберегающего земледелия изучал агрофизический институт. Я же просто поездила, посмотрела, что в мире делается. Подобрала те технологии, которые могут быть важны и полезны именно у нас. Стала издавать брошюры по этим технологиям, проводить семинары. И вот так дело тронулось – создала первую компанию точного земледелия в России, мы первый автопилот для трактора приобрели… А сейчас компаний точного земледелия уже немало.

– Автопилот на тракторе?

– Да, конечно. Это и есть точное земледелие. Когда нет наложений, нет пропущенных необработанных полосочек. Ведь все наложения и пропуски – это потеря урожайности и денег. Где-то получается перерасход удобрения или других веществ, а где-то, наоборот, недообработка. А это все прямые потери.

– Мне кажется, у наших механизаторов такой менталитет, что внедрить подобные технологии, мягко говоря, сложно.

– Тут вы правы. Люди привыкли исходить из того, что и без всех этих технологий как-нибудь да управимся. Они не понимают,

что мир разомкнулся. Особенно сейчас, когда мы вступили в ВТО. Мы оказались в той же ситуации, что европейские и американские фермеры, но они понимают, что выжить в жестких экономических условиях можно только, применяя современные технологии, которые позволяют работать с высокой эффективностью, повышая производительность и доходность, с гораздо более высокой дисциплиной работы. А у нас до сих пор применяются архаичные агротехнологии, да и господдержка сельхозпроизводителей несравнимо ниже. Так, в Самарской области она ориентировочно составит 470 рублей на гектар, но и это точно еще неизвестно, хотя год уже к середине приближается… А в Германии господдержка – около 270 евро на гектар. То есть в 27 раз больше! Есть разница? А ведь у нас огромная страна. И по запасам земли, и по запасам воды мы первые. Но и по бесхозяйственности, и безалаберности – тоже…

– Людмила, где вы берете оптимизм и психологический ресурс для продвижения нового в непростых российских условиях?

– Вечерами, когда я начинаю думать о всех сложностях, бывает, что накатывает депрессия, вспоминаю фразу Скарлетт О'Хара «Об этом я подумаю завтра». Утром просыпаюсь – и вперед. А куда деваться?

В книге использована тексты, опубликованные на сайте информационного агентства «Росбалт» и в журнале «Нева».

С автором можно связаться, написав что-нибудь важное, интересное и позитивное, по электронной почте fionne@mail.ru